
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2014

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий РАСТОРГУЕВ. Каинова печать, или Дерево без корней	3
Андрей ФУРСОВ. Им Украина нужна для удара по России	9
Чеслав КИРВЕЛЬ. Что поставлено на карту?	104
Людмила РЯБИЧЕНКО. «Анкета с того света», или	147
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. «Адская машина» международного усыновления	156

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Как далеко до завтрашнего дня. Повесть. Продолжение	24
Олег СЕЛЕДЦОВ. Молитвами Сергия. Фрагменты романа	132
Геннадий КЛЕПИКОВ. Рассказы	162
Вадим НАГОВИЦЫН. Ганин луг. Рассказ	201
Иван УХАНОВ. Рассказы	233

ПОЭЗИЯ

Владимир ШУБАЕВ. Божья колесница. Стихи	98
Николай РАЧКОВ. Луговой костёр. Стихи	142
Владимир ШЕМШУЧЕНКО. Трава в росе. Стихи	181
Анна ТОКАРЕВА. Рябина в меду. Стихи	217

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Раис СУЛЕЙМАНОВ, Мария МОНОМЕНОВА. Православие — защита от ваххабизма	186
---	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Павел СВЯТЕНКОВ. Какой статус в России имеет русский народ?	194
Лидия СЫЧЁВА. Они и мы	197

ДОСЬЕ МГ

Роман ИЛЮШЕНКО. Человек, который мог остановить войну	220
Геннадий СТАРОСТЕНКО. Почему Эйнштейн показал всем язык...	226

СИМВОЛ ВЕРЫ

Владимир ВОРОПАЕВ. Нет другой двери...	259
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	267
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ЮДИН. Полонез Огинского	281
---	-----

Валерий РАСТОРГУЕВ,
доктор философских наук,
профессор философского факультета МГУ

КАИНОВА ПЕЧАТЬ, ИЛИ ДЕРЕВО БЕЗ КОРНЕЙ

Есть несколько бесспорных фактов. Один из них: Украины как государства больше нет. Больно это констатировать — земля наших истоков, но приходится: на карте есть, а по сути — уже и нет. В политическом плане, конечно. Есть пространство с почти полностью утраченным суверенитетом. Почти, потому что суверенитет — как вода, утекает при неправильном хранении, заклинаниями не удержать. В большой и прочный сосуд суверенитета много войдет и долго храниться будет, а в серебряном и не стухнет даже. Но если в руки разливать, то в горсти далеко не унесешь. Государственный сосуд новообразованной Украины был небольшой, много раз битый и склеенный наспех, но и его на Майдане разбили до основания. Битами. Под команду «Ату его, ату!» А теперь что от суверенности осталось? Разве что бывший президент Янукович, которого и жалеть жалко. Да еще — мокрые и подозрительно красные липкие руки «сузеренов» (среди них почти нет ни украинцев, ни тем более великороссов). Вот и вся незалежность, еще вчера худо-бедно дышавшая, хотя и худо, и бедно, конечно. Даже своих сузеренов — ни од-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ного, надо каждый раз за ярлыком ездить за океан. Жить в таком пространстве мучительно трудно, поскольку от тебя и даже от твоей и общей логики мало что зависит — все решает кучка миллиардеров и забугорных политиканов: как сговорятся, так и будет. Захотят — что-нибудь сладут или присвоят, тот же золотой запас со скифскими древностями. Задумают — и по живому отрежут. Несколько земель планируют прирезать к Польше, к примеру, — почему нет? А пожелают, не ровен час, и этноцидом займутся, благо тех, кто зарится на чужое, — немерено. Дай волю, за день Бабий Яр устроят, и не один. Нищие победители — хуже саранчи. Сегодня насильники, завтра палачи.

Каинова печать: Бог шельму метит

Роль Творца в нынешнем мире присвоил себе некий «политический демиург». Сознательно говорю о нынешнем мире, а не о современном: язык не поворачивается назвать современностью впадение в дикость и людоедство: вспомним сирийского боевика-исламиста, который поедал сердце врага перед телекамерами спонсоров? И это зрелище транслировали всем — чтобы помнили, кто хозяин, а кто скот. А демиургом страна-лидер себя считает не только из-за адской гордыни. Есть у нее и основания так величать себя, причем веские основания. Это и «оружие судного дня», коего накоплено в переизбытке, — на разрушение десяти планет «типа Земли» хватит с запасом, а также дистантное оружие. Оно позволяет убивать играючи — в самом прямом смысле слова, хоть на диване в загородном доме. Так убивали во время «миротворческой» операции в Белграде, Каире, Ливии... С бомбами, оснащенными видеокамерами для «освещения боевых действий»: город — мост — ребенок на мосту (до сих пор имя сербской девочки помню)... Это и тотальное знание обо всех и, кажется, обо всём на свете.

О способах добычи этого «высшего» знания поведал миру беглец Сноуден. Но мир почему-то не удивился, ибо и без него всё было ясно, разве что без конкретики, без тех отдельных деталек, где и прячется нечистый. Теперь его, нечистого, явили миру. И теми же методами раздели догола: нечем теперь стыд прикрыть даже сановной даме из страны-демиурга, которая тасовала, как карты, политический бомонд в Киеве. Подслушали и её глумливые поучения. Впрочем, саму даму это несколько не смутило, да и не могло, не из того теста. Говоря о своих холопах и европейцах, она, как известно, использовала вовсе не дипломатическую лексику, а русский

(!) мат. О местных вождях-нацистах говорить — время впустую тратить: они откровенно, не прячась, культивируют свою малопрезентабельную идейную наготу, как и их давно горящие в геенне огненной наставники из бункера. Да и сами они говорят о своих позорных пристрастиях без умолку...

Что с ними, захватчиками древнего Киева, делать, как судить братьев? Многие говорят о новом Нюрнберге над теми, кто сеет этническую рознь. Дело, конечно, полезное, но для начала надо хорошенько подумать. Киев — не Берлин, здесь всё труднее: самим бы не стать Каинами. Нравится нам, великороссам или тем трезвым украинцам, кто не усвоил азы школы дикого национализма, переходящего в нацизм, или нет, но даже эти коричневые факелоносцы — наши братья по роду-племени, прежде всего, хотя сами они от родства двумя руками открещиваются. Они даже по языку не желают знать-ся с русским братом, делая вид, что не понимают ни слова «по-москальки». Братья мы, конечно, от роду, но жаль, что не братья по разуму. Теперь наша задача — не уподобиться окаянным. А это не просто. Бог осудил Каина на изгнание и вечное скитальчество, и поделом. Но осудив, выделил его особым знаком. Каиновой печатью. Мало кто помнит, что Господь нанес сию печать на Каина не для срама, а по его же, Каина, просьбе — не хотел себе братоубийца позорной смерти. И Бог не желал ему этого: «И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его». Бог милосерд, Он не желает ни вражды, ни кровной мести. В отношениях России и Украины самое трудное и самое главное сейчас — не одичать самим, не отречься, сберечь братское чувство даже к тем, кто тебя назвал врагом: не ведают, что творят.

Мутная аналитика Смутного времени

Когда аналитические потоки становятся мутными, как это происходит сегодня, в эпоху великих геополитических перемен (а Украина — узел таких перемен!), когда они смешиваются в одну массу и обрушиваются, как девятый вал, на головы миллионов людей, возникают большие проблемы с психическим здоровьем огромных человеческих масс. В чем заключаются эти проблемы — вопрос риторический. Диагноз, который может поставить любой из нас, не только тонкий аналитик, лежит на поверхности: это массовое оглупление, а иногда и полное озверение, когда даже родные братья, как видим, становятся антиподами, а их дети, того гляди, забудут о родстве, как о страшном сне. Умственная слепота и буй-

ство масс — лучшая почва для возвращения великих политических идеологий XX века, казалось бы, давно отживших, канувших в Лету. Сегодня мы наблюдаем их перемещение в век XXI. Еще недавно (почти сегодня и еще чуть-чуть завтра) мы жили в эпоху постмодерна. Тогда большие рассказы и «великие учения» вызывали у большинства мыслящих людей (они же и меньшинство) смех или раздражение, а проснулись... под лязг гусениц и колонн, готовых пойти в бой за эти самые великие идеи. Хорошо еще, что гусеницы заржавели...

Зададим себе простой вопрос: что делает аналитику мутной, и о каких идеологиях идет речь? Начнем с того, что политическая аналитика редко бывает кристально прозрачной по ряду причин. Многие ведущие аналитики, в том числе политтехнологи, да и сами политики, не слишком доверяющие посредникам, — люди, которых истина если и интересует, то исключительно как предпосылка для того, чтобы вколачивать «свои истины», то есть проекты. Соответственно, и подобная аналитика становится непрозрачной, а то и вовсе призрачной. А так называемые «академические аналитики» и «толкователи», как правило, находятся под влиянием идеологий, как и все смертные. К тому же они не вхожи на политическую кухню, их и в буфеты-то властные не часто пускают. Поэтому они реконструируют события и «дешифруют» закрытые стратегии по своему усмотрению, привнося в политическую реальность не только вполне эффективные концептуальные схемы, которые действительно многое разъясняют, но себя самого. Все просто: каждый ученый муж демонстрирует свою дееспособность, для чего стремится выделиться и обособить собственную делянку в науке, со своей колокольни обозреть окрестности и по-своему объяснить логику и замыслы сильных мира сего. И начинают с формулы «Уж я бы»: «Уж я бы, если бы был президентом, начал бы с...» А если учесть, что эти «логики» (думающих и действующих) чаще всего почти ни в чем не соприкасаются, ученый входит в раж и становится агрессивным участником околополитической схватки. Посмотрите на токовища в ТВ, где яйцеголовые спорят с баранами по правилам хрюш и ксюш. А у каждого здесь в запасе известный набор «аргументов», самый умеренный из которых: «Не тебе бы, профану, судить о политике» (политик так говорит об ученом, ученый о политике).

Идеологии, которые возвращаются

Политические идеологии, казалось бы, давно похороненные (их место заняли программы партий, встроенные в систему, то есть хотя бы вменяемые), встают из земли, как зом-

би. И идут к людям. Они возвращаются, неся с собой возможность невиданных глобальных потрясений. Речь идет не только о марксизме во всех его модификациях — от классических форм до немарксистских версий, троцкизма и даже маоизма. Ничего удивительного в этом нет: марксизм — это едва ли не самая востребованная в мире теория, о которой большая часть марксистов, и особенно марксистов-ленинцев, даже основная часть «красной профессуры», не имела ни малейшего представления, хотя какие-то азы воспроизводила. Это несоответствие меня всегда удивляло. Сегодня Марксова теория снова прекрасно работает, к сожалению. К сожалению, поскольку мир и РФ прежде всего вернулись к диким классовым антагонизмам (после крушения соцлагеря). Нацизм на Украине (как и на прибалтийских территориях) потому и поддержан основными игроками, что только он смог утопить (на Майдане — в крови) неизбежный, казалось бы, красный и анархический бунт против олигархической засылы, да так ловко, что никто и не заметил...

Идеологии радикального либерализма (рыночного фундаментализма, не признающего правил) и возвращаться не надо. Эта идеология правит бал и больше всего похожа на хамелеона, который маскируется под внеидеологический и сугубо научный дискурс. Достаточно сказать, что большая часть «Нобелей» по экономике имеет такое же отношение к строгой науке, как хищнический инстинкт транснациональных компаний к национальным интересам.

Возвращается, разумеется, и нацизм. Он поднимается, как на дрожжах, когда оживает дух этнического национализма (не путать с национализмом гражданских наций). Этнический национализм — мощный обезболивающий наркотик и сильнейшее из чувств, которое почти недоступно великороссам (в нашей культуре *такого* национализма практически не было), но опьяняет многие народы, особенно те, где национализм становится единственной (!) идеей объединения. Поэтому со стороны трудно судить и, пожалуй, не стоит осуждать. Другое дело, когда это массовое опьянение становится нацизмом — с желанием резать и гнать, грабить и мучить всех, кто относится к «низшей расе».

Дерево без корней

Цивилизационное единство и целостность — корень, сохраняющий народы. Когда корень отсекают, древо высыхает, что и случилось с Украиной. Для этого и нужен был украинский национализм, в этом и заключена причина близости

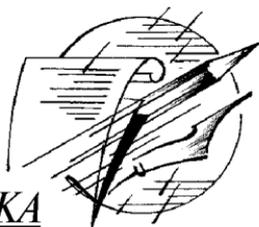
и даже союза нацистов-антисемитов с их «злейшими врагами» — местной сеибоярщиной и компрадорами, которые и в РФ, и на Украине задушили национальный капитал. О нацизме долго рассуждать можно, но не стоит. Здесь всё очевидно и без теорий: это чувство расового превосходства, которое, как правило, просыпается у людей и народов, чем-то ущемленных. Когда прищемит за живое — больно. У русских нет этнического национализма, а тем более расизма.

Цивилизационную подоплеку событий на Украине можно замечать или не замечать, можно даже забыть, что Киев — мать городов русских. Но удар нанесен именно по этой точке на карте. И сделано это не случайно: здесь следует искать первопричины и социальной катастрофы, разворачивающейся на наших глазах, и того непостижимого на первый взгляд единодушия западных государств, с которым они называют белое черным, а черное белым, родство и дружбу наших народов — многовековой борьбой, а погромщиков, палачей и предателей — героями. Когда ненависть тех, кто только что убивал идейных или племенных «врагов» и хоронил своих убитых, застилает глаза и будит в душах безумие, это еще можно если не оправдать, то как-то объяснить. Когда же руководители «сытых стран» повторяют и плодят заведомую ложь, это действительно вызывает оторопь. Возможно, и наше отношение сегодня лишено полутонов, поскольку спектр политической жизни не сводится к контрасту белого и черного. Но все краски меркнут, а оттенки исчезают в момент исторического крушения прекрасной страны. А именно такой момент переживает сейчас Украина, да и все мы, не разделяющие Святую Русь на «своих» и «чужих». Наши святые не разошлись по своим «национально-этническим квартирам», и нам негоже.

УКРАИНА НУЖНА ДЛЯ УДАРА ПО РОССИИ

«Программа-максимум на Украине — та же, что в 1930-е годы при создании немецкого нацистского рейха: создание силы, которая в случае необходимости для Запада возьмет на себя решающую часть войны с Россией и максимально измотает ее, при этом самоуничтожившись. Иными словами, окончательное решение славянского/русского вопроса силами самих славян/русских с последующим разделом России/Северной Евразии и присвоением ее ресурсов и пространства». Так известный историк и специалист по геополитике, директор Института системно-стратегического анализа Андрей ФУРСОВ объясняет стратегическую задачу Запада в интервью о происходящем на Украине, о главных геополитических вызовах для России и о том, какова сейчас расстановка сил на мировой шахматной доске. «Впервые Западу удалось заложить фундамент абсолютно антирусского (более русофобского, чем Польша) славянского (к тому же не католического, а православного) государства».

Корреспондент: Андрей Ильич, вы согласны с тем, что «февральская революция» на Украине вызвана не только от-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

казом Киева от соглашения по евроинтеграции, но и тем, что в 2013 году Запад потерпел серьезное геополитическое поражение в Сирии?

Андрей Фурсов: В прошлом году в обоих случаях Западу не удалось добиться тех результатов, которые ставились, — свергнуть режим Асада и привести к власти на Украине прозападные силы, окончательно оторвав Украину от России. Причем, если по сирийскому вопросу в мировой капиталистической верхушке были разногласия — имелась влиятельная группировка, не желавшая эскалации конфликта в Сирии и превращения его в региональную войну, то по украинскому вопросу Запад выступал единым целым. При этом ясно, что экономически Украина североатлантическим элитам сто лет не нужна, им нужно геополитически оторвать Украину от России, превратив ее в антироссийский плацдарм.

Курс на отрыв Украины от России — давний геополитический «проект» Запада в целом: немцев, британцев, американцев. У нас любят цитировать слова Бжезинского о том, что без Украины России не суждено стать великой державой (это ошибка: Россия и без Украины может быть великой державой, хотя без неё этого будет труднее добиться, а вот Украина без России — это руины, это заброшенный дальний двор Европы). Но намного раньше, в самом начале XX века, немецкий генерал Пауль Рорбах писал о том, что в интересах Европы, и прежде всего — Германии, «оторвать Украинскую Россию от Московской России». Показательно, что для генерала и Украина, и Московия — это Россия.

В нынешней ситуации с Украиной США и Евросоюз ярко и не стесняясь продемонстрировали и лицемерие, и двойные стандарты, и русофобию. Только этой последней можно объяснить их более чем «толерантное» отношение к украинским нацистам, маршировавшим по улицам Киева, к раздававшимся в городе эсэсовским маршам. Логика проста: если нацисты на Украине (как и в Прибалтике) против России, то пусть. Впрочем, американцам не привыкать: в 1945—1946 годах они при активном содействии русофобского Ватикана сделали все, чтобы, выведя из-под удара нацистов (в том числе явных военных преступников), перебросить их в США или Латинскую Америку и активно использовать их против СССР. Украинские события — это наглядный опыт, с кем мы имеем дело.

Корр.: В итоге в феврале оппозиции удалось свергнуть Януковича — и Запад посчитал, что добился своей цели...

А.Ф.: Да, ситуация на Украине радикально изменилась: в

Киеве 19–21 февраля произошел неонацистско-бандеровский переворот, инспирированный коллективным Западом, и прежде всего — США. Именно американцы, используя тупость и жадность Януковича и его окружения, изменили ситуацию, остановив в зародыше антитеррористическую операцию украинских властей. Если бы она началась, то с Майданом было бы покончено — он и так уже отступал. Но вышло так, как вышло. Сказались долгие годы работы спецслужб США с украинской верхушкой, хранящей деньги в американских банках, СБУ, бандеровским подпольем, которое было активизировано, а в значительной степени — воссоздано.

Показательно, что в течение двух решающих суток спикером Рады «работал» посол США, диктовавший условия верхушке «нэзалэжной». Хотя о какой «нэзалэжности» можно говорить? Квазигосударство Украина и так находилось в большой степени под внешним управлением, а здесь оно было продемонстрировано откровенно, цинично и нагло. Всем показали, кто в доме хозяин, кто рулит событиями — в Раде и на Майдане, чья злая воля направляет неонацистских отморожков. Февральский американо-бандеровский переворот может существенно изменить геополитическую ситуацию в Восточной Европе, Евразии и мире.

Если у Запада и прозападных сил на Украине, которые использовали в своих, далеких от интересов Украины, целях естественное недовольство жителей Украины, прежде всего Киева, мафиозно-олигархическим кланом Януковича, получится задуманное, то цель, к которой они активно шли более двух десятков лет, можно считать, достигнута. Уже сейчас война пришла на землю исторической России — впервые после нацистского нашествия. В перспективе же речь может пойти не только о создании самовоспроизводящейся ситуации югославского типа у границ РФ, но и о превращении Украины в антирусское славянское государство, противостоящее (в союзе с Польшей) России. Попытка создать такое государство руками деятелей «оранжевой революции», американских «шестерок» Ющенко и Тимошенко провалилась. Большая часть народа сопротивлялась такому курсу, а избрание Януковича не ускорило процесс окончательного отрыва Украины от России — этого давнего западного проекта, разработанного немцами и унаследованного американцами.

Западные стратеги всегда подчеркивали необходимость противопоставить Украину России, стравить их народы, для чего необходимо вырастить среди самих же русских украин-

цев людей с сознанием, измененным до такой степени, что они станут ненавидеть все русское. Таким образом речь шла о психоисторической спецоперации, информационно-психологической диверсии, целью которой — создание славяно-русофобов как психокультурного типа и политической силы. Они-то и должны были оторвать Украину от России и противопоставить ее последней как «антирусскую Русь», как «свободную и демократическую» альтернативу империи. Оформлено все это было, в частности, галицийским проектом, над которым активно работали сначала разведки Австро-Венгрии и кайзеровской Германии, затем — третьего рейха, во второй половине XX века и до наших дней — ЦРУ и БНД.

После «оранжевой революции» Западу казалось, что задача будет решена, но не вышло. К концу 2013 года тоже казалось, что задача вот-вот будет решена, что евросоюзовский хомут уже на шее Януковича и Украины. Но свою роль сыграла позиция России (а возможно, и Китая), и Янукович, решив сыграть в какую-то свою гешефтную игру, взбрыкнул. В этот момент Запад списал, во-первых, Януковича, во-вторых, мирный, «оранжевый» путь отрыва Украины от России, сделав ставку на бандеровцев, на украинских неонацистов-русофобов, продукт той самой психоисторической операции, которую немцы начали готовить полтора века назад, затем во время Второй мировой войны эстафету подхватили нацисты, создав дивизию СС «Галичина», а с 1990-х годов в работу включились наследники третьего рейха по созданию нового мирового порядка (какое совпадение терминологии!) — американцы.

Результат многолетней «эстафеты» — февральский неонацистско-бандеровский переворот в Киеве, проведенный под инструктажем американских спецов, и начало оформления антирусского бандеровского государства. Впервые Западу удалось заложить фундамент абсолютно антирусского (более русофобского, чем Польша) славянского государства. По своему демографическому потенциалу бандеровская Украина, особенно в союзе с Польшей, вполне может противостоять России в военном плане, особенно при поддержке НАТО.

Программа-минимум создания Западом славянского неонацистско-бандеровского рейха — постоянное давление на Россию, провоцирование ее различными способами, включая диверсии, а в случае адекватного ответа — тиражирование в мировых СМИ образа «свободной демократической Украины», которую якобы давит стремящаяся к восстановлению империи Россия; короче говоря, маленькая Украина — жертва большой России (по отработанной в Югославии схеме «бедные албанцы — жертвы злых сербов»).

Программа-максимум — та же, что в 1930-е годы при создании немецкого нацистского рейха: создание силы, которая в случае необходимости для Запада возьмет на себя решающую часть войны с Россией и максимально измотает ее, при этом самоуничтожившись. Иными словами, окончательное решение славянского/русского вопроса силами самих славян/русских с последующим разделом России/Северной Евразии и присвоением ее ресурсов и пространства. Но, как известно, гладко было на бумаге.

История — дама коварная, достаточно вспомнить, как и чем кончали те, кто стремился к окончательному решению русского вопроса. Это не говоря о том, что есть Восток и Юго-Восток Украины. При этом, однако, надо помнить: нынешний отрыв Украины от России планируется как отрыв-противопоставление для давления на Россию или нанесения удара по ней силами неонацистско-бандеровского режима. Это, помимо прочего (а «прочее» — это борьба в американской верхушке, ситуация Обама после жухлого для него 2013 года, американо-германские проблемы, китайские игры в Восточной Европе и др.), ответ США на действия России в 2013 году.

Похоже, они, по крайней мере, данная администрация и кланы, стоящие за ней, которым надо спасать лицо перед своими хозяевами, переходят к активным действиям: через два года выборы, а демократам не хочется покидать Белый дом, и Обаме придется потрудиться на нового, теперь уже белого президента. Кто это будет — мадам Клинтон, которая еще в декабре 2012 года бесилась по поводу Таможенного союза и, усматривая в нем ресоветизацию постсоветского пространства, заявляла, что США будут всячески противодействовать этому, Байден или еще кто-то — неважно. Важно, что от этого сегмента американской верхушки ничего хорошего России ожидать не следует, а вот атака возможна. Но, как говорили герои фильма «Чапаев» об атаке противника: «Психическая? Ну и хрен с ней, давай психическую».

Корр.: А вы не сгущаете краски?

А.Ф.: Мне бы очень хотелось ошибиться. Однако я очень давно изучаю мировую борьбу за власть, информацию и ресурсы, анализирую целеполагание и деятельность североатлантических элит. Повторю, что Россия даже в ее нынешнем состоянии — до сих пор единственное препятствие на их пути к мировому господству. Поэтому-то один из последних начальников советской разведки Л.В. Шебаршин заметил: Западу от России нужно одно — чтобы ее не было. Стратегически, геоисторически не было. А для организации небытия нужен таран — как когда-то Гитлер.

Поэтому наш бронепоезд должен всегда быть на запасном пути: предупрежден — значит вооружен. И лучше стукнуть краски и ошибиться, чем допустить повторение «22 июня 1941 года», тем более североатлантические элиты — противник намного более серьезный, чем Гитлер с его третьим рейхом, оказавшимся к тому же один на один почти со всем миром. Сегодня один на один почти со всем миром — мы, тем более что РФ — не СССР ни по экономическому потенциалу, ни — главное — по качеству человеческого материала.

Корр.: Можно представить, что будет с Украиной, ее экономикой в случае упрочения бандеровского режима.

А.Ф.: Руины. Ничего другого быть не может. Частично уничтоженное, частично подавленное, частично изгнанное русское население. Разрушенная промышленность, скупленная Западом и отчасти китайцами земля.

Корр.: Но в этом случае возможно массовое народное возмущение и свержение бандеровского режима, не так ли?

А.Ф.: Теоретически возможно, но трудно свергнуть режим, за которым стоит Запад. Такое было возможно, когда в мире существовал СССР — вторая сверхдержава, которая могла поддержать слабых мира сего в их борьбе против сильных, против буржуинской железной пяты. Более вероятен другой вариант: режим и Запад постараются направить социальную ярость низов на восточного соседа, определив его в качестве источника всех бед, причинами которых якобы являются «гнет Российской империи», «советский тоталитаризм» и т.п.

Впрочем, повторю: история — дама коварная, и все может пойти по-другому. Будущее не предопределено, оно создается в борьбе, столкновении воли и сил, а потому зависит и от нас, от наших действий. К сожалению, партия за Украину бездарно проиграна. Наши послы работали с украинскими олигархами, проворачивая свои гешефты, начисто забыв о том, что есть народ, население, в том числе прорусское — доллар мутит разум, в то время как Запад работал и с олигархами, и с наиболее активными антирусскими силами, слоями, группами. Эти группы и оказались тем джокером, которым Запад перебил якобы пророссийских олигархов и их ставленника с уголовным прошлым.

Однако проигрыш партии — не проигрыш матча, матч не окончен. Но чтобы его выиграть или хотя бы не проиграть, надо проделать безжалостную работу над ошибками и навести порядок у себя дома. Проигрыш «украинской партии» есть результат наших внутренних проблем, внутреннего неустроения.

Корр.: Если перейти от Украины к глобальному масштабу, то можно ли говорить о том, что в расстановке сил на мировой арене наметились изменения, а частично уже и произошли в 2013 году?

А.Ф.: О принципиальных, т. е. качественных изменениях в расстановке сил на мировой арене вряд ли можно говорить. Идет рутинная повседневная борьба. Ситуации в Сирии и на Украине далеки от своего разрешения, и ясно, что заинтересованные силы на Западе будут продолжать оказывать давление — борьба будет продолжаться. А пока стороны, как игроки в замечательной игре вэйчи (го), «расставляют камни».

Корр.: С чем связаны геополитические успехи Владимира Путина и России в минувшем году?

А.Ф.: Успехи Владимира Путина и России на международной арене, по крайней мере, что касается Сирии и Сноудена, обусловлены, во-первых, благоприятными обстоятельствами — отсутствием единства в мировой верхушке, наличием двух противоборствующих сторон, на противоречиях которых можно играть.

Во-вторых, определенная часть мировой верхушки в 2011—2012 годах оказывала мощнейшее давление на Путина, а затем попыталась подвергнуть его остракизму — достаточно взглянуть на антипутинскую кампанию в СМИ — и переусердствовала: РФ и ее лидеру, по сути, некуда было отступать. Уверен, у Путина никогда не было иллюзий по поводу тех, с кем он имеет дело на Западе, тех, кого он называет «партнерами», однако ливийские и сирийские события с бессудным убийством одного лидера и неудавшейся попыткой убийства другого со всей ясностью продемонстрировали всю смертельную (в буквальном смысле слова) опасность компромиссов с западной верхушкой, которая все больше ведет себя как ОПГ.

Наконец, последнее по счету, но не по значению: экономический кластер, в котором наиболее заинтересованы Путин и его команда — газово-нефтяной (на данный момент он — «государствообразующий»), — требует не только сохранения суверенитета РФ, но и экспансии, не говоря уже о защите границ бизнеса. Кстати, Сирия и Украина теснейшим образом связаны с развитием газовой отрасли и международной конкуренции в этой сфере.

И тем не менее, что касается Сирии, то надо признать: если бы развертывание региональной войны на Ближнем Востоке не противоречило интересам определенной части верхушки мирового капиталистического класса, «хозяев мировой игры», то РФ и Китаю было бы очень трудно остановить агрессию.

Корр.: А кто был не заинтересован?

А.Ф.: Начнем с того, кто был заинтересован. Таких сторон было три: англо-американская «нефтянка», израильское лобби в США, Израиль и Саудовская Аравия — у каждого был свой интерес. Саудовскую Аравию и Израиль (а следовательно, израильское лобби в США) очень волнуют попытки Обамы (точнее, тех кланов, которые стоят за этим «президентом-картонкой») улучшить отношения с Ираном и — программа-максимум — превратить его в своего союзника. Это стало бы большим успехом США в их ближневосточной и — шире — евразийской политике. Крупный, занимающий исключительно важное геополитическое и геоэкономическое положение нефтеносный Иран в качестве союзника предпочтительнее, например, маленького Израиля. Союзничество с США выведет Иран из фактического союза с Китаем, и на протяжении на Ближнем Востоке, столь необходимое США, сохранится: шиитский Иран — суннитские арабские монархии.

Потепление американо-иранских отношений, к которому стремятся Обама и часть иранского истеблишмента, — это то, что смертельно пугает Саудовскую Аравию и Израиль, то, что они стремятся сорвать любой ценой, включая войну с Сирией, союзником которой является Иран.

Теперь представим: поджигателям удалось разжечь костер региональной войны. Что рано или поздно должен сделать Иран? Перекрыть Ормузский пролив. В результате цены на нефть взлетают до небес. Кому выгодно? Англо-американской «нефтянке». Кто в проигрыше? Евросоюз, Китай и та (весьма могущественная) часть англо-американской же финансово-экономической верхушки, которая вложилась в Евросоюз и Китай, прежде всего Ротшильды (не говоря уже о китайцах и об определенной части западноевропейской верхушки, в частности немецкой, которая, в отличие от французской, не желала участвовать в авантюре клана Тлас, вознамерившегося занять место клана Асадов в Сирии). Эти расклады плюс активные действия руководства РФ и определили итог. Но итог этот предварительный. В Сирии и вокруг нее ничего не закончилось, как и на Украине.

Кстати, говоря о государственном перевороте на Украине, нельзя не упомянуть о несостоявшейся, провалившейся в 2013 году попытке переворота в другой бывшей республике СССР — Киргизии. Очередная суррогат-революция должна была начаться на нарынских золотых приисках под экологическими и антикоррупционными лозунгами и перерасти в широкомасштабное движение. Последнее должно было сорвать встречу в верхах ШОС в Бишкеке и не допустить полу-

чения Китаем контроля над аэропортом Манас. Но в последний момент, как сказал бы Штирлиц, что-то не сложилось. Аналитик Константин Черемных отметил интересное сходство украинских и киргизских событий: в обоих случаях был задействован ресурс сети «Хизб ут-Тахрир», которая вольготно чувствует себя не только в Средней Азии, но и на Украине, где, как и в Сирии, главные политические битвы, скорее всего, впереди.

Противостояние, причем успешное, Путина определенной части «хозяев мировой игры» проявилось не только во внешней, но и во внутренней политике. Я имею в виду его валдайскую речь и ответы на вопросы российских и зарубежных журналистов. В первом случае президент, по сути, признал необходимость государственной идеологии и недвусмысленно высказался о традиционных ценностях, в том числе о семье, которые Запад стремительно утрачивает.

На встрече с журналистами Путин огорошил их, особенно западных, сравнением Сталина и Кромвеля. Президент поставил вопрос следующим образом: а чем Сталин хуже Кромвеля? Кромвель, как и Сталин, виноват в смерти большого числа людей, но ему в Англии поставлены памятники, следовательно...

Пожалуй, более удачным примером для сравнения был бы не Кромвель, а король Генрих VIII, по приказу которого на тот свет было отправлено около 10% населения Англии только за то, что они были лишены средств к существованию и, будучи согнаны с земли лендлордами, превратились в бродяг. Почти не отстала от папаша и Елизавета I. Впрочем, пример Кромвеля тоже красноречив.

И еще во время встречи президент, отвечая на вопрос о разгрома образования соответствующим министерством, в шутку (в каждой шутке есть доля шутки) заметил, что, по-видимому, в это министерство пробрались представители «креативного класса».

«Креативным классом» компрадорские СМИ называют целую амальгаму — от офисного планктона до интеллектуальной и эмоциональной («шоу-бизнес») услуги компрадорской же верхушки. С точки зрения реальной экономики, реального производства и — шире — реальной жизни это малообразованный, бесполезный по социальной функции, трутнеобразный слой, слой абсолютно непатриотичный, если не сказать — антирусский по духу слой, исповедующий потребительство, индивидуализм, социал-дарвинизм, групповой эгоизм, снобизм по отношению к народу, который для них «анчоусы», «портянки» и т.п.

«Креаклы» — огламуренный результат социального и образовательного вырождения. «Креативный класс» — это те 10—12% населения, которые вписались в ниже-среднюю часть компрадорского рынка и, будучи продуктом социального разложения, гниения, не способны продуцировать ничего, кроме распада и разрушения. В этом плане те, кто проводил реформу образования, — истинные креаклы, и фраза Путина, что бы он ни имел в виду, попала в цель.

Корр.: Какие факторы привели к появлению разоблачений Сноудена?

А.Ф.: Это весьма хитрая и до конца не понятная ситуация, хотя уже сейчас можно сказать о том, кто проиграл (и увидеть за этим если не планировщика, то исполнителя), и оценить общий результат, который, на мой взгляд, весьма положителен. Буду краток.

Думаю, казус Сноудена, имеющий не одно дно, а несколько, обусловлен прежде всего противостоянием двух политических кластеров США, выражающих интересы двух экономических блоков — новейших IT-технологий, с одной стороны, и традиционного промышленного сектора с другой. В результате бегства и разоблачений Сноудена удар получила мощнейшая разведслужба — АНБ, связанная с айтишным сектором. А удар наносился, по-видимому, силами ЦРУ, тесно связанными с индустриальным сектором, прежде всего нефтяным, с семьей Буша, т.е. с йельскими иллюминатами, стоявшими у истоков ЦРУ.

Ясно, что ЦРУ при этом должно было как-то договориться со спецслужбами некоторых других стран, и это не такая уж редкость в мировой борьбе за власть, информацию и ресурсы, когда корпоративно-ведомственные и клановые интересы берут тактический верх над национальными.

В проигрыше от скандала оказался Обама, которого публично и унизительно «нагнули». Поэтому ошибаются те, кто полагают, что вся эта история инспирирована стоящими за Обамой кланами с целью скомпрометировать американские спецслужбы, забравшие слишком много власти в первое десятилетие XXI века. Скандал затронул не разведсообщество США в целом, а конкретную службу, и к тому же произошел в очень неудобное для Обамы время. Обама в течение нескольких лет чистил свои «қонюшни» от тех, кто как-то связан с Бушами, неконами, Йельским университетом, и в результате нарвался на ответный удар.

Еще одна линия скандала — обострение отношений с европейцами как раз в тот момент, когда интенсифицировались разговоры о трансатлантической интеграции. Так что

Сноуден оказался джокером не в одной игре, и, возможно, не обо всех играх нам суждено узнать.

И еще в одном отношении казус Сноудена был очень важен. Он сорвал маски с американского IT-сообщества как якобы далекого от политики мира интеллекта и бизнеса, а с владельцев и якобы создателей основных социальных сетей — как гениальных одиночек, пробившихся благодаря таланту и везению. Благодаря разоблачениям Сноудена выяснилось, что IT-структуры — если не функциональные органы АНБ и ВПК, то младшие партнеры, созданные американским военным сектором в своих целях, активно на этот сектор работающие и финансируемые им, в частности, Оборонным агентством по передовым исследовательским проектам — знаменитой DARPA. А Марк Цукерберг, Ларри Пэйдж, Стив Джобс и другие — вовсе не удачливые гении, подтверждающие «американскую мечту», а продукт деятельности ВПК, спецслужб и пропагандистской машины США.

Корр.: Что происходит с евроинтеграцией — Германии удастся продолжить объединение Европы вокруг себя?

А.Ф.: Думаю, проблемы Евросоюза будут становиться все более серьезными. Эта уродливая и, на мой взгляд, исходно нежизнеспособная конструкция в том виде, в каком она возникла, создавалась в качестве одного из элементов неолиберальной контрреволюции. Этот проект завершен, а Евросоюз раздирают острейшие противоречия, я уже не говорю о том, что это экономический колосс на глиняных военно-политических ногах. Едва ли Евросоюз распадется де-юре, но де-факто в нем выделится «каролингское ядро» с Германией в центре и эксплуатируемая периферия. Впрочем, и у «ядра» будут серьезные проблемы, связанные с увеличением демографической массы африканского и арабо-мусульманского населения.

Внешне главный бенефактор аферы под названием «Евросоюз» — Германия. Экономически немцы добились того, к чему военно-политическими средствами стремился Гитлер — создатель первой версии Евросоюза (в виде третьего рейха). Однако, если учесть степень контроля США и американских транснациональных корпораций над ФРГ, которая исходно возникла как американский протекторат на трех условиях, продиктованных Аденауэру в канцлер-акте 1949 года (резкое ограничение суверенитета Германии), контроля над экономической, политической и интеллектуальной жизнью немцев, то восторги по поводу немецкого успеха становятся меньше.

В 1940 году Черчилль сказал, что Великобритания воюет не с Гитлером и даже не с национал-социализмом, а с немец-

ким духом, духом Шиллера, чтобы тот никогда не возродился. После 1945 года коллективному Западу (в который входит Израиль) удалось вбить в немцев как в народ чувство коллективной вины за нацизм, во многих отношениях духовно кастрировать их и загнать в такую социокультурную позицию, за малейшее сопротивление которой следовало обвинение: «наци». По сравнению с этой психоисторической лоботомией намного гуманнее смотрится подход Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». Кстати, у русских, на которых пришелся главный удар гитлеровской машины и жертвы которых во время войны не сравнимы с жертвами ни одного — повторяю: ни одного — народа, нет исторической ненависти к немцам, вина лежит на национал-социалистическом режиме и тех силах в Великобритании и США, которые привели его к власти, готовя агрессию немецкими руками против СССР.

Сегодня, согласно социологическим опросам, 40% немецких мужчин хотят быть домохозяйками. С таким человеческим материалом едва ли можно построить четвертый рейх.* История зло посмеялась над Борманом, Мюллером и Каммлером, создававшими в послевоенные десятилетия сетевую структуру «пятый рейх» и многого добившимися. Сегодня немецкие финансы и промышленность находятся едва ли под меньшим контролем США, чем в 1920—1930-е годы, когда американцы накачивали экономику и корпорации Германии деньгами. История повторяется, но, конечно же, иначе. Сегодня ситуацию Европы можно охарактеризовать по Гиббону — «Упадок и падение», только уже не Римской империи, а Европы как цивилизации, обьятой волей к смерти.

По сравнению с утратой европейцами религиозной, культурной и расово-этнической идентичности, утратой трудовой этики, любви и вкуса к труду, с развалом семьи и легализацией извращений и патологий (им осталось легализовать педофилию и каннибализм) финансово-экономические проблемы — это цветочки, впрочем, вполне ядовитые. Хотелось бы верить, что в Европе найдутся силы, способные стряхнуть всю эту евробюрократическую нежить, некрократию, наживающуюся на объявленной смерти целой цивилизации.

Корр.: Как вы оцениваете ближайшие перспективы США — будут ли углубляться их геополитические и финансовые проблемы?

А.Ф.: Нет никаких признаков того, что ситуация Америки в 2014 году улучшится. Подгнило что-то в «королевстве» аме-

* Четвёртый рейх — это и есть Евросоюз. — Ред.

риканском. Раньше система работала при любых, даже слабых и не вполне адекватных президентах, например при Форде и Картере, которого иные американские обозреватели иначе как «придурком» не величают. Сегодня американская система настолько ослаблена, что наличие слабого, одного из самых слабых президентов в истории США, влияет на систему в целом. Создается впечатление, что американская правящая элита, да и западноевропейская тоже (достаточно посмотреть на всех этих блэров-саркози-олландов и прочих), переживает острейший кризис и деградирует. Это очень серьезная проблема верхушки мирового капиталистического класса, ее закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления.

Ну а если кризис поражает системообразующий элемент, то, значит, система дышит на ладан. Внешняя военно-политическая экспансия североатлантических элит последнего десятилетия — это, с одной стороны, конвульсии, попытки таким образом решить внутренние проблемы, с другой — стремление поправить кризисную ситуацию путем установления контроля над зонами производства наркотиков и путями их транспортировки. Отсюда — вторжение в Афганистан, создание государства-наркобандита Косово, отчасти — «арабская весна», в ней тоже просматриваются мотивы и интересы наркотрафика.

Тот факт, что наркоторговля играет все большую роль в глобальной экономике в целом, а не только в ее криминальном сегменте (около 50% банков в мире существуют за счет кредитования наркотрафика), свидетельствует о серьезнейшем кризисе этой экономики и цивилизации, ее создавшей, если термин «цивилизация» употребим в данном случае, скорее речь должна идти об антицивилизации, антисистеме. И эта антисистема работает на наркоэкономике в той же степени, в какой наркоэкономика (и глобальная криминальная экономика в целом) работает на нее.

Так, в 2013 году в Калифорнии была легализована марихуана; думается, впереди легализация этого, а за ней — и других наркотиков, в других штатах. Наркотизация общества — один из показателей кризиса и в то же время индикатор того, что мировая верхушка медленно, но верно движется к созданию нового, постчеловеческого существа, не имеющего пола, национальности, расы, исторической памяти и легко манипулируемого. Тех, кто пытается сопротивляться этому, устраниают.

В 2013 году произошло беспрецедентное явление в истории западной цивилизации: впервые папа римский отрекся

от своей должности в результате давления светских сил. В течение года давление на папу нарастало: американские высокопоставленные чиновники заговорили о необходимости «ватиканской весны», разворачивалась кампания в прессе. По сути, против папы солидарно выступила большая часть мировой верхушки. Результат — новый папа. Самое интересное — это его имя: Франциск. Дело в том, что новый папа — иезуит, а с францисканцами у иезуитов издавна, мягко говоря, сложные отношения. Служит ли имя Франциск символом примирения противников перед лицом усиливающегося давления англосаксов на Ватикан в борьбе за будущее? Вполне возможно. Контролировать финансы при новом папе будут представители Мальтийского ордена. Этот орден, скрыто отрекламированный в фильмах о Гарри Поттере, выполняет функцию структуры, связывающей Ватикан с ведущими спецслужбами англосаксов — МИ-6 и ЦРУ. Так что интересная картина получается.

Корр.: Какими темпами в этом году будет продолжаться переконфигурация Ближнего Востока?

А.Ф.: То, что такие планы существуют, несомненно. Но тут есть несколько неизвестных: как именно будет проходить вывод американских войск из Афганистана? Удается ли США наладить отношения с Ираном? Удается ли заинтересованным силам раздербанить Сирию, и если да, то как? А вот что прояснилось в 2013 году, так это провал попыток Эрдогана превратить Турцию в некий региональный полюс силы. Эрдоган допустил грубый просчет в своей сирийской политике. Полагая свержение Асада неизбежным, Эрдоган активно поспешил в лагерь его противников — и просчитался: Акела промахнулся. К этому добавились серьезные внутренние проблемы — народные волнения в Стамбуле по поводу двух спиленных деревьев в городском парке — экология, понимаешь.

Ну а главный внешний «гвоздь» был вбит свержением режима Мурси в Египте. Эрдоган ставил на союз с движением «Братьев-мусульман» (ихванов), на эдакую ось Стамбул — Каир, которая должна была подкрепить претензии режима Эрдогана на полюсность и которая едва ли была по душе многим, включая РФ и Израиль. Кстати, информация об участии израильских спецслужб в подготовке свержения египетскими военными во главе с ас-Сиси правительства ихванов во главе с Мурси есть в интернете. В любом случае, в ближайшем будущем «полюсным мечтам» Турции не суждено осуществиться.

Корр.: Возможно ли резкое обострение уже в этом году конфронтации между США и Китаем в Тихоокеанском регионе?

А.Ф.: Такие вещи в быстро меняющемся мире прогнозировать трудно. Ни США, ни Китай в данный момент не заинтересованы в конфронтации — и это при том, что противостояние сохраняется. Скорее возможна напряженность в японо-китайских отношениях.

Корр.: Ну и последний вопрос: какие главные угрозы вы видите для России в 2014 году?

А.Ф.: Главные угрозы для России в 2014 году те же, что в 2013 году, — коррупция, снижение темпов экономического роста, рост социальной поляризации, а следовательно — недовольства народа, особенно тех, кто действительно голосовал за Путина. Комбинация «спад экономического роста — коррупция — рост социальной поляризации и напряженности» создает порочный круг. На фоне снижения экономического роста господствующие группы все больше компенсируют свои потери ростом коррупционной составляющей, что увеличивает социальную напряженность и еще более ухудшает экономическое положение. Все это чревато обострением социальной ситуации, которая может быть использована или даже подогрета внешними игроками, тем более что точек уязвимости хватает: Кавказ, Поволжье, некоторые регионы Сибири, где время от времени заводят разговоры о «сибирской самодостаточности». Ну и, разумеется, многое будет зависеть от ситуации в мировой экономике.

В новом году и в обозримом будущем будет усиливаться борьба в мировой верхушке. Неолиберальная контрреволюция окончена — забудьте. Инерцию набирает антилиберальный курс и связанные с ним силы, которые постараются провести зачистку бенефициров ушедшей эпохи, прежде всего так называемых «молодых денег». Противостояние на мировом уровне сторонников неолиберальной и антилиберальной схем будет, несомненно, транслироваться на российскую площадку, добавляя интригу. Скучно не будет.

Февраль 2014 г.

КАК ДАЛЕКО ДО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

ПОВЕСТЬ

12

После вечернего правила Манефа ушла спать в свою комнату. А отец Владимир снова опустился на колени перед образом Спасителя. Ночь — особая пора, благодатная для молитвы. Ночная молитва — с ангелами совместная: и они радуются, и человеки ликуют. Но и бесы не дремлют, норовят отлучить от боголюбивого бдения, помешать...

И тотчас же — раскатисто, рядом совсем ударили винтовочные выстрелы. Огрызнулся, тявкнул по-собачьи револьвер — показалось, в нескольких шагах. Кто-то тяжело перевалил через затрещавший забор, прыгнул в темноту, ломая с хрустом кусты сирени.

Снова бабахнуло. Востоков услышал, как в стену чуть выше окна с визгом въелась пуля, следом еще одна. Обшив-ка флигеля дрогнула, застонала точно от боли. Священник осторожно, не обнаруживая себя, приблизился к тоскливо зазвеневшему стеклу. Чья-то неразличимая тень закружила среди абрикосовых стволов, метнулась к сарайчику, за-таилась у садовых бочек.

Продолжение. Начало в №7-8
за 2014 г.

ПРОЗА

— Папа, папа, что это? — проснувшись Манефа подбежала, испуганно прижалась сзади. — Там кто-то...

— Ничего, доченька... Ты не бойся!

На улице за оградой раздался грохот кованых каблуков, забряцало оружие. Одышливо зазвучали разгоряченные, сорванные бегом голоса. «По Подгорному, знать, побег!» — «К Насыпной, ваше благородие: там сховаться-то проще будет...» — «За мной! Не отставать!» — скомандовали молодым баском. Сапоги забухали, быстро удаляясь.

— Батюшка, родной, что же будет теперь? — запричитала Манефа, округляя и без того большие глаза. — Страшно...

— Что ты, милая! Читай-ка быстро «Живый в помощи Вышняго...». И не страшись.

Но тут из-за сарая, пригнувшись, выскочила размытая мглой фигура, застыла на миг в лунном свете, словно прислушиваясь, и быстрой армейской перебежкой кинулась к крыльцу флигеля.

— Ой, Царица Небесная! Пропали... — вскрикнула Манефа.

И тотчас же от стука задрожала дощатая дверь. Осенив себя широким крестом, отец Владимир с тревожным сердцем шагнул в темную прихожую.

...Вот уж и второй самовар выпили. Успокоившаяся Манефа, оживленная после миновавшего страха, на веранде ставит третий. А они все говорят и говорят.

Вернее, говорит больше Ермаков — не останавливаясь говорит, будто исповедуется, будто спешит, боится забыть о чем-то важном. О том, как пытался разрушить планы террористов, разыскать заболевших Каховскую и Жукова, сдать их белой контрразведке, да не успел: исчезли, заползли в какую-то нору. Прижал было еще одного участника (так, мелочь, на подхвате), приятеля деникинского шофера, но тот, увидев патруль, такой гвалт поднял, закричал: «Ловите! Чекист из красной Москвы!» (А ведь прав, подлец!). Еле ноги унес.

— Все, кончено. Я мосты сжег. Не вернусь к большевикам, к Лацису, — Григорий посмотрел в окно. Над садом вставало солнце. Луч осветил лицо ночного гостя, и оно показалось отцу Владимиру постаревшим и утомленным.

— И к вам... К белым, то есть, тоже дороги нет. Я ж офицером был. Расстреляют. Как же: агент ВЧК!

— Ты еще попей, Гриша. Дай ему, дочка, сухарик. Во-о-от! — Священник подлил чекисту кипятку в стакан.

Ермаков машинально взял сухарь, но есть не стал — вертел в руке.

— Смешно попался: народная власть, земля — крестьянам, — мотнул до срока поседевшей головой. — И на фронте все от войны устали... Но самое-то главное: они ж, главные комиссары, тоже чай гоняют. Сам наблюдал, угощали. Да! Вот оно, вот! Почти ведь как люди. Точно: на людей похожи! Сухариками тоже хрумкают, сахар щипчиками колют! Заботливые, спрашивают: кипяточку, мол, не подлить? Как товарищ Дзержинский...

А еще раньше занесло Ермакова в Евпаторию: военные дороги привели. И задание, конечно, было. Попытаться выяснить: а не осталось ли в городе офицерское подполье? И про то еще подумать: вдруг отступить снова придется; тогда хорошо бы своих агентов повсюду оставить. Так сказать, до поры, до разгрома беляков.

Заканчивался январь восемнадцатого — промозглый, ветреный. На продувном сыром причале — крики, толкотня. Качаются, зачем-то гудят серо-ржавые махины транспортов: «Трувор» отошел немного от берега, а «Румыния» еще под грузкой. И груз — особый, живой. То есть, пока что живой.

Со стороны Старого города, с Купеческой или Мещанской, с Цыганской слободки ли пригнали шелкающие затворами красноармейцы целую колонну избитых в кровь молодых людей в офицерской форме, грязной, изодранной. Шинели были в основном морские. В шеренгах, правда, мелькали и юнкерские гимнастерки, но совсем немного. На крепких плечах болтались не до конца сорванные погоны.

— Сюда, ко мне офицерье ведите! — перекрывая пароходные гудки, заходил ломким тенорком смуглый человечек с бородкой «а-ля товарищ Троцкий». Человечек юлой вертелся на причале, играл маузером, и столько в нем было бешеной силы, что, казалось, поднимись против него хоть вся контрреволюция, рассеет он ее одним движением своего хрустящего кожаного рукава.

Ермаков вздрогнул, узнал: это же Гамуш! Да, тот самый главарь социалистов, что заставлял его, Гришу, навести кружковцев на фабричную кассу. Экспроприировать деньги для революции. Тот самый, от которого он спрятался в храме, а потом со слезами рассказал все батюшке, отцу Владимиру. Выходит, Гамуш не пропал в тюрьмах. Он здесь: командует, поди уж, комиссар...

Но ведь и он, Ермаков, тоже здесь. И, вроде, разошлись пути с ворами-экспроприаторами, да вот — нет, оказывается. Он с нарастающей тоской подумал об этом. И спросил себя: почему?

С арестованных стали срывать шинели, туго связывать руки за спиной. И только тогда погнали к сколоченным на-

спех трапам. Прямо к Гамушу погнали. Тот аж на цыпочки привстал. Ермакова вдруг начал душить смех — дикий, не-удержимый. Рядом с щуплым комиссаром рослые, сильные моряки выглядели и вовсе великанами. Но стегануло по захолодевшему сердцу: поднимались они, рожденные воинами, на борт «Румынии» покорно и молчаливо.

Транспорт отвалил от причала на четверть мили и замер рядом с «Трувором». Все случившееся затем смахивало на горячечный бред, на кошмарный сон, от которого не было спасительного пробуждения.

Точно из зала чудовищного синематографа Ермаков увидел, как Гамуш пальнул в небо, и матросы начали торопливо выстраивать арестованных со связанными руками у борта «Румынии». А потом...

Вдоль шеренги, кобенясь, пошел кряжистый братишка. Вот он замер у первого офицера, покрутил кудлатой головой, и вдруг быстрым толчком ноги с косолопым вывертом сбросил пленного в море. А следом, ускоряя движения, еще и еще...

За спиной Ермакова раздался жуткий вой. Лишь сейчас он заметил в стороне толпу. Должно быть, то были матери, жены, детишки тех, кого топили, точно беспомощных котят, у евпаторийского берега. Толпа сжалась, превратившись в единое существо, в комок боли и неизбежного ужаса. И все это колыхалось, кричало, плакало, молило.

Но вот уже не осталось ни одного офицера. И тогда заиграла на транспорте гармоника, и пустились в пляс братишечки, наверное, радуясь, что еще полсотни своих бывших командиров отправили за борт — рыб кормить. Прикидывали, поди: а сколько же всего следует пустить в расход офицеры, чтоб уж совсем свобода, без наималейшего начальства.

— А Гамуш меня все же узнал. — Побледневший Ермаков с хрустом раздавил сухарь. — Рассказал, что за три дня казнили триста человек. И еще как в Таганроге юнкеров провели. Пообещали, что никого не тронут, если оружие сложат, на перемирие пойдут. Мальчишки и дрогнули, поверили. А после... После ловить их стали, и офицеров тоже. В лазареты врывались. Одного штаб-ротмистра... Постойте, я запомнил... Да, фамилию запомнил: Новацкий! Так его, тяжело раненного, красные сестры милосердия подняли за руки за ноги, раскачали и — головой о печку... Понятно, дух вон.

— Как же... Сестры милосердия? Что же это, батюшка?! — кинулась Манефа к отцу Владимиру, зарыдала на плече. — У них же у самих детки будут.

— Будут, родят. Натворят еще их дочки-сыночки в России, — зло бросил Ермаков. — Такую коммуно устроят.

— Успокойся, милая, успокойся, — обнял Востоков дочь. — Ничего. Это они, желябовы, гримасничают. Злодеи злодействуют... У антихриста что главное — отвратить всех от Христа. Но не явится он, пока будет в силе царская власть. Впрочем, теперь... Нет ее, власти.

Солнце уже припекало всюю. Уставшую Манефу сморил сон, и она, свернувшись калачиком, по детски посапывала тут же, на диванчике. А беседа все продолжалась.

Наконец, Ермаков поднялся из-за стола, подошел к священнику. Тяжело, надсадно вздохнул и вдруг сложил руки для благословения. Смутился при этом.

— Не откажите... Как тогда, давно. Помните? Я — в контрразведку. Там вроде полковник Мергин. Расскажу все. И будь что будет.

Отец Владимир благословил Ермакова. Переспросил только: — Мергин?

— Да, начальник контрразведывательной части особого отделения отдела Генштаба Деникина.

У Востокова мелькнула мысль: «А не переговорить ли с генералом Лукомским? Не то попадетя Гриша под горячую руку. И расстреляют...»

Тут он был прав. Еще в ноябре 1918-го главком Деникин обратился к царским офицерам, служащим большевикам. С аэропланов полетели листовки: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный». А прежде, в Ледяном походе, и вовсе не было сомнений: свинцом рассчитывались с предателями. На гребне последующих побед — смягчились: дескать, не следует винить офицеров, если не было возможности «вступить в противобольшевистские армии». И еще — если «данное лицо направляло свою деятельность во вред советской власти». Даже генералов, переметнувшихся к комиссарам (ясно, по разным причинам), пощадили: из двух десятков взятых в плен к стенке поставили только одного, которого уж не поставить нельзя было. Остальные отделались гауптвахтой, лишением чинов, которые, впрочем, им скоро возвратили.

Когда же, помолясь, двинулись на Москву, когда на освобожденных от красных дивизий землях разрывали наспех засыпанные рвы с изрубленными телами боевых товарищей еще по Великой войне, когда в раскрытых застенках уставали считать трупы принявших мученическую смерть офицеров и юнкеров-мальчишек, когда в помутненном от боли и гнева взоре страшно закружились большевистские эшафоты, где по приказу комиссара Троцкого (это было известно)

казнили исключительно «золотопогонников» — рядовых по его же приказу не трогали, гнали в пехотные цепи — вот тогда-то и... Тогда и затмевались сорванные атаками сердца, мстью затмевались. Наплывало, терзало ветхозаветное: око за око.

Деникин распорядился назначить комиссию. Расследовали зверства большевиков.

«Излюбленный способ коменданта харьковской ЧК Саенко: он вонзал кинжал на сантиметр в тело допрашиваемого и затем поворачивал его в ране... Окончив казнь, Саенко возвращался в камеру весь окровавленный со словами: «Видите эту кровь? То же получит каждый, кто пойдет против меня и рабоче-крестьянской партии...»

«У одного голова оказалась сплющена в плоский круг толщиной в сантиметр; произведено это одновременным и громадным давлением плоских предметов с двух сторон...»

«Весь цементный пол был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, ключьями волос... Некоторые тела были совсем без головы, но головы не отрубались, а отрывались...»

«В киевской ЧК служили китайцы. Пытаемого привязывали к стене или столбу; потом к нему привязывали одним концом железную трубу... Через другое отверстие в нее сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволочной сеткой и к нему подносился огонь. Приведенное жаром в отчаяние животное начинало вьедаться в тело несчастного, чтобы найти выход...»

«Никому не воздавайте злом на зло... Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию...» (Рим. 12, 17-21).

Да-да, «если враг твой голоден, накорми его...» Но это — твой враг. А России? Ведь Россия — особая страна, подножие Престола Господнего. Должно ли прощать развращенного и развращающего злодея, упоенного кровавой безнаказанностью, посягающего на Престол Божий, святые заповеди православного Отечества? И не следует ли пресечь беззаконие силой — воинской, христоролюбивой?

Может, стихи что-то объяснят: «Белый был — красным стал: кровь обагрила. Красным был — белый стал: смерть побелила...» Впрочем, появятся они потом. Да и многое ли стихам под силу? Особенно в гражданскую войну.

— А вот с Алешкой Брусиловым мы поторопились. — Начальник контрразведывательной части молодежавый полковник Мергин быстрыми цепкими глазами посмотрел на Восстокова. — Он ведь к нашим-то с десятком всадников пере-

скочил. Пооди ж, хотел вернуться, с большевичками повоевать. А тут... Эх, поторопились. Что ж: виноватого Бог простит, правого царь пожалует. Так, батюшка?

— Так, уважаемый Родион Дмитриевич, — грустно кивнул отец Владимир новому знакомому. — Да только...

— Что — только?

— Бабушка моя, царствие ей небесное, говаривала: так-то так, да назад-то как? И царя у нас нет. И некому правого пожаловать. Скажите, а вы плавать умеете? Ну, речку-то одолеете? — спросил вдруг священник.

— Что за вопросец! Вам, батюшка, самому бы в контрразведку. Сбить, смутить допрашиваемого внезапностью, неожиданностью поворота, а? — рассмеялся полковник. — Отвечу: плаваю изрядно. Даже и через Клязьму, помнится. Но к чему вам?

— А вот к чему. Ибо умные пловцы, переплывая быструю реку, ставят цели выше того места, куда стремятся. И достигают его, верно?

— Ясное дело, а то снесет.

— Правильно. Так отчего же мы, переплывая слишком забурлившую реку жизни, поступаем совсем наоборот? Революция, сеча гражданская — бушуют, несут в кровавом потоке. А мы... Евангельские заветы нам показались слишком высоки, и мы отступаем.

Контрразведчик напряженно слушал. Лицо потемнело, на высоком лбу набрякла жила. Собственно говоря, он не ожидал, что беседа затянется. Принять священника, бежавшего от ВЧК, Мергина попросил генерал Лукомский, бывший начальник штаба Добрармии, ныне — председатель Особого совещания при главкоме. Сам Александр Сергеевич уже встречался с отцом Владимиром, был в подробностях знаком с историей чекиста Ермакова, до революции — прапорщика императорской армии. Но с ним в общем-то все понятно. Сам явился в контрразведку, сдался. И на первых же допросах выяснилось, что именно он, Ермаков, рискуя головой, отвел удар от самого Владимира Орлова, действительного статского советника (при царе) и опытного разведчика белых, под именем Болеслава Орлинского заброшенного в Москву и сумевшего войти в доверие даже к товарищу Дзержинскому, по рекомендации которого он и возглавил центральную уголовно-следственную комиссию. Пусть и недолго. Зато многое успел: создал подпольную антибольшевистскую сеть, добыл информацию о секретных операциях ВЧК, похитил из спецкартотеки десятки снимков красных агентов, организовал переброску офицеров из совдепии на белый Юг, вошел в контакт с европейскими разведками.

Когда его разоблачили, сбежал из «большевизии». (Так и произносил). Но вот что важно: сбежать ему помог Ермаков. И разведчик этого не забыл. Словом, в камере Григорию долго сидеть не пришлось.

— Как верно вы сказали: река жизни! Стремительная река... — поддержал отца Владимира полковник Мергин. — Евангельские заветы...

Ему определенно нравился этот священник. Он навел справки и знал: перед ним — известный духовник и проповедник, церковный издатель, московский протоиерей, когда-то вхожий и в тюрьмы, и в великокняжеские покои. Но... Но и — сельский батюшка — обликом, говорком, происхождением. В нем все сошлось — и простота, и мудрость.

— Нет-нет, мы совсем уж заветы не отрицаем, не смеем отрицать, но понизить их требования приспособительно к духу времени не прочь, — продолжил Востоков. — Уже и Спасителю не верим, говорим малодушно: благовестие Его прескрасно, да только высоко-мечтательно, отрешено от действительности. И в этом предрассудке стадно бежим за учениями и учителями (ох, сколько их хлынуло на Русь!), которые бы подслащали нам снисходительностью требования нравственного закона... Да... А еще — ласкали бы прихоти и похоти, якобы естественные, и потому — позволительные нашей грешной природе.

— Согласен, батюшка! — возбужденно защелкал пальцами Мергин. — Отсюда и революция. Именно — понизить требования... Понизили, и вместо царской власти, что от Бога, — республика, которая от гордыни человеческой. Верно?

— Душевно рад, что нашел понимание, — проникновенно произнес отец Владимир. — Душевно рад, любезный Родион Дмитриевич.

Мергину захотелось еще поговорить. Даже пожаловаться захотелось. Как когда-то в детстве на исповеди — в сельском храме под Смоленском, куда водила его мать. К тому же Востоков так походил на того батюшку — из давно отлетевшего прошлого, из счастливого малолетства.

— Я вам верю и вот что скажу, отец Владимир: я на этом месте совершенно случайно. И боюсь, что не засижусь долго. Не удивляйтесь! Горько об этом думать, да что поделаешь...

Что ж, так и было: не жаловал Деникин вчерашних сотрудников военной контрразведки и оперативного сыска, когда-то преданно служивших стране и престолу. А профессионалов, готовых бороться с большевиками, на Дон и Кубань вырвалось немало. Но главком, с какой-то винова-

то-брезгливой улыбкой, отказывал им: дескать, не могу согласиться на ваш прием в Добровольческую армию, ибо сему мешает совокупность прежней службы. Так и казалось, что вот-вот произнесет генерал: «Подлинный интеллигент никогда не подаст руки жандарму!» Красиво, честно, благородно. Ну, конечно, чуть-чуть театрално...

Да только вот что смущает, вот где концы путаной витейки-веревочки не связываются: ведь подавали же, и с большой охотой, руки сбежавшим на Юг социалистам-революционерам, всяким эсдекам-кадетам, либералам-подстрекателям, генералам и князьям, бросившимся врассыпную от царского трона, когда запахло паленым. Позволяли им выпускать газеты, влиять на умы. Даже лидера конституционных демократов профессора Милюкова, оболгавшего в Думе императрицу, ласково приветили: попросили написать Декларацию Добровольческой армии. И то правда: кому ж писать? Кому организовывать белое сопротивление? Некому больше.

Долго еще не могли они расстаться — русский священник и русский контрразведчик. Жалели, что не довелось идти на большевистскую Москву под знаменами Северной армии. Да, ничего — есть и здесь, среди добровольцев, монархисты. Пусть приходится скрывать свои убеждения. Но это до поры.

И церкви-то, донские и кубанские, переполнены, а среди молящихся, исповедующихся перед боями — офицеры, юнкера. Ничего, ничего...

С Гришей Ермаковым, кажется, тоже разобрались. Даже предлагают послужить в контрразведке, да он рвется на фронт, в наступление.

Миновала еще неделя, и записал отец Владимир в дневнике: «Но и небо не всегда бывает безоблачно, и на мою службу на кубанской земле налетело облачко...»

13

Облачко — мягко сказано. Туча целая и к тому же не одна.

В тот день литургия была ранней. Затем — проповедь. Говорил о тех, кто покинул сей мир. И особенно теперь, в дни военной смуты.

«Настанет тишина ночная, склоним мы колена пред родными иконами, но не забудем тогда вздохнуть и об усопших. Кругом тьма, мрак, страшно, жутко... А каково же им лежать там, в мрачной, холодной могиле, и трепетать в то же время пред судом Божиим?!»

Вспомнилась Нина, доченька. Вспомнилось, как отпевали ее все в том же Свято-Екатерининском соборе. Разрешили

тельную молитву читал отец Николай Перевозовский. Отпевали, конечно же, заочно: кто ж знает, в какой могиле лежит любимая дочь.

Сжигая венчик, отец Владимир задумался: ведь это же символ венца, того самого, что обозначает — усопший ушел в Вечную жизнь как воин, победивший на поле брани. И Нина, он знал, тоже победила.

Это пронеслось в сознании Востокова в считанные секунды; никто из прихожан и не почувствовал, как слегка споткнулся голос батюшки, как затянулась пауза.

— Есть в чине отпевания по усопшему слова: не рыдайте обо мне! — снова зазвучало под церковными сводами. — Но мы рыдаем. Ибо человек не призван к тому, чтобы умереть. Он призван к вечной жизни! Да... Смерть — это наша потеря Бога, отпадение от Него. Вот почему смерть — трагедия... Но смерть — это и начало, освобождение. Она впускает нас в простор Вечности, вырывает из рабства земли. Вот почему — не рыдайте обо мне...

Потом они долго гуляли с Манефой по городу. Спустились к Кубани. Река мощно несла свои желтоватые струи к Темрюку, Азовскому морю. На берегу все так же торговали свежей и вяленой рыбой. И было полное ощущение, что нет никакой войны.

Но только открыли калитку, как услышали в глубине сада громкие бранчливые возгласы. От беседки к ним навстречу бежала немолодая растрепанная дама; она возбужденно размахивала линялым зонтиком и кричала:

— Где же вы, господин Перевозовский, таких попов в храм набрали, которые своей болтовней людей морят?

Следом за ней испуганно семенил бледный отец Николай, пытаясь как-то успокоить скандалистку. Востоков едва успел отскочить в сторону, чтобы пропустить разгневанную гостью. Та пролетела было мимо, но тут же развернулась к нему.

— Так вот же он, беглый поп Востоков! Убийца... Да-да! На вашей совести смерть мой дорогой тетушки!

— Простите... Но здесь какая-то ошибка, — миролюбиво возразил отец Владимир.

— Ошибка?! А вот и нет! Нет, поп, я донесу на тебя. И на него донесу, — дама ткнула зонтиком в сторону Перевозовского.

А вышло так. Одна религиозная старица (оказалось — тетья прибежавшей дамы), послушала проповедь за литургией — о покинувших юдоль земную — пришла домой крайне взволнованная, слегла в постель и в одночасье преставилась. Ясно же: сроки подошли, Господь призвал. Однако...

Священники еще долго пытались вразумить и успокоить негодующую племянницу, но та гнула свое, грозила:

— Знайте же: я состою в родстве с самим Рябоволом! Да, с Николаем Степановичем, председателем Кубанской краевой Рады... И я все расскажу ему. К тому же вы... — зонтик беспеременно уперся в грудь отца Владимира. — Именно вы, Востоков, давно уж точно кость в горле у наших самостийников. У Рябовола и Быча. Ваши царские идейки — красная тряпка...

Подмывало сказать: красная тряпка для Бычевола? Такую кличку придумали этим господам казаки-патриоты. Но он смолчал. Дама с размаху хлопнула калиткой, да так, что горшки с забора попадали.

— Умоляю, отец Владимир, уезжайте! — на Перевозовского страшно было смотреть. — Я помогу вам перебраться в гостиницу. Позову прихожанина, у него подвода, лошадь... Мне стыдно, что я... Что я вроде бы прогоняю вас. Из своего дома выставляю...

— Помилуйте, отец Николай, какие обиды! — А сердце захолонуло, тоска сжала его: куда же теперь? И снова нарочито бодро: — Загостились мы у вас. Пора и честь знать. — Манефа, собирайся! Мы съезжаем...

Печальна участь изгнанников, скитальцев, потерявших кров на своей земле. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его...»

А бедный отец Николай перепуган вконец, и от этого суется, хватается за самые тяжелые узлы; пытается объяснить еще и еще:

— Простите за такой прием, но я дрожу от мысли, что злые коммунисты... Да-да, злые коммунисты убьют вас с Манефой. И мне достанется от них.

Велики у страха глаза. Вот и кажется, что коварные ленинцы спрятались в подполье, точат кинжалы и чистят револьверы, и что не их дивизии бегут теперь от войска Деникина, а они скоро ворвутся в Екатеринодар, и что «хфедералисты»-самостийники Рябовол и Быч, сторонники выхода Кубани из состава России, давно снюхались с комиссарами, которые и революции свои затеяли, чтобы развалить «единую и неделимую матушку-Русь». Иначе к чему все эти краевые казацки Рады, народные республики...

В одном повезло: пока позволили и далее служить в Екатерининском храме. Проповеди, воскресные беседы отца Владимира собирали все больше и больше людей.

И тут...

Много о чем в тот день говорили на заседании Кубанской краевой Рады. Как обычно, больше всех выступал сам пред-

седатель Николай Рябовол, умница и златоуст, хватистый сын станичного писаря, выпестовавший себя тоже вполне самостийно, без протекций и академий. Накануне революции дослужился до главы правления Черноморско-Кубанской железной дороги, и потому теперь, даже речь держа, шурил правый глаз и смотрел поверх голов депутатов, словно и не в зале был, а хозяйским оком охватывал все путевые околотки, думая отдельно про каждую версту, про всякую шпалу.

Сегодня Рябовол выступал с особым чувством. Голос взволнованно звенел, взгляд сиял, усы трепетали боевито и топорщились. И было от чего: его соратник, председатель Кубанского правительства Лука Быч телеграфировал, что наконец добрался до Парижа и уже подает заявку на вступление свободной республики в новую организацию — в Лигу Наций. И если это случится, то они утрут нос всяким там колчакам, денкиным, дитерихсам, юденичам и прочим «единонеделимцам», разномастным державникам, воюющим за интересы непомерно огромной страны, к которой кубанцы, даст Бог, скоро не будут иметь никакого отношения. Потому что международное признание — это вам не фунт изюму. Придется считаться.

Уже распевали вовсю: «Мы не большевики и не кадеты, мы — казаки-нейтралитеты». Им с издевкой отвечали из денкинского лагеря: «И журчит Кубань водам Терека: я республика, как Америка...»

— Но как же прекрасно, господа! — возвысил баритон Рябовол. — В европейских столицах откроются посольства свободной Кубанской республики! А?! И в Америке тоже. Звучит?

— Звучит, звучит! — бодро загудели депутатские ряды.

Потом спорили по мелочам. Эсеры бодались с меньшевиками: ведь почти все министерские портфели расхватили вчерашние революционеры. К слову, и сам Лука Быч, глава правительства, когда-то состоял на учете у царской охранки.

Следом выступил свой батюшка, бывший полковой священник отец Алексей Карнаухов. Его знали станичники и депутаты, уважали и верили ему. Начинал он приходским священником, но революция закружила, выдвинула на первые общественные роли: был иерей представителем в Кубанской Раде, затем даже министром внутренних дел правительства Быча; его брали в плен красноармейцы, но он сбежал от них, скрывался в Ставрополе до Второго Кубанского похода. Долго жил в Париже, где с другими членами делегации сочинял договор о дружбе с кавказскими горами. Был уверен:

объединившись с горячими соседями, с их меджлисом легче добиться успеха в борьбе с белой Добрармией за давно чаемую самостоятельность.

И вот тут-то и прозвучало имя беглого московского протоиерея Востокова. Поскольку он, отец Владимир, своими назойливыми бреднями про царя сбивает с толку добрых старичников, да и иногородних тоже, отвлекает народ от единения, от самобытного казачьего пути — в свое государство, пускай и малое, в республику. Противников и так хватало: «хоть грэблю гати!», а тут еще и этот речистый проповедник. И ведь уже до заграницы докатилось: курьер принес новую телеграмму от Быча. Тот явно сник. И было от чего: в Европе о «кубанском народе» ничего не слышали и слышать, похоже, не хотели. Выходило, что мечты о Лиге Наций развеялись дымком над весенними куренями.

— И что он там несет, этот Восток? — раздраженно спросил Рябовол.

— Да вот же, мне записали... — Карнаухов развернул бумагу. Надел очки, прочел: — «Сей священник говорил о преступлениях и безобразиях революций... О необходимости восстановления в России Помазанника Божия, сильного Благодатию Святаго Духа, получаемого при священном помазании Святым Миром во время коронования... Царя, ограниченного только святыми заповедями — Синайскими и Евангельскими...»

— Удалить его с Кубани! Немедленно! — взревел Рябовол. — Он нам все испортит!

Депутаты одобрительно зашумели. Тут же было составлено и сразу принято постановление Рады: изгнать отца Владимира, смутьяна и провокатора, с вольнолюбивой кубанской земли.

Конечно, об этом сразу же стало известно контрразведке, полковнику Мергину. Тот сообщил генералу Лукомскому, председателю Особого совещания при главкоме. Генерал решительно заступился за опального батюшку. Высылка Востокова не состоялась.

Деникину тоже доложили о постановлении. Возможно, как знать, это подлило масла в огонь, но на совещании командования добровольцев и казаков сдержанный Антон Иванович вдруг рубанул с плеча: «С Русью ли идем мы, представители казачества, или против Руси?» Атаман вспыхнул: «Надоело нам быть молодцами. Мы хотим быть гражданами!» Но на парадном обеде главком, не давая спуска, наступательно прокотал тостом:

— Господа, еще вчера здесь царили большевики. Развелись грязные красные тряпки... Но и сегодня происходит что-

то странное — звон бокалов, вино, казачьи гимны, слышатся странные казачьи речи, над этим домом развевается кубанский флаг.. Странное сегодня... Но я верю, что завтра над этим домом будет развеваться трехцветное национальное русское знамя, здесь будут звучать только русские разговоры. Прекрасное завтра... Будем же пить за это радостное завтра. Ура!»

«Ура-а-а!» — прокатилось по атаманскому дворцу. Но по-разному прокатилось. Сочно, раскатисто взорвалось на стороне, где зазвенели рюмками добровольцы, и — сдавленно, с надсадно-вымученной сипотцой, увязая в привыкших к боевому гиканью глотках, дрогнуло «ура», слабо пробилось с мест, на которых сидели кубанцы, депутаты Рады.

— Нет, никак нельзя признавать их национальной автономии, — вполголоса произнес Деникин, повернувшись за столом к генералу Лукомскому. — Видите, как кричат? Сепаратисты...

— Определенно, Антон Иванович: мы наступаем, но с таким тылом, с самостийниками, трудно рассчитывать на успех. Все время ждешь удара в спину. Думаю, необходимо...

— Что тут думать, — приглушил свой низкий голос главноком, — пришел срок разрубить этот кубанский узел. Мы уж и так... Да, мы дважды спасали их революционно-демократическое правительство от разгона. Спасали на свою голову. Довольно!

А поздним вечером у темного входа в гостиницу отца Владимира взяли в оборот. Крепкие, ловкие молодцы схватили его, увлекли в тополиную тень, втолкнули в пролетку и долго возили по окраинным переулкам, грозя расправой, если он не прекратит свои проповеди. Он терпел тычки под ребра и молился, читал псалом: «Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»

Утомились тати ночные, ибо от сердца злого всегда большая усталость. Вот уже и всхрапывающих лошадок придержали, высадили священника, припугнув напоследок, и умчались прочь.

Бедная Манефа! Она чуть было не лишилась рассудка, мечась по гостиничному палисаднику в ожидании пропавшего батюшки. Слава Богу, вернулся.

Генерал Лукомский распорядился выделить охрану. Контрразведчик Мергин тоже вызвался помочь. Однако оба советовали: переселиться от греха на Дон, в Новочеркасск — из опасения, что озорники Рябовола и Быча все же могут сотворить какую-нибудь пакость.

Он отмахнулся. Но то, что вскоре случилось в Ростове, изменило жизнь отца Владимира, заставило поспешно исполнить советы своих благожелателей — генерала и полковника.

Две телеграммы, одна за другой, были получены в штабе Добровольческой армии. Первая: «Наши войска вышли на Волгу, севернее Царицына». Вторая: «Вчера в 2 ч. 30 м. утра, в г. Ростове, в вестибюле гостиницы «Палас-Отель», убит председатель Кубанской Краевой Рады Н.С. Рябовол».

Газеты раздували: Николай Степанович отправился в Ростов не один, с соратниками — для участия в закрытой конференции по созданию южнорусского союза. И там выступил с такой боевой речью, что привел в ярость командование белогвардейцев. О содержании речи узнали быстро: полковник Мергин не зря ел свой трудный хлеб. Его агенты отслеживали каждый шаг, ловили всякое слово сепаратистов, борцов за народоправство. Но когда раздались выстрелы, смертельно ранившие Рябовола, почему-то внятная информация об этом сразу же растворилась, оборвалась, исчезла.

Кто-то видел высокого военного в светлой куртке и в таких же обмотках. Офицер, не таясь, ходил по пятам за предсдателем, чуть ли не поигрывая револьвером. Звучала и романтическая тема: перед гибелью сердцеед Рябовол прогуливался с красивой дамой, прятавшей лицо под темной вуалью. Газеты намекали и на разведки Антанты: убитый заигрывал с немцами, хозяйничающими на Украине, а это французам и англичанам не нравилось.

Ночью под окнами гостиницы зафырчал старенький, трофейный еще «Дюркопп». Приехал с порученцем-водителем полковник Мергин. Лицо его было утомленным и мрачным.

— Простите, отец Владимир, что разбудил, но... Вам с дочерью нужно немедленно уехать. Произошло событие, которое...

— Смерть Рябовола? — догадался сонный священник. — Я печалюсь. Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего... Послушайте, Родион Дмитриевич... — посмотрел он в глаза контрразведчику. — Неужели в деле этом не обошлось без вас? То есть, без деникинцев?

Мергин отвел взгляд, нахмурился еще больше.

— Вы бы, батюшка, лучше б поторопились. Кубанцы весьма раздражены, во всех грехах подозревают нас. И вы тоже... Вряд ли ходите у них в друзьях. Священник-державник... А тут это убийство. Нет, непременно сведут счеты.

Через час они с Манефой были готовы в дорогу. И этой же ночью покинули Екатеринодар.

14

Знала Аза Иглинская: стоячая вода плесневеет. И оттого по нраву ей, агенту ВЧК, встряска, движение, риск, новые города и новые короткие романы — жаркие, как это лето. И рево-

люция, само собой. Земля плыла за вагонными окнами, пряталась в тягучем мареве, и любимица товарища Менжинского понимала, что и в природе все скрытно, все не просто так.

Теперь она подъезжала к Курску, где ей предстояла встреча с Антоном Усольцевым, изобретателем ветроэлектродвигателя, впрочем, не только его. Это был настоящий самородок с головой, богатой на самые диковинные придумки. За некоторыми из них не один месяц пристально следили в Особом отделе ВЧК. Взять хотя бы электрическое перо для множественного копирования или скоропечатающую машинку. Поделки могли пригодиться для оперативной работы. Но не это главное, нет.

Главное — взрыв, потрясший город двадцать лет назад. Да что там: вся Россия содрогнулась.

Усольцев тогда заканчивал гимназию. На уроке Закона Божьего священник долго говорил о чудотворной иконе Богородицы «Знамение», Курской Коренной. Как рублили ее саблями нехристи-ордынцы, да не вышло. О том, что ничего не берет святой образ. И это знак Божественного присутствия в нашем падшем мире. «Ха, — ухмыльнулся юный изобретатель, — присутствия? А вот мы и попробуем...» Сосед, недавно вернувшийся из ссылки социалист, подначивал: давай, мол, парень, не робей!

С неделю Усольцев трудился над адской машинкой. Помогал приятель — вольнонаемный писец Степан Чичканов. Небольшая получилась: в холстину завернешь — никто и не заметит. Продолговатый белый ящикек, и все. В Знаменском соборе отстоял Антон вечернюю службу, молитвы шептал, крестился, а после потихоньку подложил бомбу прямо под вызолоченную сень, где стояла икона, и отправился домой. И спал до утра — крепко, безмятежно, как после экзамена.

Ночной взрыв в храме был такой силы, что воздушным сотрясением выбило оконные решетки и тяжелые стальные двери. Чугунную сень вместе с огромным подсвечником разнесло на мелкие куски. Разлетелись по обожженному, израненному собору на семь сажен драгоценные лампы, рухнули паникадила. Дымное облако было черным и густым, и вбежавшие с криками диакон со старостой чуть не задохнулись от чада. Подоспел и владыка Ювеналий с келейником. Дышали через мокрые платки, спотыкались на обломках, падали, но, не чувствуя боли, спешили сквозь смрад к ступеням, ведущим к образу. Спешили, глотая слезы, страшась самого худшего. С 16-саженной высоты главного купола на головы сыпались осколки тяжелого богемского стекла: до самого верха достала адская волна...

Но что со святыней? Как она? Шаг, еще один — трепетный, последний. Вот уж и серебряный кивот — протянул владыка дрожащую руку. Стекло раздробилось в колючее крошево, лишь по краям — острые куски торчат. Коронка из драгоценных камней в горячей липкой копоти.

— Огня сюда! Свечей! — чужим голосом вскричал преосвященный. — Скорее!

Свечи задувало сквозняками. Принесли керосиновый фонарь. А владыка, не дожидаясь, нетерпеливыми чуткими пальцами уже коснулся святыни, осторожно извлек из кивота, бережно смахнул пыль и пепел. И что же? Фонарный луч упал на икону, и она вдруг точно ожила, как ни в чем не бывало засияла нездешним животворящим светом, утешающе наполняя затосковавшие сердца радостью и надеждой. Мерцающий теплый поток легко прошел сквозь удушающую гарь, рассеивая ее, заиграл на удивленных лицах.

Чудо, конечно, чудо: образ Божией Матери был цел и невредим. Ни царапины на святом лике.

«Царице наша Преплага, надеждо наша, Богородице, Приятелице сырых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте...» — невольно шептали уста. Тысячи горожан торопились к Знаменскому собору — на благодарственный молебен.

— Так и бывает, — обратился к взволнованной пастве епископ, — злоумышляющие богоборцы захотели веру поколебать, уничтожить чтимую святыню, а вышло наоборот: лишь укрепились вера, и еще больше прославилась икона.

А юному Усольцеву все нипочем. Сожалел только: не удалось так рвануть, чтобы в шепки. Наверное, мало динамита заложил. В другой раз учтет.

Сосед-социалист помог незаметно скрыться из Курска. И адресок дал — в подмосковное село Старые Колодези, где отсиживался его дружок по партийным делам. На берегу Оки стояла старинная Успенская церковь, и служил в ней молодой иерей Владимир Востоков. Об этом изобретатель узнал в первые же дни: батюшку почитали, и на его проповеди и душеполезные беседы сходилось немало народу. Как-то в воскресенье забрел в храм и Антон.

— У многих наших современников мысль и чувства изранены лжеучениями, — услышал подрывник. — И настолько, что Маркс с его капиталом, Бебель с его социализмом, Ницше с его сверхчеловеком, Дарвин с его предком-обезьяной, декадентство с его извращением всей природы человека стали дороже и убедительнее Самого Христа с Его Евангелием...

Какой-то мелкий и злой бес вдруг завертелся внутри Усольцева, и он, перебивая священника, крикнул:

— Да уж хватит вам: Бога нет!

Отец Владимир замолчал. Наступила тишина, в которой, впрочем, медленно нарастал гул возмущения. Но иерей примирающе простер над толпой руку, повернулся с удивленно-печальной улыбкой к ниспровергателю и сказал — просто сказал, по-домашнему:

— Вот тебе и раз! А куда ж Он, голубчик вы мой, подевался? Все был да был — многие тысячи лет был, а после взял и исчез. Чудеса, и только!

И это было произнесено так спокойно и буднично, что юный кошунник вконец растерялся: дыхание перехватило, готовые для спора слова почему-то застряли в гортани. С пылающим лицом он выскочил из церкви. Вскоре кто-то донес на него в полицию. Усольцева арестовали, судили в Курске, но по малолетству наказали мягко: отправили в недолгую ссылку в северный городок, где он напридумывал много всякого — полезного и не очень.

Шло время. Отец Владимир служил в разных храмах. А Усольцев, вернувшись домой, изобретал, переписывался с Максимом Горьким, который называл его поэтом научной техники. Когда Добровольческая армия взяла Курск, успел посотрудничать с деникинской разведкой: предложил какую-то хитроумную диковинку. Об этом тоже было известно начальнику Особого отдела ВЧК товарищу Менжинскому. А еще то, что любил умелец женщин и музыку — нежную, чувственную.

Нет, не только ленинские чемоданы способен был таскать безотказный, внешне уступчивый Вячеслав Рудольфович. Конечно, можно было бы не обратиться на Усольцева никакого внимания. Но как же не обратиться: разве многие взрывали до революции храмы — опору царизма? Да еще так дерзко, отчаянно. И потом изобретали нефтяной двигатель и летательный аппарат со сферическим крылом. А? И в контактах с белыми он замечен — хорошая зацепка. А самое важное: Усольцев знаком, пусть и немного, с «объектом для устранения» — священником Востоковым. Этот белогвардейский духовник и проповедник был очень опасен. Даже опаснее пулеметов и штыков. Так думал товарищ Менжинский. Потому что упрямый протоиерей призывал всех борцов с Советской властью объединиться под монархическими знаменами.

Вот оно, вот! Но тогда все — им, большевикам, конец. Не сразу, разумеется, но довольно скоро. Начальник Особого отдела ВЧК то и дело поглядывал на свежие донесения агентов — оттуда, с враждебного Юга. На видном месте — распечатка проповеди неумного попа, отца Владимира: «Несча-

стной России нужен православный Царь, как больному в тюрьме свежий воздух, без него она пропадет...» (Каков, а? Но ведь умеет, умеет, каналья!) И добавлял: спешить, мол, нужно, пока русский народ не забыл Государя, не утратил в душе троноспособность. Словечко-то какое придумал: троноспособность!

Еще удивляло Вячеслава Рудольфовича, что многие белые генералы, а с ними и статские именитые антисоветчики, сбежавшие на Дон и Кубань, не понимают этого. Хотя и хорошо, что так. А вдруг дойдет? Нужно торопиться. И товарищ Троцкий беспокоится, дергает: он понимает.

Одним словом, агент Иглинская сразу взяла в оборот растерявшегося Усольцева, недавно бросившего очередную жену. Дескать, неужто постарел поэт научной техники, и нет пороха в пороховницах и черного динамита в коробочке? И чтоб не просто икону превратить в щепки-опилки, а и вредного священника-контрреволюционера, отпетого мракобеса, разорвать в клочья...

Самородок быстро понял, что открутиться ему не удастся. Причмокнул чувственными губами, повел длинным носом в сторону красавицы чекистки, в этот момент смахивая на австралийского муравьеда, вынюхивающего добычу, и сказал:

— Знаете, милая, поеду. В Севастополе светят фонари моей конструкции. Заодно и посмотрю.

Спустя два дня Аза и Усольцев покинули город.

15

Между сараем и ледником росла груша, и такая старая, что ветки ее раскидисто и тесно пружинили у самой земли; ветки давно стали широкими, мощными, и на них можно было, если захочется, спокойно посидеть с книжкой, точно на удобных стульях. Тут и пропала теперь Манефа, задумчиво переворачивая исписанные твердым ясным почерком листки из тетради.

Это были стихи. Их написал сын хозяев дома в Новочеркасске, милейших Туроверовых — Николая Николаевича и Анны Николаевны. Юношу тоже звали Николаем. Манефа наткнулась на стихи случайно, прибираясь в садовом домике, предоставленном Востоковым благочестивым и гостеприимным семейством судебного следователя. Спросила: можно ли почитать? Ей позволили. Посчастливилось, что позволил и сам автор, вдруг ненадолго прибывший в город с фронта с каким-то поручением. Манефа разволновалась:

— Папа, ты послушай: «За свободу родную, как ветер, за простую степную любовь, и за всех православных на свете...» Или вот: «Как молитва звучали слова: за Христа...»

— Похоже, хороший поэт, — одобрил стихи отец Владимир. — Я, конечно, в рифмах не очень... Но верующий он человек, богоугодное написал. Только все одно: Евангелие выше, его и читай, — и посмотрел пристально и тревожно на дочь: уж не влюбилась ли?

Да, что тут поделаешь: забилось девственное сердце Манефы, впервые затрепетало неизъяснимыми чувствами. А сказать, открыться — никак нельзя: батюшка священник, все семейство в строгости держал, и если уж выходить дочерям потом замуж, то, конечно, за молодых людей духовного звания, и лучше состоявшихся, то есть, с местом и приходом, пусть и отдаленным, сельским — там к Богу ближе, и об этом протоиерей Востоков знал не понаслышке: сам не всегда в столицах служил.

Понятно, что юный подьесаул Туроверов ни о чем и не догадывался. К тому же он был влюблен — в свою невесту, красавицу-казачку Юленьку Грекову. Об этом бедная Манефа узнала тоже из стихов, из последних, только что написанных, которые автор простодушно прибавил к уже прочитанному ею.

Тяжело было девушке. Ночами плакала в своей комнатке. А, наплакавшись, молилась до рассвета — о счастье Николая, о том, чтобы Господь сохранил его на поле брани.

А тот захаживал в Александро-Невский храм, что сиял золотыми куполами в центре Новочеркасска. Туроверову скоро на фронт возвращаться, а он находит и час, и другой, чтобы помолиться, исповедоваться, поучаствовать в оживленных беседах «Братства Святого Креста».

Но главные беседы — в садовом домике, за вечерним чаем. Подьесаула влекла сюда, к этому пожилому улыбчивому священнику, какая-то мягкая, ненавязчивая, но вместе с тем требовательно-настойчивая сила. Эта сила была совсем другой, непохожей на свирепую беспощадность кавалерийской лавы, на разящие удары сотни настигших врага клинков, на железную волю командиров, посылающих солдат в наступление. Да-да, и на волю командиров, даже таких, как есаул-партизан, донской Иван-Царевич Василий Чернецов, в отряд которого Николай вступил сразу после большевистского переворота.

Тогда отряд торопился в Макеевку. Думали, что станцию Дебальцево их состав всего из пяти вагонов с паровозом проскочит быстро. Но не вышло. Оказалось, здесь хозяйничали прорвавшиеся красные. Чернецов, не мешкая, прыгнул с подножки и сразу наткнулся на какого-то важного большевика. Тот от неожиданности рот разинул, да так широко —

даже слюна по подусникам стекла: погоны увидел! Туроверов, а с ним еще тройка юных партизан рванулись на помощь командиру. Но он рыкнул: «Назад!» Подчинились. Взвели револьверы, обнажили шашки. Ждали, спрятавшись за вагонной дверью. И слышал и не слышал Николай, что происходит сейчас на перроне. Только спекшиеся губы вышептывали: «Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохрани ти тя во всех путех твоих...» Да-да, на всех путях, а особенно теперь, Господи, спаси и сохрани раба Божия Василия, героического партизанского атамана из станицы Усть-Белокалитвенской.

Молился Туроверов — за своего любимого командира, да так горячо, как никогда не молился ни прежде, ни потом. И до судорожной боли сжимал рукоять шашки.

— Я есаул Чернецов! — прозвенело в морозном воздухе. — А ты кто такой?! — грозно свел темные брови ружейной пирамидой.

— Я?! Да я... — поперхнулся от такого нахальства важный большевик. — Я — член военно-революционного комитета. И не смей тыкать на меня!

— Что-о-о?! Небось, рядовой, солдат?

— Да...

— Как говоришь с есаулом?! Р-р-руки по швам!!! Смир-р-рна!!! — взревел побагровевший Чернецов.

Вздрогнул комиссар-комитетчик, и слюна вмиг на подусниках просохла; вытянулся по стойке — пятки вместе, носки врозь, подбородок вздернулся сам собой, даже каблуками молодцевато пришелкнул: ни дать, ни взять — новобранец на плацу, глазами поедающий с перепугу строгое начальство. Глянул в дверную шелку Туроверов, перемигнулись боевито с товарищами. Ждали, что спутники большевика (а их двое было) обязательно вступятся за своего, за старшего. Но, к удивлению своему, не дождались. Мутные, враз поникшие фигуры уныло потянулись в сторону станционного здания.

— Ты задержал мой состав? Ты?!

— Так, стало быть... Я... — загнанно оглянулся большевик: он остался один.

— Даю тебе четверть часа! И чтоб состав пошел! — напористо распорядился есаул.

— Слушаюсь, ваше... Ах, мать честна...

Не прошло и пяти минут, как поезд с донцами-партизанами на всех парах уже мчался к Макеевке. Вслед ему пустолаз и тупо смотрел одуревший член военно-революционно-

го комитета. Он, конечно, не слышал, как в степи за стрелкой рвануло песней из вагонных окон — молодо, бесстрашно, многоголосо:

*В партизаны пришли двести юных бойцов,
Двести смелых спартанцев казачьих.
За родной отчий дом их повел Чернецов...
Атаман, пожелай им удачи-и-и! Эх!!!*

«Ура-а-а!!!»

— Это было лучшее время, батюшка! — придвинулся Туроверов, сияя потемневшими вечерними глазами. — А потом... Главарь красных, большевик Подтелков... наших партизан, ну, небольшую группу, захватили в плен. А у Чернецова был спрятан браунинг... И беда какая: выхватил, хотел застрелить Подтелкова, да позабыл патрон в ствол послать. Только щелчок и вышел. И рубанул комиссар его шашкой — прямо по лицу.

Николай съезжился, взор его заметался по черным окнам, теряя живую восторженную синеву. Как хотелось бы ему все исправить, все вернуть, изловчиться и патрон тот, набитый порохом, тяжелый и глупый, вытолкнуть из обоймы в горячий ствол, чтобы карающе ударил боек, грохнул выстрел прямо в глумливую физиономию торжествующего врага. И Чернецов был бы жив. И опять вел бы в бой — как всегда неравный: ах, что за беда! — своих орлят, расшибающих железным натиском удивленные красные полки.

— Нет, не могу пить чай. Вина бы... Папа хорошее вино делает. Можно я принесу? Впрочем... Вы ведь ратовали за народную трезвость, отец Владимир...

— Ратовал, — согласился Востоков. — Но ты уж, Колюшка, принеси. — Никогда так ласково не называл бывалого воина-первопоходника. Но как-то само получилось, мягко сорвалось с языка.

Подьесаул слазил в подпол, и скоро слегка запотевший кувшин занял место рядом с самоваром. Они выпили. Вино и вправду было превосходным.

— А после — Харьков. Июнь стоял, теплынь. Мы освободили город. Он снова стал белым...

Лицо Туроверова юно вспыхнуло, глаза опять заголубели — весело и светло, с промельком чуть хмельной казацкой удали.

— Батальоны шли по главной улице. Помню, поднял я голову, а на балконе — мальчишка лет десяти-одиннадцати. Гимназист, наверное... Но смотрит в другую сторону, нас не

видит. И тут грянул оркестр. Мальчик вздрогнул, обернулся. Вы бы видели, батюшка, какой неописуемый восторг преобразил его личико!

Николай сделал глоток, перевел дыхание.

— А я иду, и у меня рот до ушей. И — слезы. А гимназистик мой бросился в комнаты. И вот уж все семейство на балконе. Я только на них и смотрел. А они плачут и смеются. Мне казалось, я каждую слезинку вижу. Отдельно. И понял я, за что воюю. И за кого погиб наш Чернецов...

Так говорят они — священник и офицер. Вернее, больше говорит подьесаул, и отец Владимир слушает, не мешая ему, потому что нельзя мешать — ведь в словах этих, в молодом пристальном взоре живет, дышит доблестью окрепшая в боях душа того самого христоролюбивого воинства, о котором он, русский протоиерей, так часто вспоминает в своих проповедях. И на беседах «Братства Святого Креста» тоже вспоминает.

— И вот, представляете, от Павловской площади — машины: командование, и сам будто бы светящийся изнутри Деникин, — опять заговорил разгоряченный Туроверов. — Войска построились. Главком поздоровался. А после... Нет, конечно, сначала речи. А когда закончили, Деникин и сказал: «Я отдал приказ армиям, третьего дня...» И сразу все стихло — людское море. Кажется, я слышал, как судорожно, борясь с волнением, вздохнул Деникин. И голос его — зазвеневший: «Да, приказ... Наступать на Москву!» Что тут началось, батюшка! Это был не крик «ура», это был рев. Я такого никогда не слышал, — хрипловато выдохнул подьесаул. — Вначале столбняк, а после рев. Все было в нем — боль накопившейся русской беды и неудержимая радость потаенных надежд. Люди, не замечая слез, кричали, кое-кто пробивался в толпе, чтобы поцеловать руку Деникину. А он стоял — бледный, потрясенный. Это был пик. Один офицер заметил: в Харькове наше войско надело свои лучшие белые одежды. И каждый знал: через месяц-другой мы будем в Кремле.

Спустя два дня Николай уехал на фронт. Он получил новое назначение: начальник пулеметной команды родного Атаманского полка.

Благодатное время — сентябрь-октябрь 1919-го, время крупнейших успехов белогвардейцев, причем, на всех фронтах, на всех направлениях. Большевистские части, бросая орудия и бронемобили, стремительно откатывались на север. Корпус генерал-лейтенанта Кутепова, десять его ударных полков, не дрогнули перед 79 красными полками — кавалерийскими и пехотными, а разбили их вдрызг, рассеяли, обра-

тили в бегство. И 17 сентября освободили Курск. Месяца не прошло, как корпус взял Кромы; следом — Орел и Ливны. Конные дозоры белых гарцевали под Тулой. До Москвы было рукой подать.

А правее кутеповцев дрались казаки генерала Шкуро, стремительно пробившиеся от Воронежа до Усмани; левее — теснил красных пятый кавалерийский корпус генерала Юзефовича, с боями овладевший Черниговом и Новгород-Северским. Фронт грохотал, лязгал сабельной сталью, шрапнелью завывал по ломкой линии: Астрахань — Царицын — Воронеж — Орел — Чернигов — Киев — Одесса.

Советских охватила паника. Правительственные учреждения начали спешно эвакуировать в Вологду. Создали даже подпольный партийный комитет — для нелегальной работы в Москве. Ленин сочинил отчаянное воззвание «Все на борьбу с Деникиным!»

Девятьсот двадцать тысяч квадратных километров — огромное пространство было отбито у большевиков белыми частями. Странное дело — вот этого-то и боялся брезгливо-неустрасимый аристократ генерал Петр Врангель. Командующий Кавказской армией опасался, что войска под началом Май-Маевского в бескрайних степях потеряют ударную силу, растянутся по дорогам чересчур узкой колонной, ослабеют в своем движении на север, оторвавшись от обозов, боевых резервов и походных лазаретов.

«Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми».

Обеспокоенный барон слал Деникину рапорт за рапортом, настойчиво гнул свое: главным операционным направлением следует выбрать не московское, а царицынское, дабы успеть подать помощь Колчаку, чьи солдаты схватились с красными — от Поволжья до Сибири. И он, Врангель, готов поспешить на подмогу. Впрочем, на прорыв должны идти основные белые силы, чтобы соединиться с изнемогающим в боях адмиралом и, создав единый фронт, ударить по большевикам — с уральской теперь стороны, стратегически более надежной. Ударить стремительно и мощно. А потом уж, когда время придет, и — на Москву. Куда белокаменная денется? Не зря говорят: верстой она далека, а сердцу-то — рядом...

Однако Деникин стоял на своем. К тому же военные дела шли как по маслу. Генерал Май-Маевский, грузноватый, с брюшком, но духом бодрый, внезапно появлялся на позициях, в рост поднимался с рядовыми в атаку, не кланялся шрапнели и пулям, вел за собой пехотные цепи «добровольцев» —

как с издевкой называли потрепанные комиссары Добровольческую армию. Да вот беда — запои; до самой смерти так и не избавился от них отчаянный генерал.

— Поверьте, я знаю, отец Владимир, о чем говорю, — хмурился за чаем генерал Лукомский, прибывший на пару дней из ставки главкома к жене в Новочеркасск. — Недавно их военный министр лорд... Да-да, лорд Черчилль оправдывался перед своим парламентом: зачем, дескать, англичане высадились в Мурманске и Архангельске? И сказал — честно: тогда бы немцы, а не они захватили ресурсы России. И на счет амуниции, которую поставляли белым, — тоже ненароком открыл секрет. Оказывается, присланную амуницию в Англии все одно бы выкинули на свалку, а тут она приносит коммерческую выгоду...

С добросердечным, по-русски открытым семейством Лукомских они давно сдружились. Гостеприимная супруга руководителя Особого совещания улыбочивая Софья Михайловна всегда норовила попотчевать чем-нибудь довоенным осунувшуюся от переживаний Манефу. В доме бывали и генерал Шатилов, и контрразведчик Мергин. Александр Сергеевич вполне доверял отцу Владимиру.

Кстати, тогда и о французах вспомнили. Тоже хороши: на торжествах в Екатеринодаре говорили одно, помощь сулили — оружием, провиантом, а на деле тайно сотрудничали с большевистским подпольем. И когда красные вступили в Одессу, спокойно наблюдали, как вооруженные рабочие рыскали по городу в поисках оставшихся чинов Добровольческой армии, и если находили — тут же расстреливали. При этом полковник французской контрразведки Фрейденберг, флиртующий с актрисой Верой Холодной (а еще дива обожала комиссаров!), и пальцем не пошевелинул, чтобы спасти хотя бы одного русского офицера. А мог. Ведь и послан был из Парижа в Одессу — именно для помощи белогвардейцам.

Может, Европа чего-то не понимает? Не понимает, не хочет понять, что революционный слом жизни, кровавое взбалтывание, братоубийственная война — не только русское горе. Конечно, печалился в тот вечер отец Владимир, народ наш обманут, соврращен в буйную пропасть злоумышленных переворотов 1917 года — мартовского «бескровного» и октябрьского, кровавейшего из кровавых. Теперь народ страдает — за легкомыслие, доверчивость к растлителям-богоборцам, за клятвопреступление 2 марта, за октябрьское непротивление злу. Но разве не в той же Франции родилось когда-то: свобода — равенство — братство? И восприимчивая русская душа, опяненная, в бешеном рвении вдруг гибельно поспешила завое-

вывать себе эту самую свободу, а на самом деле — свободу от христианской совести, братство в междоусобных бойнях, равенство в раскиданных повсюду бескрестных могилах.

Генерал Лукомский еще в январе негодовал: союзники настоятельно рекомендовали Деникину начать переговоры с большевиками. Главком вспылит. Тогда Антанта решает вопрос очень просто — отмежеваться от хаоса в России кордоном из пограничных государств: Румынии, Чехословакии, Польши, стран Прибалтики. А не хватает патронов и пулеметов — дадим, но платите сырьем, зерном, золотом, что удалось чудом спасти от большевиков. Хотя можно и так: записать поставки в российский государственный долг. Не взывайте, господа, это коммерция...

«Кто любит серебро, тот не насытится серебром...» (Ек. 5.9). Удивлялся протоиерей Востоков: как до них не доходит? Ведь гибель вломится и в их благополучные дома.

Кажется, тот же любвеобильный полковник Фрейденберг подсаживал: а вы добывайте оружие в бою.

Добывали. И под Орлом добывали, и под Усманью. Это отец Владимир знал: подъясаул Туроверов показывал маузер, сорванный в рукопашной с комиссарского плеча. На рукоятке было выбито: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». А кого наградили оружием — не запомнил. Фамилия была заковыристой, нерусской, с обилием гневно шипящих букв.

Выросший среди подмосковных рощ протоиерей Востоков впервые переживал донскую осень, восхищался ею — золотисто-солнечной, яркой, с синевой высокого неба над пышным разноцветьем как-то весело, будто понарошку, увядающей листвы. Над степью стремительно и нервно нарезали звенящий воздух черные стрижи. Их было почему-то очень много. Говорили, что птицы в полете могут провести целый год или даже больше года — то разгоняясь до сотни верст, то замирая в парении, возвращаясь на землю лишь для того, чтобы вывести потомство.

И от этого рваного полета, его необъяснимо-резких линий, что пересекались с другими линиями, зачеркивали и ломали их, то отчаянно взвываясь, то обрушиваясь вниз, — от этого полета почему-то скорбело сердце в предощущении неотвратимой беды.

Сперва по тылам белых беспощадно прошло разношерстное войско Махно. На усмирение буйного батьки пришлось снимать с фронта два боевых корпуса — генералов Слащева и Шкуро, и без того обескровленные в неравных боях, оголять позиции. А тут еще большевики спешно зак-

лючили перемирие с Польшей и Петлюрой. Буденновская конница развернулась с польского фронта и вскоре обрушилась на белые всей яростной мощью кавалерийских лав.

Соотношение сил на главном направлении — орловско-курском — теперь было таким: у красных — 62 тысячи штыков и сабель; у деникинцев — всего 22 тысячи.

Удар следовал за ударом. Южнее Орла красным удалось нанести поражение малочисленным полкам Добровольческой армии; отчаянно сопротивляясь, то отбрасывая большевиков штыковыми контратаками, то отступая, белые начали пятиться по всему фронту, оставляя поселки и города.

А тут еще — ножом в спину: подло, предательски. Кубанские самостийники опять зашевелились. Если донцы генерала Сидорина все последние месяцы рубились с красными, а терцы — отбивались еще и от набегов горцев, то Екатеринодару повезло: на целый год жизнь наладилась мирная и сытая. А от сытости и покоя до желания снова побороться за вольную демократическую Кубань — расстояние всего ничего: не более ширины отточенного клинка.

В сердцах этим клинком чуть было не зарубили священника Карнаухова, прибывшего из Франции. Того самого, что требовал изгнать протоиерея Востокова из Екатеринодара, а теперь успел походить и в министрах кубанского правительства, и черкеску носил вместо рясы, но сана пока не снимал, именуясь по-прежнему отцом Алексием. В Париже Карнаухов не только участвовал в мирной конференции — за это офицер-дрозовец, находящийся в отпуске по ранению, не рванул бы к нему с шашкой, не прохрипел: «Иуда!» Дело в том, что осенью 1919-го ЦК большевистской партии шифровкой поручил своему наркомму иностранных дел товарищу Чичерину провести секретные переговоры с представителями правительства Кубани. Контрразведка белых получила от своих агентов данные: «самостийники» сами обратились в совдепию (как там у них: совет народных комиссаров?) с предложением заключить мир с коммунистами. Был составлен даже проект договора.

Этот проект и зачитали на заседании Рады, не простившей деникинцам убийства своего председателя Рябовола. Впрочем, доказательств не было, но — подозревали... Момент выбрали удачный: свежие красные дивизии валом повалили на попятившихся добровольцев, и взятие Москвы молодцами генерала Май-Маевского отодвинулось на неопределенные сроки. Да и будет ли он, белый парад, у священных стен Кремля? К тому же европейская общественность пребывает в изумлении: и чего это русская военная интелли-

генция борется с такой передовой партией, как большевики? Словом, не пора ли с ними помириться?

...Главком Деникин, хмурый, удрученный военными неудачами, только что провел короткое совещание в Ставке. В кабинете с ним остался лишь генерал-майор Покровский, командующий тыловым районом.

— Вот мечтаю, Виктор Леонидович, когда все кончится, купим мы с женой клочок южнорусской земли у моря, — мягкой улыбкой рассеивая напряжение вздохнул Деникин.

— А я в летную школу пойду. Пилотов учить. Мало стоящих, — ответил по-боевому настроенный Покровский.

— Нет уж, довольно... Садик у моря, небольшое поле. Там и станем сажать капусту. В сущности, вся моя программа и сводится к тому, чтобы разбить большевиков, восстановить Россию, а после сажать капусту.

И в этот момент адъютант доложил: из Екатеринодара получено радио, и, шелкнув каблуками, развернул на столе расшифрованное донесение. Антон Иванович погрузился в чтение. Улыбка стала сползать с его простоватого круглого лица. Заблестевшая лысина пошла багровыми пятнами: от капустного благодушия не осталось и следа. Адъютант кинулся за каплями: испугался — не хватил бы главкома удар...

— Покровский! Приказываю лично... Раду эту предательскую — разогнать! Священника... Карнаухова, да его... Арестовать, судить военно-полевым судом!

15

Как ни старался отец Владимир воспрепятствовать казни Карнаухова, ничего не вышло. И полковнику Мергину писал, и его новому начальнику Орлову, и Деникину в Таганрог — тщетно. Увещевал главнокомандующего, от всех входящих в «Братство Святого Креста» увещевал: не убивайте священнослужителя, не приумножайте грехов, ибо один Господь живит и мертвит. Даже сам засобирился из Новочеркасска в Екатеринодар, да Манефа сильно заболела, не бросишь. А следом записку передали: «Не лезьте, батюшка, не в свое дело. Занимайтесь духовным, нам, военным, оставьте земное, грубое...»

Утром 7 ноября ярко-зеленый грузовик АМО привез приговоренного на Приютскую крепостную площадь. Карнаухов, статный, в черкеске с блестящими газырями, соединенными изящным шнурком, сам спрыгнул на утоптанную землю. Сквозь оцепление кивнул кому-то блестящей от репейного масла аккуратно причесанной головой и отвернулся, опрокинув тяжелеющий взгляд в себя.

Между тем поспешно-мрачные приготовления к казни затягивались. То веревка была коротка, то гнила и непрочна. Солдаты суетились, таращились на генерала Покровского, первоходника и забияки, чей конный корпус в летних боях с наскоку выбил красных из Камышина. Однако «мгновенный» Виктор Леонидович (быстро вышел в генералы) был не только кавалеристом, но и летчиком — это еще в Великую войну; тогда-то и совершил невероятное: сшиб в поединке немецкий аэроплан, а заодно взял в плен потрясенного вражеского пилота.

Генерал сегодня командовал казнью. На площади были недовольные, но никто не смел и слова поперек сказать: до зубов вооруженный офицерский конвой Покровского, взявший в полукольцо его автомобиль, — чеченцы и ингуши на рослых конях — наводил сжимающий сердце страх.

Взгляды священника и генерала встретились. Собственно, Карнаухов давно не служил, наспех молился между митингами за свободу Кубань и заседаниями Рады, но вдруг вспомнил о душе. И не только.

Нет-нет, он знал, что не дрогнет, не должен дрогнуть. Он подумал о самопожертвовании. Ведь оно не противно Закону Божию, ибо это не самоубийство. Так поступает тот, кто жертвует своей жизнью во имя великого блага. Так поступали врачи, сестры милосердия во времена повальных болезней, священники, утешающие и напутствующие страдающих от повального мора. И он, Карнаухов, тоже, как и они... Как воины, идущие в бой за Веру, Царя и Отечество.

Отупевшую в предсмертном бездумье мысль залихорадило, судорожно понесло по причудливым лабиринтам. Лабиринты сходились в угрюмом гибельном тупике.

Покровский смотрел на приговоренного немигающими темными глазами. До этого стоящий в гордом молчании — прямо и неподвижно, тот вдруг забеспокоился, закрутил крупной, нелепо прилизанной головой. Мысль билась, ускользала.

«Что же выходит? Что? Как воины... За Веру. Конечно, верую — в Господа нашего Иисуса Христа. Но следом — за Царя. Без него, Помазанника Божия, какая же вера? Нет, не так... Но кто об этом говорил? Настойчиво говорил... Да, это ж упорный протоиерей Владимир Востоков! Монархист, смутьян. Мы ж грозили ему, прогнали с Кубани. С нашей вольной демократической Кубани...»

И эти слова, а чьи, да разве вспомнишь теперь? «Демократия, милый мой, в аду. А на небе — Царство! Помни же...» Может быть, он, сын казака из Новопокровской иерей Алек-

сей Карнаухов, слишком долго прожил в Париже? К тому же попал под обаяние утонченного большевика Чичерина, совсем не похожего на людоеда. Элегантный народный комиссар тотчас же поддержал идею превращения Кубани в независимое государство, вплоть до отделения от России.

«Но вот Царь... И затем, сразу же — Отечество. То есть, Россия? Я верую, верую, Господи! Тогда... Нет, не понимаю. Не сходится... Все пропало!»

А вдруг здесь священник Востоков? Взгляд зашарил по лицам солдат, казаков, по приземистым домикам больницы, кирпичным дорожкам, кованым решеткам пансионата благородных девиц, остановился на зеленом куполе Воскресенской церкви. Здесь, на площади, непременно должен быть протоиерей Востоков. Конечно. Нужно поговорить с ним. Это все объяснит...

— Генерал! — рванулся могучим телом Карнаухов. — Подождите, я должен...

Покровский и бровью не повел, только ссутулился еще больше. Бородатый конвой оскалился. Солдаты, окружив приговоренного, тычками погнали его к виселице. Один из них попытался нацепить ему на шею табличку с кривоватой надписью: «За измену России и кубанскому казачеству», но Карнаухов мотнул, точно бык, тяжелой головой, отбросив хлипкого пехотинца. Табличку удалось надеть у самой табуретки — крепкой, грязного цвета. На нее и поставили священника.

— Минуту! Я прошу, генерал! Это важно! — хрипел уже из петли Карнаухов; шейные жилы напряглись, как натянутые поводья.

Генерал пыхнул сигарным дымом и махнул рукой. Сильным ударом табуретку выбили из-под ног обреченного. Покровский опустил голову, помолчал; затем не то пригласил, не то приказал:

— А теперь обедать, господа офицеры! Вид на виселицу улучшает аппетит. Хм...

Но взмахнула ярким крылом благодатная осень, попрощалась, словно навсегда, и уступила место зиме — то с морозами, то с сырыми ветрами. На Новочеркасск стремительно шли красные — корпус Думенко при поддержке двух стрелковых дивизий.

Менее чем за три месяца тяжелейших боев белые части откатились почти на семьсот верст. В Добровольческой армии осталось не более десяти тысяч штыков, а Кавказская армия, которой недавно командовал барон Врангель, почти и вовсе перестала существовать: казаки-кубанцы, составля-

ющие ее костяк, рассерженные на Деникина за жестокую расправу над священником Карнауховым, недобро поигрывая кистями темляков, разбрелись по домам.

В тот прозрачный день над Новочеркасском снова появился большевистский биплан. За штурвалом сидел летчик 15-го разведотряда Федор Енгальчев, позади него, прикинув к фотокамере системы полковника Потте, наблюдатель Миша Замулен снимал панораму города, растревоженного наступлением красных. Легкокрылый «Сопвич» несся над Московской улицей, Ермаковским проспектом, над крышами зданий политехнического института, старой грушей в саду Туроверовых, и над Александро-Невским храмом тоже; впрочем, над храмом мотор несколько раз чихнул, и Замулен, перестав фотографировать, вопросительно стукнул по кожной спине пилота, но тот лишь раздраженно пожал плечами.

Из церкви выходили люди — военные и штатские, и с любопытством задирали головы, пока не зная, чей это биплан. Вот и батюшка появился. Самолет снизился. Енгальчеву почему-то захотелось рассмотреть священника, и он сделал еще круг. И тут ясно увидел, как батюшка перекрестился, а следом наложил широкий спасительный крест на их «Сопвич».

— Давай бомбанем этого попа! — завопил заерзавший наблюдатель. — Бросай на паперть! Там и офицерья — вон их сколько...

На борту из-за тесноты помещалось только три 25-фунтовых бомбы. Одна слева от пилота, другая справа. Третью он держал на коленях, как ребенка, с которым собрался поиграть: «По Муромской дорожке, по Муромской дорожке и в ямку — прыг!»

Енгальчев пошел на новый круг. Наблюдатель в азарте заерзал еще пуще.

— Молодец, Федя! Примерься поточнее!

Красный военлет Енгальчев знал, что нужно делать. Сейчас он завалит «Сопвич» на скольжение, зажмет ручку коленями, потом открутит ветрянку у бомбы, устроит ее на борту, выйдет на цель и уж тогда, накренив биплан до предела, столкнет 25-фунтовый фугас вниз. И вот — взрыв. Словно на детской картинке — далекий, неопасный. Они с наблюдателем Замуленом не услышат криков и стонов. Только увидят, как отбросит к ограде окровавленные тела прихожан, мертвого священника и того прихрамывающего офицера с палкой, что первым обо всем догадался и теперь, прикрывая собой батюшку, бьет по самолету из револьвера.

— Огонь, ребята! Пли! Это большевик! — командует капитан Ермаков, тот самый — Гриша, что раненный прибыл в Новочеркасск на долечивание.

Он вырывает трехлинейку из рук растерявшегося солдата и сам стреляет, целясь в пилота. Отец Владимир читает молитву. (Именно, именно — это он, протоиерей Востоков).

А в воздухе заходится наблюдатель:

— Ты чего, Енгальчев?! Бомби, туды-растуды! Ну же...

— На станцию пойдем! На эшелоны сбросим! — криком же отвечает пилот.

Однако и к вокзалу он не летит: точно замороженный, кружит и кружит над храмом. А пули все ближе, все гуще.

Временами ему просто хотелось погибнуть. Сердце становилось пустым и равнодушным, билось лишь для того, чтобы в мерном усилии приблизить красного военлета к концу.

Но он не всегда был красным военлетом. Еще в 1913-м закончил воздушную школу в Гатчине, управлял «Фарманами», «Ньюпорами», а с первых дней германской — служил в эскадрилье русских бомбардировщиков «Илья Муромец». В небо брал икону Николая Чудотворца и, хранимый Святителем, всегда побеждал. Образ подарили Феде Енгальчеву в Брусенском монастыре, когда юный прапорщик гостил у тетки в Коломне. Икону вынес священник Успенской церкви отец... Нет, не вспомнить. Но говорили — знаменитость московская. Потом они долго беседовали...

Прошло время — революция, большевики. Енгальчева свалил сыпняк, и он не успел уйти из Петрограда, не успел спрятать семью. Уже началась гражданская. Комиссар с нарочитым чахоточным покашливанием (дескать, политкаторжанин!) сказал прямо: «Вы дворянин, и мы бы вас шлепнули. Но РККА нужны пилоты. И есть приказ товарища Троцкого. Да, ведь у вас, кроме жены, имеются сын и дочь?»

Словом, он попал под офицерскую мобилизацию. Посулили хороший оклад, паек, просторную комнату. Тут же напомнили о любви к России, о том, что народ под большевистским началом ведет борьбу с захватчиками из Антанты и их прислужниками-белогвардейцами. И неужели русская военная интеллигенция, явившая столько революционных имен, может оказаться в стороне от чаяний простых земледельцев и пролетариев? Даже библейское не забыли: «Мимо иде...» Достойно ли проходить мимо страданий родины?

Понятное дело, перегнул палку покашливающий комиссар. И надо бы, конечно, уйти. Но куда?

— Вы будете летать и бомбить белых. А семья — жить в этой комнате и нормально питаться. Никто не сможет выехать из советского Петрограда. Станете плохо бомбить, мы расстреляем жену. Сбежите к Деникину, мы расстреляем и детей.

Таких офицеров Енгальчев встречал немало. Схваченные коммунистами за горло, с крепким опытом германской войны за плечами, они поневоле усилили разношерстные красноармейские части, во многом привели их к победе.

Енгальчев летал и бомбил. Снова брал с собой образ Николая Чудотворца, прилаживал в кабине. Когда же поднимался в воздух с наблюдателем, то прятал икону в особую коробку — якобы для запчастей. В одиночку летать было проще. Бомбы сбрасывал не слишком-то прицеливаясь: кто ж проверит? Отговориться несложно: фугасы клали на глазок; а еще — ветер, непогода, да и горючее — ужасное: смесь 96-градусного спирта с эфиром (вместо бензина!) то и дело оставляла мотор, приходилось планировать. В донесениях писал: «Бомбил центр города. Атака с воздуха вызвала большую панику. Видел убитых белогвардейцев».

Похоже, сегодня номер не пройдет. Наблюдатель Замулен вцепился в спину, грозит: «Бей по церкви! А не то все командиру расскажу...» Енгальчев кивнул, растягивая время. В глаза полыхнуло выглянувшее солнце. Он на миг ослеп, но зато ясно увидел встревоженное лицо жены, беззаботно порхающие, как майские бабочки, улыбки детей — совсем рядом, сразу за пропеллером. Все это проплыло в пурпуровых бликах и исчезло, рассеянное крутящимся винтом.

У «Сопвича» хорошая скорость. Поэтому и решать нужно быстро: бомбить, и тогда семью не тронут и вообще все будет как было; или не бомбить, и те, кто под крыльями, останутся живы, а жена, ребятишки — с их кудряшками и петушками на палочке... И его самого, конечно. Но это не в счет.

В глазах потемнело. Спекшиеся губы зашептали: «О все-святой Николае, угодниче преизрядный Господень, теплый наш заступниче, и везде в скорбех скорый помощниче, помози мне...» Помоги, помоги!

Внизу хлопали выстрелы. Одна пуля вспорола правую нижнюю плоскость, другая провыла в трех вершках от шлема военлета. Он развернул биплан для атаки. Его опередил наблюдатель: привстал, цепкой рукой стянул бомбу с колен Енгальчева, открутил ветрянку и...

Пилот и опомниться не успел: фугас полетел к земле. Рвануло на пустыре, далеко от церкви. И тут же пробило пулей бензопровод. Горючее жаркой струей потекло по обмоткам в ботинок. Мотор зачихал, грозя полной остановкой.

Федор вытянул из кармана носовой платок, положил его на ногу и прижал к отверстию — иначе не подобраться. Этого было мало, и он вытащил второй платок, а после снял перчатки, устроил бутербродом на носке башмака, пытаясь зат-

кнуть пробоину. Ничего не помогало. Пропеллер замер. «Сопвич», тупорыло клюнув носом, устремился вниз.

Енгальчев не однажды уже приземлялся на планирующем авионе, с криво и мертво торчащим винтом. Но то было на проселках, в степи. Туда он не дотянет. Все та же церковная площадь, покачиваясь, влекла машину к себе.

«Нет, нельзя... Никак нельзя. Надо попробовать...» — застонал военлет, в отчаянии почти выламывая ставшую скользкой ручку из промасленного нутра биплана. Пулеметная очередь вспорола плоскости, ударила по хвосту «Сопвича», подпрыгнувшего, как взывавший жеребенок, заклинила рули. Наблюдатель взвизгнул. Енгальчев невольно убрал ногу от бензопровода: горючее забило фонтаном. Продырявленный авион, боком, теряя управление и высоту, с тоскливым шуршанием рваного воздушного змея пролетел вдоль улицы и рухнул на площадь. Но и на земле «Сопвич» угомонился не сразу: завертелся в пыльном облаке, с треском ударился о театральную тумбу. И лишь тогда замер.

Самолет окружили солдаты. Летчик был без сознания. Его с трудом вытянули из помятого аэроплана. Пока занимались им, красный наблюдатель Замулен, отделавшийся ссадинами, попытался скрыться с фотокамерой Потте.

Невелик был он ростом, настолько невелик, что и снег с шапки не сразу стряхивал: пускай на вершок, да повыше. Но снежок стайвал, а девушки так и не любили. Лицом тоже не вышел: нос воробьиный, на крапчатых щеках точно бесенята горох молотили. Зато посчастливилось Замулену, провинциальному фотографу, оказаться весной 1918-го в захваченном большевиками Екатеринодаре. И понял он: советская власть — близкая и родная. Потому что первый декрет, который увидел Замулен на столбе, — декрет о социализации девушек и женщин от шестнадцати до двадцати пяти лет. Он сразу записался в красноармейцы.

Ему дали фотокамеру, он снимал командиров. За это полагался льготный мандат: «Предъявителю сего товарищу Замулену предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 душ девиц, на кого укажет товарищ Замулен».

В довоенной жизни снимались все больше состоятельные семейства. Буржуи, в общем. От них свежо и вкусно пахло; рассаживаясь, все как-то по-особому шутили, вспоминали писателей и книги, которые Замулен не читал. Бывали и Варженевские, дворянская чета с маленьким балованным сыном и дочерью-подростком Наденькой. По Наденьке-то и стал ночами вздыхать бедный фотограф. Да толку-то... Кто он и кто она?

Но прошло время, и в победно галдящем Екатеринодаре, на углу Почтовой и Красной товарищ Замулен буквально столкнулся с Надеждой Варженевской, не успевшей из-за болезни матери покинуть город. По счастью, у Миши в кармане гимнастерки уже лежал мандат, скрепленный печатью штаба революционных войск Северокавказской советской республики. Тот самый, о социализации.

Варженевскую насильно отвели в отель «Бристоль», где с неделю она униженно, в полуобморочном страхе трепетала в отвратительных руках красноармейца Замулена. А он хвастал, что у него в полубовницах пребывает дворянская дочь — с целью прививки пролетарской крови, согласно всенародному равноправию, революционной справедливости и неразделенному чувству. Победившие массы разволновались. Одно дело гулять с горничными, а другое — с барышнями из благородных. Таких в облавах похватили не один десяток. От выбора у Миши голова пошла кругом. И он уступил наскучившую, полуживую Наденьку матросам, которые с похожими мандатами бражничали в «Старокоммерческой».

И вот теперь наблюдатель Замулен пытался под шумок раствориться в толпе, окружившей сбитый «Сопвич». Хотелось к своим, к наступающему корпусу Думенко. Потому что, когда комкор снова отобьет у бежавших Новочеркасск, то обязательно устроит чего-нибудь хорошее. Тоже декрет издаст: хватай, мол, советский героический боец красивых буржук — вот тебе мандат! Потому как заслужил. Особенно перед походом на всех мировых капиталистов.

Эх, пожить бы. И дел впереди полно. Но тут кто-то закричал:

— Держи! Большевичок побег.. Ишь, невелик, с булавочную головешку, а прыткий!

— Стой! Стой! Окоренок...

Наблюдатель выхватил бельгийский браунинг и пальнул в толпу. Солдаты ответили огнем из карабинов и трехлинеек. Замулен хотел было выстрелить еще раз, но не успел: взмахнув на бегу руками, как черными крыльями, он рухнул у церковной ограды.

Красного военлета Енгалычева тем временем положили на шинель рядом с разбитым бипланом. Молодцеватый юнкер слазил на место пилота и прыгнул с искореженной коробкой в руках. Коробку взял капитан Ермаков. Обтрогал, повертел и так и сяк, прослушал и даже понюхал: мало ли какой сюрприз приготовили большевики? Вдруг рванет? И лишь затем плоским трофейным штыком осторожно вскрыл находку, ожидая, впрочем, чего угодно. Но только не этого...

По усталому лицу Ермакова внезапно скользнул блик. Похоже было, что со дня мятой коробки навстречу поднялся необыкновенный луч, тронул напряженные глаза капитана каким-то особенным светом — светом несветным.

— Вроде, икона. Как странно, — удивился Григорий.

— Николай Чудотворец, архиепископ Мир Ликийских, — взял в руки образ отец Владимир. Перекрестился. Приложил лбом, губами. — Умиротворитель враждующих. Не могу отрешиться от ощущения, что мне эта икона знакома. Именно эта... — Он обернулся и внимательно посмотрел на большевистского пилота.

Енгальчева между тем переложили на носилки. Худошавый поручик, видимо, из контрразведки, сердито нахмурившись, бегло осматривал бумаги и карты из планшетки сбитого летчика. Когда того устраивали на подводе, он пришел в себя и вдруг отчетливо и почти счастливо произнес:

— Отец Владимир! Так это были вы? Я не ошибся, когда...

На другую повозку закинули убитого наблюдателя Замулена. Из руки вынули скомканный исписанный лист с фиолетовой печатью. Это был мандат на социализацию дочерей расстрелянного купца первой гильдии Прохора Рукавишников — в полную революционную собственность красного летнаба Михаила Замулена. Фотоаппарат молодой контрразведчик бережно повесил на плечо.

Да, кажется, протоиерей тоже узнал пилота. Довоенная Коломна, тихая Брусенская обитель, юный прапорщик, тронувший отца Владимира какой-то детской верой... Он сказал, что станет летчиком, и с благоговеньем принял от батюшки образ Святителя Николая старого письма: «Молись, Федя, бери с собой, и от смерти напрасной избавлен будешь...» Подумалось тогда: как славно, что такие есть в армии, как славно.

— Куда вы его? — спросил насупленного поручика.

— В лазарет, батюшка, под охрану. А после уж — к нам. Мы с полковником Мергиным не таких крутили-раскручивали, — с молодецким бахвальством ответил контрразведчик.

Повозка тронулась.

— Отец Владимир! — надсадно засипел Енгальчев. — Попросите, чтобы меня немедленно расстреляли! И чтоб в газетах сообщение. Тогда... Они... Они не тронут мою семью. Я буду героем, который... Иначе... Подумают, что я переметнулся. И не пощадят... И детей... Прошу вас!

— Расстреляем! За этим дело не станет, — ослабилась молодой контрразведчик. — Всех офицеров, перешедших к ко-

миссарам, — в расход. Допросим только. — Он легко вспрыгнул на подводу. При этом, видимо, сильно толкнул Енгальчева: тот застонал, поморщился.

Возница в прожженной шинели щелкнул кнутом по лошадиному крупу, и разболтанные колеса застучали по булыжнику — быстро, гулко, тоскливо.

— Уезжайте из города, батюшка! — напрягал последние силы военлет. — Нас много... То есть, красных много. Они скоро возьмут Новочеркасск. А еще... Да-да, я вспомнил. С корпусом идет комиссар Гамуш, расстрельщик лютей...

Капитан Ермаков и отец Владимир переглянулись.

— И он не забыл про вас. Я сам слышал, как он обещал: «Вот бы попа Востокова поймать, что служит у беляков обедни. Войдем в Новочеркасск, тогда и поймаю. Счет у меня к нему — особенный!»

Он что-то еще говорил, но голос звучал все тише и глуше. И возница все сильнее стегал лошадь. Когда подвода уже сворачивала в переулок, отец Владимир неловко-тяжеловатой, смешной побужкой вдруг ринулся вслед. Задыхаясь, он догнал Енгальчева, перекрестил снова впавшего в забытие пилота, а потом положил рядом с ним сияющий золотом образ Святителя Николая, чудотворного умиротворителя всех враждующих в этой страшной войне.

Но пока что лилась и лилась потоками христианская кровь — прямо под дьявольские колеса колесницы лилась, и от этого все быстрее и страшнее вращались они и мчали обезумевших от нетерпения сионских мудрецов на вершину мирового владычества.

16

А вокруг летало-лихорадило: заговор, заговор!

Наверное, настоящего заговора все же не было. Того, что со свержением, казнью или пожизненной ссылкой. Но тут вытолкнет язык избитое: победителей не судят. Вошел бы генерал Деникин под грохот танков Антанты в Москву (где уж эти танки?), — никто бы и не вспомнил, что он поднялся из низов, тянул всю жизнь солдатскую лямку, не хватал звезд с карьерного небосвода, был угловат, порой мягок и застенчив. О капустных грядках мечтал, ходил в латаных штанах. Когда красные бежали, все это восхищало. Когда побежали белые, это стало раздражать.

Потребовался другой герой. Ищущие взоры обратились в сторону барона Врангеля — аристократа-конногвардейца, неустрашимого воина, георгиевского кавалера, решительного командира, умницу и светского льва, привыкшего к повинове-

нию окружающих. А еще — и это было самым важным для отца Владимира — отрицающего либеральное деникинское непредрешенство: дескать, народ сам определит, восстанавливать царский трон или наладить жизнь на манер Европы или Америки.

— Нет, батюшка, — нажимал Александр Сергеевич Лукомский, — барон чистой воды монархист. Уже беседовал с Кривошеиным...

— С Александром Васильевичем? Православный человек, со Столыпинным реформы проводили. Гофмейстер. Встречались в Москве, в Собрании.

— Вот и славно. Генерала Шатилова вы тоже знаете: он у Врангеля в начальниках штаба, — Лукомский задумался: сказать или нет. Решился: — С армейским протопресвитером Шавельским загвоздка. Он, как и прежде, поет: не течет река обратно, не вернуть, что не возвратно. Это о царизме. Не наш. Зато есть у нас владыка Вениамин, епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии. Он наш.

Что это — заговор? А он, протоиерей Владимир Востоков, выходит, участник его?

Но он не военный. И одного лишь алчет его душа, молитвенно жаждет священническая совесть: чтобы вожди в генеральских мундирах не пытались усидеть на двух стульях, не постыжались самодержавных заветов Святой Руси, ибо тогда Господь их самих постыдится.

Авионы красных хищно парили над Новочеркасском. Постреливали сверху, порой бомбили. Все ближе ухала артиллерия, накатывался фронт.

Пилот Енгальчев терзался: оставили в живых. Однако отец Владимир, сумевший пройти в лазарет, придумал-таки: по дружбе упросил редактора «Донских ведомостей» поместить репортаж о гибели большевистских летчиков (понятно, с фамилиями!), сбитых точным огнем противозаэропланных пушек. Заметку перепечатало «Вечернее время». Подпольная агентура красных, понятно же, изучала деникинскую прессу. На это и был расчет.

Военлет немного успокоился. Не знал он, что дело не только в заступничестве неожиданно встретившегося знакомого протоиерея. На первом же допросе в лазарете Енгальчев сообщил нечто такое, что смягчило карательные планы контрразведчиков.

Советский пилот жил в одной квартире с пожилой хранительницей музейных фондов Аничкова дворца. Старушка исхудала, была желта как воск, неважно видела, ходила небыстро: пальцы на ногах из-за сырости свело. Впрочем, кого в красном Питере удивить этим?

И все же было чем удивить: звали хранительницу фондов Марией Дмитриевной Врангель, и была она родной матерью белогвардейского генерала, быстро набирающего полководческий вес — и не только среди офицеров-монархистов.

Конечно, в комнате проживала в основном семья Енгальчева: сам он воевал и почти не бывал дома. Но иногда заезжал.

Баронессу уплотнили. Загнали в самую маленькую комнату: и хорошо — иначе не хватило бы дров для прогрева. В больших помещениях устроились новоселы: счетчица Народного банка, бывшая горничная, еврейское семейство, глава которого служил в Лескоме, а потому семейство не мерзло — топили два раза в день. Через стенку от Енгальчевых проживал однорукий комендант какого-то советского учреждения — сперва крестьянин, потом красноармеец. Комендант ходил по квартире в белых кальсонах и лакированных туфлях на босу ногу. И везде дымил трубкой. В первый же приезд он подловил военлета, дохнул сивухой:

— А-а-а, ваше благородие? Ну-ну...

— Я красный пилот. И попросил бы...

— Ха-ха! А я большевик.

Тут комендант увидел бывшую горничную, девушку аппетитную, и понес к ней широкую масляную улыбку. И загундосил мотивчик: «Эх, жена мужа любила, в тюрьме место купила: вот тебе, муженек, подворьище! Эх, вниз по матушке, а вверх по батюшке...» И сразу стал заваливать перепуганную барышню на сундук. За нее вступилась пожилая дама, по всему видно, — из бывших. Комендант замахнулся на нее, но Енгальчев перехватил единственную руку озорника, вывернул, будто самолетный рычаг при аварийной посадке — до хруста.

Так они познакомились — недавний царский офицер, теперь красный военлет и мать генерала Петра Врангеля, к тому времени уже взявшего неприступный «комиссарский Верден» — город Царицын.

Енгальчев накануне получил паек. Жена пожарила баранину. И он пригласил старушку за семейный стол — поужинать. Но той стало дурно. Почему баронесса сразу сказала, кто она? Возможно, устала, рассиропилась, обмякла много претерпевшей душой.

Баронесса была сильной женщиной — слеза даром не набежит. И Петрушу воспитала в строгости: потому, конечно, и вышел в генералы. Но все же не могла постичь, как это на седьмом десятке, с вечно не просыхающими ногами и примороженными от холода и стирки руками она еще жива. И работает: каждый день в Аничковом дворце.

Она молилась. «Бог меня хранил», — скажет потом в Дрездене мужу, тоже удачно сбежавшему из «большевизии».

Мария Дмитриевна говорила и говорила. И военлет Енгальчев тоже говорил — обо всем, что произошло с ним. Получалось, что они в западне — и мать белого генерала, и красный пилот. И найдется ли выход?

После рассказов Енгальчева потрясенные контрразведчики забеспокоились: как же могло случиться, что мать самого Врангеля под своей фамилией проживает в советском Петрограде? В любой момент ее могут арестовать чекисты. Станут мучить, допрашивать в смрадных камерах: много ли старушке надо

Непреренно начнут шантажировать генерала, под угрозой расправы над любимой матерью вынуждать плясать под их большевистскую дуду.

Агенты контрразведчиков Орлова и Мергина попытались установить контакты с баронессой. Помощь предложили боевики из подпольного «Союза защиты Родины и Свободы» Бориса Савинкова. Белогвардейцы поморщились: не хотелось связываться с бывшим эсером-террористом, на чьей совести убийства графа Плеве, Великого князя Сергея Александровича, покушения на Дурново и Дубасова. А еще — якшался автор «Коня бледного» с двойным шпионом Азефом (в заместителях у него ходил), был у Керенского правительственным комиссаром, теперь в предводителе «зеленых» рвется и при этом настойчиво просит Антанту помочь Добровольческой армии, в создании которой, к слову сказать, сам участвовал. В общем, и нашим, и вашим — всем спляшем.

Что было делать: согласились. Баронессу тайно вывезли из квартиры, и теперь она меняла свой ночлег, скрываясь по разным конспиративным адресам. Наконец, ее временно устроили в беженском общежитии под именем вдовы художника Веронелли.

Но это было в далеком подсоветском Петрограде, а здесь, на подходе к Новочеркасску, вздымая снежную пыль сапогами и копытами, посылая на пустеющий город снаряды, наступал корпус красного командира Думенко.

— Уезжайте, отец Владимир! Купе в моем поезде к вашим услугам, — торопил генерал Лукомский.

А он медлил. Он все ждал, когда контрразведчики эвакуируют военлета Енгальчева. Почему-то это стало важным. Пока же тот лежал в лазарете. У палаты маячил часовой, но солдат не мешал их разговорам: полковник Мергин послал из ставки радио — не препятствовать отправлению религиозного культа.

— Отчего же, батюшка, Господь терпит столько зла? — ворочался на койке пилот, прислушиваясь к канонаде. — Глупый вопрос, да? Но ведь Он всемогущ. И мера несчастий превышена...

— Такие мы, человеки многогрешные: чуть что — Бога упрекаем, — сокрушался Востоков. — Зло в тайниках души рождается, всюду проникает. И волны его, умножаясь, порождают исторические преступления, войны. Когда же Господу вмешиваться — всякий раз?

— Не знаю, — вздохнул пилот. Снаряд упал совсем рядом: с потолка посыпалась штукатурка. — Вам надо эвакуироваться. Не успеете.

— Даст Бог, успеем, — отмахнулся отец Владимир. — Ты, Федя, подумай, во что превратились бы все мы, если б не могли сами ничего пожелать, ничего сделать? И ко всему нас Господь бы принуждал. Никакой свободной мысли, воли. Были бы мы слабее животного, куклами заводными.

— Но комиссар Гамуш прет. И скоро будет здесь.

— Что ж из того. Ведь Бог не отнимает у человека его свободу, не парализует волю, даже злую. Он учит, как нужно наладить самим справедливую жизнь.

— Комиссар-то наладит, — поморщился Енгальчев. — Мне бы туда, в окопы. Мне бы туда... Ведь все одно — красные знают из газет, что я погиб. Я должен что-то сделать. Стало бы легче... — с надеждой посмотрел он на образ Николая Чудотворца, установленный на тумбочке.

Так и светилась иконка в то рождественское утро, студёное и солнечное, когда отец Владимир снова пришел в лазарет. Но Енгальчева в палате не было. Востоков вернулся на улицу. Над пылающим в морозных лучах куполом Александро-Невского собора уже рвались первые шрапнели. От лазарета поспешно отъезжали повозки с последними ранеными. Колкий зимний воздух вскипал от тесноты сталкивающихся фраз: «Наши отходят», «Катастрофа», «Персиановские высоты», «Генерала Мамонтова все нет», «А у них Буденный подоспел...».

Где-то через улицу снова упал снаряд. Тяжело дрогнули под церковным куполом позолоченные многосвечники, паникадила.

Нет, отцу Владимиру не нужно было взбираться на крышу войскового штаба, чтобы представить картину последнего боя за Новочеркасск, за погибающую колыбель Добровольческой армии. В тонком потоке какого-то особого, враз открывшегося молитвенного зрения он видел, что большевистские цепи во много раз гуще белогвардейских. И еще видел,

как, отмахиваясь шашками, пьтится потрепанный в осенних арьергардных боях 3-й Донской корпус.

Напрасно командующий обороной генерал-лейтенант Сидорин бодрился, говорил репортерам: «Можете телеграфировать в газеты: мы верим в успех». Уже прозвучало — горько, непоправимо: «Наших сбили с бугров!»

Сбили с бугров... Это тотчас облетело охнувший от ужаса город, льдисто вползло в затосковавшие сердца, сея сумятицу и неуверенность. Однако там, на буграх, на высотах, еще не все откатились, не все полегли.

Видится отцу Владимиру, как тяжелая артиллерия Думенко месит наспех вырытые окопы донцов, где уж нет, не осталось, не должно остаться ни одной живой души. Но опять сквозь оседающие столбы земли, снега и пороховой гари редко и упорно бьют по красным винтовки, останавливает их надсадно-злой бег горячий пулемет.

Ночью корпус Думенко занял Новочеркасск. Измотанные штурмом большевистские части не преследовали отступающих и беженцев. Это позволило белым уйти за Дон.

17

Однако не напрасно сказано: по примеру Своего небесного единоначалия Господь учредил на земле царя. По образу Своего небесного вседержительства устроил на земле царя самодержавного. И по образу Своего царства непреходящего поставил на земле царя наследственного.

Конечно, это о России. И тогда чего уж проще?

Действительно, чего проще? Трудись на совесть, воюй с отвагой, будь верен присяге, что давал Божию Помазаннику, Отечеству. И Господь не оставит — все разрешит и устроит.

Казалось отцу Владимиру, что барон Врангель так и живет, сражаясь с безбожниками за восстановление трона, русской государственности. Потому что никогда не повторял он деникинские слова о туманно-беспомощном непредрешиистве (люди де сам решат, какую им власть), напротив, был уверен, знал: освобожденный от комиссарского наваждения народ обязательно изберет себе Хозяина, то есть, самодержавного Царя. К тому же за барона горой стоял молодой архимандрит Вениамин, епископ Севастопольский, с которым протоиерей Востоков сблизился еще в Москве, на Поместном Соборе. Тогда владыка поддержал его выступление.

В Екатеринодаре, куда Востоковы снова попали после новочеркасской катастрофы, отец Владимир мельком видел Врангеля. В ослепительно белой черкеске, подчеркивающей

напряженную пронзительность его быстрых светлых глаз, тот широко шел своими огромными шагами, шел так стремительно, по-юношески порывисто, что коренастому генералу Шатилову, да и другим подчиненным, приходилось бежать вприпрыжку, пытаясь не упустить при этом короткие распоряжения.

На Кубань барон прибыл по приказу Деникина — для формирования свежих кавалерийских корпусов, но, как выяснилось, этим уже занимался казачий генерал Шкуро, и тоже по распоряжению главкома. И сразу новая команда: возглавить организацию обороны Новороссийска. Что ж, он немедленно отправился туда. Опять незадача, похожая на насмешку: председатель Особого совещания генерал Лукомский приехал чуть раньше и уже выполнял такое же поручение. Врангелю осталось лишь место его заместителя по боевой части. Впрочем, с Лукомским они были заодно: Александр Сергеевич давно убеждал надежных командующих армиями и корпусами — дескать, тяготиться властью наш «капустный царь Антон» (это о Деникине), а потому пора его сменить: пускай на грядах возится. Нам же надобно Россию спасать.

А то, что главнокомандующий ВСЮР хотел столкнуть соратников лбами, поссорить — в этом Врангель и Лукомский были убеждены.

В холодном, продуваемом морскими сквозняками номере гостиницы Врангель размашисто рвал пером принесенную адъютантом бумагу. Писал Деникину: «В Новороссийске за мной велась Вашим штабом самая недостойная слежка: в официальных донесениях... органов контрразведывательно-го отделения... аккуратно сообщалось, кто и когда меня посетил, а генерал-квартирмейстер Вашего штаба позволял себе громогласно, в присутствии посторонних офицеров, говорить о каком-то «внутреннем фронте в Новороссийске, во главе с генералом Врангелем...»

В конфликт вмешались англичане. Барон вспылил: подал в отставку, намереваясь отправиться в Крым. Как говорили раньше: на покой. Да где тот покой: ведь Белая гвардия откатывалась на всех фронтах. Петр Николаевич полагал, что он смог бы исправить положение.

Но все испортил молодцеватый геркулес капитан Николай Орлов, который кочергу узлом завязывал, а после и развязывал, пятаки царские гнул, золоченые кресла поднимал — за ножку, стиснув ее стальными пальцами. В январе 1919-го его офицерский батальон подавил большевистское восстание в евпаторийских каменоломнях, а в конце того же года георгиевский кавалер сформировал Особый отряд обороны Крыма.

Как-то поздним вечером, проверяя посты, случайно услышал разговор двух молодых офицеров.

— Да разве думаем мы о важном — о победе над большевизмом, о единой России, о вере, русском Царе? — в отчаянии спросил один.

— Полноте! Мы здесь других слов, кроме «грабанул», «спекульнул», и не слышим, — потерянно, с глухой тоской в голосе ответил другой.

Потрясенный Орлов замер. Ведь и он о том же размышлял. И не только он. Уже сотни крымских офицеров верили, что спасение в одном — в воскрешении благородного духа старого добровольчества. Понимали они, что перекроить враз всю армию, отступающую, тронутую пагубным тленом разложения, уже нельзя, а потому нужно формировать новые дивизии, тщательно отбирая людей — из той самой высшей ратной породы, готовых доблестно, честно и стойко драться за Белую идею, ободрять дрогнувших.

На помощь пришел капитан второго ранга герцог Сергей Лейхтенбергский, пасынок великого князя Николая Николаевича. Боевой герцог отличился еще в Великой войне, в сражении при Трапезунде. А летом 1918-го в Киеве возглавил монархический союз «Наша Родина». Объяснял соратникам: добровольцев, мол, не трогать, даже поддерживать, а поругивать лишь командование; не так опасны большевики, как Добровольческая армия, куда ее руководит генерал Алексеев.

Вскоре Особый отряд обороны Крыма был развернут в 1-й Симферопольский офицерский полк. Командиром назначили Николая Орлова.

И тут на полуостров приехал опальный барон. Но еще до этого капитан и герцог всерьез взялись за дело. По городу, по всему Крыму расползались слухи, что они готовят монархический переворот. И этот переворот, опять же по слухам, вполне одобряет Врангель.

В одну из промозглых январских ночей 1920-го добровольцы Орлова арестовали губернатора, полицмейстера, несколько военных чинов, среди которых был и генерал Чернавин, начштаба войск Новороссии и Крыма. Капитан объявил себя начальником гарнизона и комендантом города. И гарнизон подчинился восставшему полку.

Так вышло, что в это же время в Крым ненадолго приехал генерал Лукомский: в Севастополе у него скончалась престарелая мать. Александр Сергеевич попросил отца Владимира отправиться с ним. Ему хотелось, чтобы отпевание совершил именно протоиерей Востоков, добрый знакомый их известного на побережье семейства.

После похорон отправились в Симферополь. Черный «Паккард» на сырой дороге бросало из стороны в сторону, но машина шла на хорошей скорости, то и дело отрываясь от авто с адъютантом и конвоем. Лукомский был бледен и печален. Отчего-то всегда, когда уходит из жизни мать, человек вспоминает детство, когда был защищен обожанием и любовью.

— Мама упростила отца взять меня на охоту, — всматривался генерал в небо, словно ожидал увидеть клин летящих дроф. Но небеса были туманны и пусты. — А мне семь годов. Отец севастопольский моряк, и он говорит: пусть таблицу умножения расскажет, тогда и пойдем... Стал экзаменовывать, а я ошибся где-то. Родитель неумолим: не возьму. И — к дверям. А мама шепчет: догоняй и проси еще разок. Я с ревом бегу за папой. И уж тут не ошибся. Да... И вскоре, всхлипывая, надевал на себя ягдташ...

Рассеянно слушает Востоков генеральский рассказ — о том, как тот мальчишкой тонул: поднырнул в соседнюю купальню, но сбился под водой и попал не во внутренний бассейн, а под дощатый пол. Чудом выжил. Или как упал из окна, глубоко раскроив кожу на голове. После спасал в море младшего брата... И везде потом была мама — с теплыми родными ладонями, уткнувшись в которые так сладко плакать, зная, что все дурное позади.

И в тот день он, ученик военной гимназии Сережа Лукомский, тоже плакал, не чувствуя слез. Классы гудели растревоженными ульями: убили Государя Александра Второго! И как же рука поднялась? И чья же рука, какого мерзавца-зложелателя?

— Да, горе. Но мы чувствовали, что нас еще и глубоко оскорбили. И именно нас, военных гимназистов. Мы собирались, клялись отомстить. Вот вырастем и очистим Россию от нигилистов, от подлой сорной травы. Клялись быть верными Царю, защищать его от всяких предателей...

Голос Лукомского дрогнул. Слова замерли, точно наткнулись на глухую преграду. «Паккард» подбросило на кочке. Генерал снял фуражку и нервно провел сухощавой рукой по седеющему «бобрику». Отец Владимир покосился на его будто враз вытаявшее лицо.

«Быть верными Царю... Защищать от предателей...» Негодовали чистые и честные отроки. А в пятьдесят лет? Впрочем, пятидесяти еще нет, но Лукомский — давно генерал-квартирмейстер при Ставке Верховного главнокомандующего. Он обедает за царским столом. И не зря: он — монархист, горой стоит за трон. Почему же тогда генерал-адъютант Алексеев

поручил именно ему вместе с церемониймейстером Николаем Базили составить проект манифеста об отречении? И почему не отказался, не вспомнил негодующие отроческие обещания? Почему Государю не рассказал?

Писали манифест, правила.

Будто бы снова — севастопольская купальня, взбаламученное после шторма море, и ловкий, знающий бухту мальчишка, плавающий, как рыба, уже поднырнувший под доску: гребок, другой, воздух распирает легкие... Кажется мальчишке: совсем немного, и он вынырнет в соседней купальне под восторженные крики приятелей. Но под водой ничего не видно. Он плывет не туда. Он сбился. И теперь беспомощно колотится головой о доски бассейна. А наверху светит солнце. Близкое, ясное и недосягаемое. Мальчишке уже не хватает дыхания. И только чудо спасает его.

Генерал ошибся. Ошибся страшно. Штормовая муть революции ослепила, увела с пути. Вынырнул, да не там.

Искренне боялся: если подавить бунт, залив кровью Петроград и Москву, то прекратится борьба на фронте с немцами, а значит — позорный сепаратный мир. А потому нужно сделать все для мирного обуздания революции, и тогда война продолжится до полной победы, и главное — сохранится монархия и, конечно, династия.

Лукомский просчитался: революция зашла слишком далеко. Теперь же генерал покаянно наверстывал упущенное: поддерживал монархиста барона Врангеля. Когда позволяло время, бывал в храмах, где служил отец Владимир. Слушал проповеди, участвовал в беседах «Братства Святого Креста». Исповедовался, освобождаясь от скверны грехов, причащался Святых Тайн. Порой ворчал на военачальников, пусть и при должностях и чинах: нет, мол, самодержавного целомудрия...

Что ж, дай-то Бог, дай-то Бог.

Мчались дальше. Посвистывал, обтекая несущуюся машину, волглый порывистый ветер, кружились, отлетали бесцветные дали невеселой крымской зимы. И вот уже показались предместья Симферополя.

Квартала за два до «Европейской», где они собирались остановиться, машина притормозила, объезжая вязкую лужу. У тумбы с обрывками старых афиш маячили две фигуры, одетые нарочито невзрачно. Сердце у протоиерея дрогнуло. Что-то знакомое было в одной из них. Отец Владимир приоткрыл окно машины, чтобы получше рассмотреть лица мужчин, но тут один из них резко повернул голову в сторону «Паккарда», и Востоков буквально напоролся на его коротко

вспыхнувший чернотой взгляд. «Да это же... Гамуш? Неужели? Но откуда? Ведь он у них большой комиссар...»

— Что с вами, батюшка? — участливо спросил Лукомский.

— Нет-нет, ничего. Лицо знакомое... Видно, показалось.

Генерал тоже посмотрел в сторону тумбы, но там уже никого не было: серые фигуры точно ветром сдуло.

А ветер и вправду разгулялся. Будто тугим порывом вынесло им навстречу князя Оболенского, председателя Таврической земской управы. Негодующий Владимир Андреевич, часто перебирая начищенными штиблетами, буквально скатился с высоких ступеней «Европейской». Глаза гневно пылали — никакой великосветской поволоки, никакого салонного лоска. Ветер трепал легкие поредевшие волосы, смешно играл густой бородой, чернота которой оттенялась побелевшими вскрыльями римского носа.

— А-а-а, генерал! И вы, отец Владимир! Разумеется, все здесь. Монархический переворот? Ха-ха! *Politique jamais*, ура *tojours*! Так, господа?

«Политика никогда, ура всегда, — недоуменно перевел Востоков. — К чему это он?»

— Этот ваш капитанишка, Орлов... Он сумасшедший! У него здесь, в гостинице, штаб, — не мог успокоиться Оболенский. — Чуть было и меня не арестовал... Сунул мне звание. Вот...

Князь вынул из кармана мятый листок, прочитал, будто леденцы во рту перекатывал: «Исполняя долг перед нашей измученной родиной и приказы комкора генерала Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава... систематически разлагавших тыл...»

Путаясь в полах элегантного пальто «блико», Оболенский ринулся к ожидающему его автокару. Резко развернулся, крикнул:

— Монархический заговор... С большевистским душком! И это когда красные стоят у Перекопа!

Ах, князь-князь! Рюрикович кровей голубых. Если у человека всего много и все есть, то хочется, чтобы было еще больше. И так сбивает с толку это хотение — не то редьки с хреном, не то революции, — что, от сытости разомлев, заигравшись, не замечаешь уже, что стал похож на неразумного ребенка, который, найдя на дороге золотую монету и раскрашенные черепки, черепками заигрался, а на монету не обращает внимания.

Вздыхнул печально отец Владимир. Конечно, теперь красные у Перекопа. Почему бы не быть им здесь? Ведь даже Обо-

ленский, внук героя войны 1812 года, — стоял против самодержавия. Со студенческих лет — либерал, республиканец, масон. В псковской ссылке с друзьями образовал кружок: для чтения марксистских брошюр. Потом к ним примкнули журналист Александр Потресов и Владимир Ульянов, нынешний Ленин, главный советский комиссар. Следом — Петр Струве, Юрий Цедербаум, он же Мартов. А идея газеты «Искра», из которой и возгорелось пожирающее Россию пламя, где родилась? В доме князя Оболенского...

Когда Лукомский и протоиерей шли по гостиничным коридорам к Орлову, их догнал какой-то растерянный штабс-капитан:

— Простите, я ничего не понимаю! Если герцог Лейхтенбергский, то дело-то монархическое, верно? Но почему оживилось большевистское подполье? Говорят, их агенты ходят к Орлову. Мне кажется, какая-то провокация...

Лукомский не успел ответить: двери одного из номеров вдруг с треском распахнулись, и мятежный капитан предстал во всем богатерском блеске.

— Прекратите бунт! Отпустите арестованных! Весь отряд должен сдать оружие! — сразу решил взять быка за рога генерал. — Иначе... Слащеву в Джанкой будет послано радио: остановить мятеж силой!

— А священник к чему? — неожиданно хмыкнул Орлов. — Чтобы расстрелять и тут же отпеть?

Отец Владимир хотел было усостить бунтаря, но тот зарокотал торопливым баском, подавляя всяческое возражение. Должно быть, понравилось командовать, вошел во вкус. Лукомский поморщился.

— Капитан! Да вы... — почти вскричал Александр Сергеевич.

— Ваше превосходительство, я не намерен идти против Слащева и Врангеля, — перебил его Орлов. — Я уверен, что карта Деникина бита... Я восстал для того, чтобы выдвинуть ряд ультиматумов, которые следует принять.

— Что за самоуверенность! Ваша смута взорвет фронт, и без того зыбкий.

— Никак нет! Напротив, фронт будет укреплен. Я написал новое воззвание — «К товарищам рабочим». Посмотрите...

Это была какая-то большевистская агитка. И фразы, фразы: «Молодое офицерство решило все взять в свои руки...», «Я, капитан Орлов, правее левых эсеров и немного левее правых...». А следом — про солидарность с сознательными пролетариями.

Нет, был уверен Востоков, без советских агентов здесь не обошлось. Выходит, не показалось ему: и вправду кружит где-то рядом злоумышляющий комиссар Гамуш.

Генерал Слащев все же послал войска на подавление бунта. Его корпус стоял на Перекопском перешейке, охраняя от красных Крым. Но Орлов не стал ждать. На рассвете с отрядом ушел из Симферополя. С неделю скрывались в горах, затем, спустившись, захватили Алушту и Ялту, где арестовали грозного генерала Покровского. Того самого, что приказал повесить другого смутьяна, бывшего священника Карнаухова, известного кубанского «самостийника». Под шумок капитан ограбил городские казначейства. Страсти в Крыму накалялись.

И тут ударили большевики. Они знали, что у Слащева штыков и сабель — всего ничего. К тому же значительные силы направлены против Орлова. Удачный момент, чтобы ворваться в Крым. Грех было упустить его.

Советские ринулись в атаку морозным зимним утром. Силы, как обычно, неравные: красных втрое больше. Валили валом, плотной неукротимой оравой, под приглядом зорких комиссаров, и прорвали все три ряда перекопских укреплений. Еще чуть-чуть, и на плечах отступающих добровольцев противник хлынет в крымские степи, на полуостров. Захватит его почти на год раньше. И — конец гражданской войне.

Но Яков Слащев требует коня. Сквозь прокуренные зубы сипло бросает конвою: «За мной!» И горстка всадников летит навстречу враждебному штыковому сонмищу. И врубается в густые цепи пехоты. Красноармейцы только рты поразевали, но уже не потому, что драли глотки своим диким «даешь!». Было чему удивляться. В их замешкавшихся рядах гарцевал на гнедом жеребце, размахивая шашкой, долговязый генерал в невиданном костюме — в красных штанах, светло-голубой куртке допотопного гусарского покроя и в белой широкой бурке, вздымающейся за спиной грозными крыльями. И ни штык его не брал, ни пуля.

Долго будет удивляться этому и сам Слащев. После отцу Владимиру расскажет — перед отплытием в Константинополь, на сырых ступенях Графской пристани. Ясно было: кто-то молился за него. Наверное, мать. Да-да, именно так. В тесной комнатке молилась за сына полковница Вера Александровна: «Господи, в милостивой власти Твоей чадо мое Яков, помилуй и спаси его... прости ему все согрешения...»

«Товарищи» остолбенели, а потом побежали. За ними понеслись приободренные добровольцы. Тогда, зимой 1920-го, Крым был спасен.

А вскоре молодцы «генерала Яши» разогнали и отряд Орлова. Правда, по всему полуострову уже разлетелись возвра-

ния упрямого капитана: «По дошедшим до нас сведениям, наш молодой вождь генерал Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы все верим, это тот, кто все отдаст на борьбу с большевиками и преступным тылом...»

— Вот видите, без барона здесь не обошлось! Подлая политическая игра — его рук дело, — негодовал Деникин; начальник штаба генерал Романовский понимающе кивал головой, улыбаясь тонкой улыбкой. — Приказываю: в полную отставку... Именно! Уволить от службы Врангеля, генералов Шатилова и Лукомского!

Внезапно из дождевой пелены возник некий генерал Бридж, с порога предложивший Деникину посредничество при заключении перемирия с Советами. «Никогда! Слышите, никогда!» — вскричал возмущенный Антон Иванович.

А в конце февраля в Ставку прибыл генерал Хольман, начальник английской миссии при Вооруженных силах Юга России. Кроме того, он был доверенным лицом военного министра Черчилля.

Гость простудился на степных ветрах, печально мигал слезящимися глазами, но сидящую голову держал высоко на прямой шее, как и подобает представителю Соединенного королевства Великобритании. Угостил Деникина сигарой: главком не курил, но от такого подарка не смог отказаться и подымил немного, задумчиво рассматривая улетающие сизые кольца.

Без тени смущения Хольман перешел к вопросам. И Антон Иванович отвечал, как гимназист у доски. И не возражал: вам-то, что за дело? Заметил только:

— Отменная сигара.

— Скажите, ваше превосходительство, намерены ли вы дать новое назначение генералу Врангелю? — Хольман промокнул нос платком.

— Нет, не намерен.

— Что ж, тогда... Тогда, быть может, нужно посоветовать ему уехать из России?

— Пожалуй, так было бы лучше всем, — устало опустил глаза Деникин.

— Если вы не возражаете, я мог бы сам написать барону...

— Не возражаю.

— А наш адмирал Сеймур, находящийся в Севастополе, передаст мое письмо лично генералу Врангелю.

— Хорошо. Пусть так.

Слабо дымил на главном рейде английский дредноут «Мальборо». В радиорубке попискивал аппарат, принимая

телеграмму. Через каких-нибудь полчаса ее доставили Врангелю. Строчки ударили в глаза, рассыпались ослепительным колючим бисером. Гнев вспыхнул пятнами на узком лице барона.

Выходило, что Хольман... Да-да, англичанин Хольман предлагает ему, Врангелю, устроить встречу с Деникиным. И если он согласен, то миноносец немедленно доставит его в Новороссийск. При этом британский генерал... Ну и дела! Британский генерал гарантирует ему безопасность. Дожили... Но... Это не все. Врангелю нечего приезжать, если он не намерен подчиниться решениям Деникина. И он должен понять: речь о будущем России, и значит, барону следует открыто заявить о поддержке новой демократической политики Деникина и дать отпор реакционерам, что прикрываются его именем.

Реакционеры — это, понятно, монархисты. Генералы Шатилов, Кутепов, Лукомский, князя Голицын, Гедройц, это Кривошеин, полки неистовых дроздовцев, епископ Севастопольский владыка Вениамин, а с ним московский протоиерей, сбежавший от чекистов. Как его? Да, отец Владимир Востоков. Беспокойная личность... Кто еще? Многие, очень многие.

А «новая демократическая политика» главкома, которой нужно починиться? Что это? Понятное дело, Великобритания — демократическая страна. (Королева не в счет). И настолько уж, что «Великая ложа Англии» — чуть ли не государственная организация и в своих фантазиях свободна и бесстрашна. Вот план уничтожения трех главных монархий — Германской, Австро-Венгерской и Российской, напечатанный в еженедельнике «The Truth» («Правда»). А вот и придуманная карта новой Европы, где на месте России — надпись: «Русская пустыня». И фраза премьер-министра Ллойд Джорджа: «Торговать можно и с людоедами» — это об отношениях с большевиками. Если выгодно, почему бы и нет? Потом смутится, поправится: «А поэтому мы должны оказать всемерную помощь адмиралу Колчаку, генералу Деникину и генералу Харькову...»

Знать бы только: этот бравый генерал Харьков — он от инфантерии или от кавалерии?

Вскоре появился и адмирал Сеймур. Вынул из хрустящего кожей планшета письмо — опять от Хольмана. Но другое — в доброжелательно-мягком тоне: видно, понял благородный генерал, что в телеграмме перегнул палку. «Я глубоко уверен, — писал по-английски, — что Ваш разрыв с генералом Деникиным явился следствием того, что Вы, как это часто бывает

с искренними патриотами во время смуты, недостаточно поняли друг друга...» А следом — просто слезу вышибает: «Мне причинило глубокую боль просить Вас оставить Крым...»

У Врангеля впервые остро кольнуло в груди. Интересно, понимают ли союзники, что сейчас русская боль в корне отличается от английской?

Не хотелось ему уплывать на британском судне. Предложили пароход «Великий князь Александр Михайлович», на котором, правда, не было угля: все транспорты спешили в Новороссийск, где лихорадочно заканчивалась эвакуация армии, погибающей под ударами красных. Но уголь раздобыли. И опять незадача: кто-то повредил машину, скрутив крышки с клапанов.

Пришлось уходить на английском корабле. Накануне не удержался — написал Деникину, гневно, запальчиво: «Боевое счастье улыбалось Вам, росла слава и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты... Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук. Цепляясь за нее, в полном ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж...»

Ответ Деникина барон получил уже в Константинополе.

«Милостивый государь Петр Николаевич! Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...»

На одном судне с Врангелем отправились в турецкую ссылку его всегдашний начштаба генерал Шатилов, реформатор и царский гофмейстер Кривошеин и правый кадет Струве.

Супруги Лукомские собирались уезжать чуть позже. Звали с собой и Востоковых — отца Владимира и Манефу.

— К чему это Петр Николаевич с собой Струве повез? — спросил за чаем генерала. — Отца марксизма на Руси. Неужто забыли?

— Он же против большевиков, отец Владимир! И в Особом совещании у Деникина состоял, — Лукомский попытался защитить известного философа.

— Да уж... Хочешь погубить государство, поручи философам управлять им. Кажется, Фридрих Великий сказал. Если горделивые умники-любомудры губят государства, то мы и без короля прусского знаем, что марксисты делают с Россией. Даже вчерашние.

18

Так не бывает. Так не должно быть. Кавалерия не может атаковать пехотные позиции при нынешней плотности огня.

Это самоубийство. И что же тогда конногвардейцы, в своем ли они уме? Почему командир дивизии бросает в бой свой последний резерв — эскадрон ротмистра Врангеля?

Ответа нет, да и барону не до того: сквозь ключья тумана он уводит своих молодцов к приграничной деревушке Каушен, откуда прицельно бьют немецкие пушки и пулеметы. Бьют по спешенным кирасирам, наступающим в полный рост. Кирасиры умирают. Их нужно выручать.

Складки местности: чахлый лесок, овраг, ложбинка. Скрытно движется эскадрон. Лошади тревожно ржут, прядают ушами. Все ближе батарея противника. Сейчас, сейчас — вот последняя горка, а с нее, развернувшись по склону, они скатятся плотной, сверкающей сталью лавой.

Стоит август 1914-го. Жарко. Глоток бы воды или вина, а лучше — шампанского со льда, того самого, «Piper-Heidsieck»: именно из-за пристрастия к нему приятели-конногвардейцы звали барона: Пайпер.

— Шашки вон! Ура-а-а!!! — не узнает он своего дикого голоса, вырвавшегося из пересохшего горла. Эскадрон несется наметом. Врангеля захлестывает вихревой удушливый зной кавалерийского броска.

Но почему он знает все наперед? Что погибнут все офицеры. И лошадь убьют под ним. А германцы не успеют изменить прицел пушек, и это спасет атакующих. И что они клинками порубят расчеты, выбьют врага из Каушен.

— Пайпер! — вопит неприятельский артиллерист и поворачивает к нему свое лицо, и оно, лицо, совсем не немецкое, а желтоватое, восточное. Это — хунхуз, и сейчас особый отряд Аргунского полка пленит главаря краснобородых разбойников — хитроумного Тя Фу...

Другая война, русско-японская. У раскосого бандита смешные косички. Барон тянется, чтобы схватить их, но косички вмиг превращаются в короткие острые сабли, и он едва успевает отдернуть руку. Все смешивается, путается. Тело становится невесомым, почти исчезает. А то что осталось от него, поднимается — выше и выше. Только сердце тяжелое. И в нем колотится ужас.

— Олесинька! Олесинька! — зовет Врангель жену. — Я умираю?

— Что ты, Петруша! Что ты... — сквозь тягучий лихорадочный смрад спасительно пробивается родной голос. Снова горьковатый вкус мускуса, лечебные мушки, компрессы, обжигающий пузырь со льдом.

А он и в самом деле умирал. Знал, догадывался, что это сыпной тиф, но не знал еще, что на пятнадцатый день врачи

вынесли приговор: не выживет командующий Кавказской Добровольческой армией. Хорошо бы священника позвать, чтобы исповедовал, причастил Святых Тайн и соборовал.

Черный мускус на время освежал голову, барон длинными чуткими пальцами ловил тонкую руку своей Олесиньки, Олюшки, Ольги Михайловны, стискивал до хруста, и твердил, твердил — горячечно, исступленно:

— Все верно, милая! Это Господь наказывает меня, недостойного, болезнью. За честолюбие непомерное...

Жена уже однажды спасла его — от расстрела в Ялте. Рука у нее была тонкой, но сильной. Это была решительная рука заведующей госпиталем, а еще — фрейлины, дочери камергера, второй в России докторши, которая после знаменитой княгини-хирурга Веры Гедройц тоже стала руководить большим лазаретом. Она верила, что снова вытащит любимого мужа.

А его опять затягивал вязкий бред, уводил в дымный Кизляр, на станцию. И там — брошенные большевиками эшелоны с потухшими паровозами. И среди них один — поезд мертвецов: санитарный состав, набитый умершими от сыпняка. Из страшных штабелей окоченевших тел красноармейцев пробивался голос, стенал — печально, замогильно: «Мы ж за народ стояли. И революция — для народа. Чтoб все ему принадлежало. И счастье в Россию пришло...»

Он, задыхаясь, надрывно кричал в холодные зевы теплушек: «Вы что, всерьез считаете, что все эти... Все эти карлики, все эти троцкие-ленины... Ничего не надо, просто вслушайтесь! В эти клички. Вы верите, что они дадут России счастье и справедливость? Вдумайтесь! Я требую: вдумайтесь!»

Генерал умирал. Но к нему в лазарет уже спешило чудо. То в поездах, то на санях, то на телегах, а один раз и в броневике перемещалась все ближе икона Божией Матери «Знамение», Курская Коренная, старинного письма. Образ был таинственно явлен благочестивому селянину более шести веков назад, и как только тот поднял его с земли, сразу же в этом месте забил звонкий хрустальный родник. Потом озлобленные лучники Батюга рассекли икону кривой саблей, но русский иерей сложил половинки, и они вмиг срослись. Лишь капелька по шраму стекла — вода ли ключевая, слеза ли.

«Знамение» исцелило болящего отрока Прохора, будущего преподобного Серафима Саровского, отправлялось с войском в поход против крымских татар, граф Шереметьев молился перед чудотворным образом — благодарил за дарованную под Полтавой победу. Помогла Курская Коренная и фельдмаршалу Кутузову одолеть Наполеона.

С большими трудами икону доставили. Немало усилий приложила сама Ольга Михайловна, да и многие священнослужители, офицеры и генералы сделали все, чтобы это случилось. Отец Владимир тоже помогал по мере сил.

И вот... Барон тяжело открыл серые «шведские» глаза. Со всем рядом из теплого золотого облака Пресвятая Богородица молитвенно поднимала Свои руки — к Нему, благословляющему Божественному Младенцу. Пророки держали свитки. Взор генерала прояснился, и он смог разобрать надписи на них, хотя минуту назад все вокруг тонуло в багрово-сером тумане. Протоиерей читал молитву. Врангель приподнялся на постели, прищурился. Шевельнул спекшимися губами: «Азь видехь купину огненную». Да-да, именно: горящую, но не сгорающую — пылающий куст терновника, откуда Господь вешал Моисею. Почему эту священную строку он различил первой? Тут был еще какой-то смысл. Россия? О России? Она в огне, но не сгорит, не погибнет. Так? Так?! Но откуда эта забытая ясность сознания, откуда прилив сил? Петр Николаевич приложился к иконе. Медленно осенил себя ровным широким крестом. По заострившемуся, как клинок, лицу текли слезы.

С этого дня он стал быстро поправляться. Много гулял в сопровождении жены. Читал донесения с фронта, а чтобы немного отвлечься, они слушали песни Надежды Плевицкой: грампластинку Ольге Михайловне, тогда юной фрейлине, подарила сама артистка после выступления при Дворе.

Но вот прошел год, даже больше. Изгнанный барон теперь жил с семьей в Константинополе, в тесных комнатах при российском посольстве. Порой его приглашали позавтракать на английский флагман «Аякс», он пил в компании адмирала Де Робека, командующего флотом, крепкий кофе и думал о том, что происходит в Новороссийске, окруженном красными. И еще с тревогой думал о судьбе чудотворной иконы «Знамение», вернувшей его к жизни.

А образ тем временем спасали иноки: тишком, рискуя, вывезли из захваченного большевиками Курска — с молитвой, по снежку, на санях — через Обоянь в Белгород, а затем пошли путать следы: Таганрог, Ростов, Екатеринодар, Новороссийск. Икона тоже уходила, оставляла земли, где воцарились богоненавистники.

Да-да, Новороссийск. Это и пугало. Слишком уж страшные события происходили там. Истекающую кровью армию нужно было выручать. И чудотворное «Знамение» тоже. Слава Богу, есть куда отходить — морем, в Крым. Низкий поклон генералу Слащеву: не пропустил зимой туда полки советских.

И тут две телеграммы — из Феодосии, куда откатилась Ставка. Одна от генерала Хольмана. Он сообщил: Деникин принял решение сложить с себя звание главнокомандующего ВСЮР. (И почему эти англичане знают больше нашего?) Вторая — секретная, от самого Деникина: «Предлагаю прибыть к вечеру 21-го марта в Севастополь на заседание военного совета под председательством генерала от кавалерии Драгомилова — для избрания преемника главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Состав совета...»

Кофе давно остыл. Серый листок телеграммы дрожал в руке. Адмирал Де Робек первым нарушил тягостное молчание:

— Если вы, барон, соблаговолите отправиться в Крым, я дам вам броненосец. Совет генералов, который собирает Деникин, остановит свой выбор на вас. Вы будете главнокомандующим. Непременно.

— Откуда такая уверенность, адмирал? — спросил Врангель вдруг споткнувшимся голосом. — Насколько мне известно...

— Нам тоже известно многое, — мягко перебил его Де Робек. — Например, что белая армия на краю гибели. И нет уверенности, можно ли ее спасти. К тому же получена еще одна телеграмма. И это самое неприятное. Она адресована Деникину, но я вам скажу.. Чтоб вы знали, иначе будет поздно.

— Да что за тайны, дорогой адмирал? — попытался улыбнуться Врангель.

— Мое правительство против продолжения войны в России. Это дестабилизирует положение в Европе. Сам Ллойд Джордж готов обратиться к Ленину и Троцкому, чтобы они объявили амнистию — и населению, и личному составу Добровольческой армии. Нужно лишь согласие. Пока Деникина. Завтра — ваше.

— Обратиться? К этим?! — побледневшее лицо генерала сделалось отчужденно-надменным.

— Что поделаешь, барон! Наш премьер любит пословицу: «A bad compromise is better than a good lawsuit». Плохой компромисс лучше, чем хорошая тяжба. Так? — широко улыбнулся Де Робек.

— Худой мир лучше доброй ссоры. Понимаю. Но у вас, у англичан, есть другая пословица: «A friend in need is a friend indeed». По-русски: друзья познаются в беде...

В горле пересохло. Врангель одним махом осушил чашку с холодным кофе. В иллюминатор хорошо было видно, как ослепительные солнечные лучи играют в мягкой толчее синих волн. Он смотрел на ликующие блики, пока не заболели гла-

за, пока золотым сполохам не стало тесно в чужой турецкой бухте, и они сошлись в мерцающий теплый поток, из которого поднялся, поплыл навстречу спасительный образ Божией Матери «Знамение». Где-то там, за весенним ясным морем, умирала армия. Его армия. Умирали лучшие из лучших — офицеры, юнкера-мальчишки, рядовые, вольноопределяющиеся в студенческих очках. С ними он прошел путь побед, с ними он должен испить горькую чашу. Последнюю чашу. Вместе.

— И вот еще. Мне трудно говорить, но я должен... — как сквозь толщу воды пробился к нему голос британского адмирала. — Поскольку мое правительство оказывало существенную материальную поддержку генералу Деникину.. Поэтому правительство надеется, что предложение будет принято. Если же нет, то Англия снимает с себя ответственность и прекращает всякую помощь Добровольческой армии.

Это уже смахивало на шантаж. Барон резко встал, выпрямился во весь гвардейский рост. Де Робек тоже поднялся — медленно, чуть виновато.

— Благодарю вас, адмирал! — отчеканил Врангель. — Разумеется, отказ в помощи отнимает последние надежды. Войска на краю гибели. И именно поэтому я уже принял решение.

— Простите, ваше превосходительство. Помните: я ваш друг, — англичанин заговорщицки оглянулся на дверь. — Я не согласен с Ллойд Джорджем. Но я солдат. Да, у нас есть правительство, но у нас есть и другое правительство, которое... — Де Робек перешел почти на шепот. — Это влиятельные финансовые круги, и они правят бал. Вы слышали о лорде Мильнере?

— Нет.

— Известный политик, директор лондонского «Джойнт Сток Банка», масон. Через него установлены неофициальные отношения с большевиками. Зачем? Слишком уж богата Россия, и эти богатства можно получить по дешевке. Как у вас говорят: взять на арапа. Так? Не упустить бы момент. Этим финансистам плевать на ваши идеи, и на комиссаров тоже. Важно ухватить свое.

— Пусть так. Я еду в Крым, — задержался у двери Врангель. — Прощайте, адмирал!

Вскоре броненосец «Empregor of India» уносил Врангеля к родным берегам. Вместе с ним отправился верный товарищ генерал Шатилов.

— Попроси, Павлуша, радиogramму послать. Сообщи, что сразу же хочу встретиться с владыкой Вениамином, епископом Севастопольским, — обратился к Шатилову. — Это очень важно.

А совсем еще недавно протоиерей Владимир Востоков в далекой сербской Сибнице сидел у окна скромного домика и писал письмо тому же владыке Вениамину: «Опять Перст Божий дарует нам облегчение в наших бедах. Керчь также радушно приняла нас, скитальцев. Устроились в комнатах псаломщика Михайловской церкви, где мне местное духовенство разрешило служить. Но устроиться на постоянное священническое служение не удалось. Я вспомнил епископа Михаила, ранее в Москве он был настоятелем Сербского подворья. Знал меня лично, и я попросил его — назначить меня на приход, и он охотно вызвал меня к себе. Теперь я священник Сербской церкви...»

Приход был большой и хлебный, но рассеян мелкими селами и хуторами по горам и долинам: без коня никак не обойтись, требы не исполнить. По узеньким тропкам только верхом и можно добраться. В первые дни отец Владимир, вспомнив молодость, исправно седлал чубарого жеребца, отправлялся в дальний путь, но очень скоро застарелая грыжа дала о себе знать, да так, что местный доктор, осмотрев его, потребовал немедленно бросить опасную для здоровья «кавалерию». По счастью, добрый знакомый митрополит Антоний Храповицкий пригласил протоиерея в югославский городок Суботицу, чтобы тот с проповедями разъезжал по русским колониям, где не было православных священников. Владыка давно славился прозорливостью. Еще в 1905-м скорбел: в борьбе с самодержавием русский народ будет поработен врагом всех дорогих и священных устоев России, тысячелетней жизни ее. Как в воду глядел.

— Недолго вы тут прослужите, — предрекал отцу Владимиру. — И хорошо. По Божией Воле отправитесь в Крым. Скоро Врангель придет. Ему такие нужны.

И вот генерал Врангель в Севастополе. Теперь он в высоких мягких сапогах на упругой подошве, в ослепительно белой черкеске, как всегда, шагает-летит по пустынному Историческому бульвару в сторону Петропавловского собора. В Большом дворце заканчивалось шумное генеральское совещание, и он знал, что все решилось в его пользу, и потому спешил к архиерейскому дому, чтобы еще раз встретиться с епископом Вениамином.

— Что делать, владыка? — подсевшим от волнения голосом заговорил с порога. — Выбор пал на меня. Я — главнокомандующий. Но нет никакой надежды на успех Белого дела. Армия почти разбита, оружия нет. Дух пал. Наши союзники отказались помогать. Мы одни, нас — горстка. Большевики неизмеримо сильнее нас. Должно ли продолжать борьбу? Быть может, мне отказаться?

— Нет-нет, это невозможно! — густым баритоном громыхнул епископ. — Вы, Петр Николаевич, возьмете командование. Понимаю, как тяжело вам, знаю, какой это крест... Но вы не в праве от него отказываться. Вы должны принести жертву — родной армии, России. Перст Божий указал на вас — устами тех, кто верит вам, кто пойдет за вами. А в остальном — воля Господа.

— Понимаю. Тогда... Благословите, владыка!

Отец Вениамин, ничего не ответив, вышел в соседнюю горницу, но тут же вернулся с иконой в руках. Генерал вздрогнул: нездешним животворящим светом пролился прямо в отозвавшееся сердце знакомый образ Божией Матери «Знамение», Курский Коренной. Пророки со свитками, золотая оправа с ризой, жемчужная расшивка...

— Значит, успели, вывезли из Новороссийска? — еще не веря чудесной встрече, выдохнул Врангель.

— Успели. И уже в Салониках икона побывала, и в Сербии. Но здесь она нужнее. Дабы воинов христолюбивых ободрять.

— Хорошо, очень хорошо. Я сам просил...

Генерал опустился перед иконой на одно колено — по армейскому обычаю. Владыка благословил его. Когда Врангель поднялся, у него было другое лицо — помолодевшее, спокойное и решительное.

В просторной прихожей он неожиданно остановился у образа Спасителя и начал молиться, чуть шевеля нервными губами. Трижды перекрестился. А затем тихо, но явственно произнес: «Ну, Господи, благослови!» И стремительно вышел из архиерейского дома. Лишь полы черкески коротко и тревожно взметнулись на миг за тонкой фигурой ломаными белыми крыльями.

А ведь сейчас он для себя, для себя помолится — так искренне, так глубоко и сердечно, думал епископ Вениамин, глядя в окно на удаляющегося барона. Конечно, благословение — важно, необходимо. Но — немного официально, что ли. А тут... Эти три креста — личная вера, упование на помощь Божию, предание себя, всего Белого дела в руки Промысла. Вот ведь как, вот... И тогда... И тогда, значит, не все пропало. Есть надежда.

Из Феодосии аппараты принесли последний приказ бывшего главкома:

«Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главкомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

А следом:

«Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. №2900. г. Севастополь. 22 марта 1920 года.

Приказом от 22 марта за №2899 я назначен генералом Деникиным его преемником. В глубоком сознании ответственности перед родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России. Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения.

Призываю всех верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгод, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье.

В этом залог нашего успеха.

С верой в помощь Божию приступим к работе.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

19

Чудо да и только, но какими-то неведомыми путями телеграмма нашла отца Владимира в маленькой Суботице. Она была от епископа Вениамина и содержала три слова, не считая подписи: «Приезжайте есть дело». Что ж, у них с Манефой давно так: помолись, попостись и в путь соберись. Собрались, двинулись.

В Севастополе попали прямо на молебен и воинский парад. Парад, конечно, громко сказано. Ведь совсем недавно армия погибала, прижатая к морю у Новороссийска. Не успели солдаты и офицеры, вырвавшиеся из боев, принять бравоый вид: потрепанные гимнастерки, прожженные шинели, сбитые сапоги, повязки на ранах, пропитанные кровью и пылью. И лица, лица — землистые, точно вытаявшие, с серой усталостью в горьких складках, в которых пепельно тле-ла, угасая, надежда.

Нет, все не так. Протоиерей Востоков помнит: нынче Благовещение. И это не просто совпадение.. И, кажется, сейчас, в эти мгновения из вечных высоких глубин, из золотых, как солнце, врат снова зазвучат слова огнезрачного архангела Божиего Гавриила: «Радуйся, благодатная Мария, Господь с Тобою!»

Какое необыкновенное слово: «Радуйся!» Беспокойный мир охвачен непримиримой сечей, когда брат на брата, сын на отца. И в страшном военном жар-огневище сторают и рушатся храмы, умирают распятые праведники, коверкаются души, неистовствуют богоборцы-зложелатели, прокладывая

себе дорогу — штыками и картечью — в мрачную бездну, в гибельную пропасть. А тут — тихо и настойчиво: «Радуйся!» Чему же? Да тому, что сегодня предвечный Бог отверзает недра свои и дарует нам Единородного Сына Своего. И Сын воплощается содействием Всесвятаго Духа, и Дух нисходит на Деву.

Радуйся... Потому что Благовещение — это благая весть о том, что через нее, пока еще никому не известную галилейскую женщину, будет совершаться тайна спасения мира. И к ней придет Господь, но не в шуме и блеске, а в радости. Радости детства. Да-да! Ведь через нее воцарится Младенец, такой, вроде, малый и слабый, но который отныне сделает ничтожными все силы зла. Какие бы революции они ни замыслили, как бы ни грозили.

Так чего же бояться? Радуйся...

Врангель, поднявшись к памятнику адмиралу Нахимову, командно возвысил зычный, полководческий голос: «Орлы! Я знаю, что Господь не допустит гибели правого дела! Мы дождемся светлого дня воскресения России!»

Окропленные святой водой запыленные полки проходили церемониальным шагом. И показалось протоиерею Востокову, что мелькнули в строю дорогие лица — подъесаула Николая Туроверова, капитана Григория Ермакова, военного летчика Федора Енгальчева (он-то откуда? ведь, говорили, убит). Лица были такими же бесцветно-усталыми, как и у других, но в глазах, точно в светлых родниках, плескалась радость, и они бодро сияли, и тяжелые сапоги уверенно отбивали шаг.

Выступил и глава военного и морского духовенства вооруженных сил Юга России протопресвитер о. Георгий Шавельский. Но уже не так горячо, не так уверенно, как прежде. Почему, отец Владимир не сразу понял. Но все объяснилось в просторном архиерейском доме, где собрались у владыки Вениамина на вечернюю трапезу.

— Врангель недоволен работой в войсках по духовному воспитанию, — доверительно шепнул владыка. — Наш протопресвитер сиднем просидел при главкоме, при Ставке. А надобно — на фронт, в окопы. По приказу главкома Шавельский уезжает за границу. Там немало наших беженцев. Они нуждаются в утешении.

— Мне кажется, он душевно разбит. А кто будет вместо него? Граф Апраксин?

— Барон предложил занять это место мне. И я... И я согласился. Но мы с Петром Николаевичем говорили и о вас.

— Обо мне? — удивился отец Владимир.

— Час пробил. Сегодня никто из православных священников не имеет нравственного права отстраняться от трудов доблестного генерала и его соратников, — немного торжественно произнес епископ Вениамин. — Да... Мы наметили вас в духовники и проповедники Русской христоролюбивой армии. Именно так она и будет называться: Русская армия. Как раньше.

В горле пересохло. Востоков выпил с полстакана сельтерской. Вкус воды не изменился, был все таким же освежающим, как давным-давно, до войны еще, на их любимой даче в Горках; странно и дико: где-то там хозяйничает теперь большевистский главварь Ленин. Впрочем, скорее похожую воду он пил на приеме у Государя, куда приехал вместе с новым обер-прокурором Священного Синода Александром Самариним, рассказавшем Николаю II о воскресных проповедях и беседах отца Владимира, его издательской деятельности и борьбе за народную трезвость. Царь пожелал лично познакомиться с протоиереем, чьи духоподъемные лекции в Марфо-Мариинской обители у Великой Княгини Елизаветы Федоровны слушала сама Императрица.

Потом их с Самариним пригласили на обед. Господи, как же это все далеко теперь!

— Что скажете, отец Владимир? Согласны? — нетерпеливо наседав владыка Вениамин.

— Русская армия — это хорошо. Дисциплины, поди ж, больше будет. Но...

— Не беспокойтесь. Врангель распорядился выделить купе в санитарном поезде. И вы сможете скользить по всему Крыму с христианскими и патриотическими беседами. Чего же еще?

— Нет-нет, ничего. Просто... Это важно для меня, — Востоков помолчал, затем решительно и строго произнес: — Я надеюсь... Я очень надеюсь, что на знаменах обновленной армии будут начертаны заветы Святой Руси. Они просты: вера христианская, Божий Помазанник самодержавный Государь и русский народ, верующий в Бога.

Он говорил это и волновался. Потому что при всей доблести Добровольческой армии, при всем мужестве и военном таланте благородного бессребреника генерала Деникина ничего подобного прежде не звучало.

— Разумеется, отец Владимир! Дорогой вы мой! — облегченно посветлел лицом владыка. — Мы много говорили с Петром Николаевичем. И это его позиция. Потому-то и пригласили именно вас!

— Тогда я благодарно принимаю ваше предложение. Буду служить гонимой Русской Церкви и страждущему от безбожников Отечеству.

«А ведь жена у Врангеля — внучка Михаила Каткова, того самого, православного мыслителя, мужественного охранителя русского престола, редактора «Московских ведомостей». Еще с Чернышевским словом боролся, Добролюбова с Герценом разоблачал. Называли же его: страж империи. А один философ, так тот предлагал рядом с памятником Пушкину другой поставить — Каткову. Что ж, славное родство у Ольги Михайловны...»

Многое передумаешь под стук колес. За вагонным окошком в тягуче-дымчатых южных сумерках проплывали то степи, то горы. Потягивало густым весенним теплом. Санитарный поезд Белого Креста вез раненых в симферопольский лазарет, и теперь, к вечеру, можно было спокойно помолиться и поразмышлять, о чем он, армейский духовник Востоков, скажет в завтрашней проповеди солдатам и офицерам. В темноте уже не прилетят большевистские аэропланы, не сбросят бомбы или листовки. Тихо в купе, безмятежно.

Но нет, пора идти. Идти в вагоны, где пахнет карболкой и гноем, где страдают от ран вчерашние кряжистые крестьяне, у которых нелепо и страшно дыбятся бороды и разглаживаются успокоившиеся лица, когда Господь милостиво прибирает их. Где зовут маменек простреленные прапорщики и юнкера, а храп выздоравливающего сливается с предсмертным хрипом. Где молятся, бредят и поют, выхаркивают боль, командуют эскадронами и с диким воплем вонзают невидимый шткв в невидимую же вражескую плоть. А потом плачут в беспомощности: ведь тоже русский, русский же! Брат мой, братик...

Отец Владимир проходит по вагону, благословляя лежащих на полках-койках. Он идет в третий вагон. Там, в левом переднем углу за простыней в бурых пятнах, мается тяжело раненый артиллерист, младший фейерверкер со смешной фамилией Жлобев. Востоков сразу обратил внимание, что на нем нет нательного креста. Когда же нынче утром он решил исправить это, то из-под сбитого одеяла на священника уставилось дуло маленького револьвера. Как уж солдат его пронес, как спрятал? И кто он такой?

Первое желание — позвать на помощь, уйти. Одолея себя, стал молиться. Перекрестился и заскрипевшего зубами фейерверкера осенил. А после, как ни в чем ни бывало, отвернулся к соседу, вахмистру с перебинтованной по самые глаза головой. «Отче наш» почитали вместе, «Иисусову», «Цели-

тельнице», чтобы рана от советского клинка поскорее заросла. Перед «Живый в помощи» отец Владимир бросил взгляд на грозного артиллериста: сморило того, забылся. Осторожно вынул револьвер из размякшей руки, убрал под рясу, во внутренний карман. И опять — за молитву.

— Я не... Не Василий Жлобец я, не фейерверкер, — услышал сзади тихое, надсадное. — Я...

— Неужто сам Жлоба, известный красный командир? — повернулся на голос, попробовал пошутить, понимая, что дело тут нешуточное. — Он — большой Жлоба, а все, кто с ним — маленькие Жлобцы. Так?

Ничего не отразилось на восковом лице странного фейерверкера. С усилием заговорил:

— Револьвер-то зачем отняли?.. Впрочем, пустое.

Отец Владимир двинулся по вагону дальше. На площадке остановился, вынул из кармана револьвер и, помешкав с минуту, швырнул его в открытое окно, в черноту крымской ночи.

Довезли раненых до Симферополя, разместили в лазарете, и вот уже снова санитарный поезд Белого Креста торопливо постукивает колесами в сторону фронта.

А фронт дрогнул, двинулся. Ведь снова, как и прежде, спасти Русскую армию, а вместе с ней тысячи беженцев, могло только наступление. Хлеба, угля, керосина, да и всего остального, насущного, в Крыму не хватало. Нужно было вырваться с полуострова, спасительного, но полуголодного, в богатые южные уезды Северной Таврии, где уже созрел урожай пшеницы, ячменя, сои. При этом стратегическая обстановка складывалась вполне удачно. Врангель видел, что пришла пора снова померяться силой с комиссарами, опьяненными зимними победами. Все четыре армейских корпуса белых были готовы к наступлению.

И оно началось.

Перед наступлением главком исповедовался и причастился. Был отслужен молебен. И сразу же аппараты Юза и Морзе застучали директивами:

«Генералу Слащеву... десантом высадиться в районе Кирилловка — Торелое, прервать линию железной дороги Сальково—Мелитополь и в дальнейшем, совместно с частями генерала Писарева, действовать в тылу перекопской группы красных».

«Генералу Писареву и генералу Кутепову атаковать противника на рассвете 25 мая, разбить и отбросить за Днепр».

«Генералу Абрамову с Донским корпусом оставаться в моем резерве в районе станции Джанкой».

«Части флота выйти в Днепровский лиман для обеспечения левого фланга операции».

Все, разумеется, готовилось в строгой секретности. Командующий отрядом генерал Слащев вскрыл пакет с приказом уже в море. До этого агентам большевистского подполья были подброшены ложные сведения, что десант высадится у Новороссийска и Одессы. Кажется, клюнули.

В газетах, на плакатах и листовках появилось обращение: «Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях. Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования, распоряжением самих волостных земств, будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернуться к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства. Земле — волею народа поставленный Хозяин. Да благословит нас Бог.

Генерал Врангель».

Хозяин... Кто же это? Наверное, Государь? Конечно, Государь. Как по-другому-то?

По-другому духовник и проповедник Русской армии протоиерей Востоков и думать не мог. Билось праздничное сердце — молитвенно и светло.

20

На станции Сальково посвистывал паровоз, а здесь, в небольшой тихой роще, струился терпкий и свежий можжевеловый дух. Поручик Алексей Долгово-Сабуров тронул темными от вьвшегося машинного масла пальцами изумрудную ветку, и ветка нежно откликнулась дрожанием пушистых желтых колосков, легких зеленеющих почек. Танкист долго смотрел на мягкие иголки пахучего дерева. Удивительно, подумал он, ведь можжевельник почти бессмертен; деревья живут по тысяче, а некоторые и по три тысячи лет. Выходит, есть и такие, что проросли из семени за десять веков до рождения Христа?

Это взволновало поручика. Он снова, отвлекаясь от тревоги предстоящего боя, провел огрубевшей от рычагов ладонью по ароматной хвое. Захотелось помолиться. Потому что совсем скоро он поведет машину в атаку, чтобы прогнать тех, кто не молится, кто сник перед картаво-лающими приказами богоненавистников, покорно утешил себя наспех сотворенной, яростно-кумачовой религией без Христа. А значит, без России.

На левой руке Алексей носил черные монашеские четки. Их подарил юноше игумен старинной обители знойным летом 1919-го, когда Добровольческая армия победно освобождала уезд за уездом. И его батальон тоже шел вперед. Тогда вчерашний студент не был танкистом. Старый выпивоха однорукий англичанин капитан Джилл Баррет, из союзников, еще не научил его премудростям вождения тяжелого «Mark-V» и меткой стрельбы на полном ходу.

В монастыре, разогнав насельников по кельям, прочно засели красные. Долгово-Сабуров сам наступал в пехотной цепи и видел, как слева и справа падают друзья-добровольцы под прицельным огнем, корректировавшимся с колокольни. Снова пришлось отойти. Тогда выкатили пушку, но на выстрел решились не сразу. И все же, скрепя сердце, ударили шрапнелью.

Такого звука никто из белогвардейцев прежде не слышал. Осколок ударил в один из колоколов, и тот отозвался. Но он не зазвонил, нет. Колокол застонал — протяжно и тоскливо, как стонет, страдая, тяжело раненный воин. У Алексея потемнело в глазах. А тут еще из ворот обители выполз вражеский броневик с нагло-дерзкой, хорошо различимой надписью «Антихрист» на башне, и стал бить из пулемета. Земля поплыла под ногами Долгово-Сабурова, понесла его, точно плот по волнам, прямо к огнедышащему зверю, изрыгающему свинцовую жуть.

Антихрист, конечно, антихрист... Словно жаркая искра ниспала на голову, прошла до пят, упруго выпрямив юношу, но и укутала каким-то странным коконом, невидимым и одновременно таким прочным, что его не могли взять ни пули, ни шрапнели. Смерть с воем пронеслась мимо, испуганно обтекая Алексея. Или ему так казалось. Но он вдруг очутился рядом с броневиком и, не останавливаясь, метнул под него одну за другой две гранаты. Взрывы вывернули колесо, машина завалилась на бок. Из-под капота пошел дым. Долгово-Сабуров подскочил к «Антихристу» вплотную, ткнул револьверным стволом в смотровую щель и начал всаживать в нутро броневика, как в зловонную пасть, пулю за пулей, пытаясь выстрелами заглушить стоящий в ушах мучительный колокольный стон.

Они пошли на штурм парадными шеренгами и взяли монастырь. После малого повечерия была проповедь игумена. Старец вспомнил святителя Феофана Затворника: «Антихрист главным делом своим будет иметь отвлечь всех от Христа... И не явится, пока будет в силе царская власть».

Но нет уже власти. Вспомнились стихи: «Тягостен, тягостен этот позор — жить, потерявши Царя!»

Батальон уходил из обители. Тупорыло уткнувшись в склон косогора, нелепо торчал на виду подбитый советский броневик «Антихрист». Второй броневик «Безбожник» даже не успел выехать на поле боя...

А несколько дней назад в Джанкое Долгово-Сабуров подошел под благословение к владыке Вениамину. Тогда-то и попросил в случае наступления прислать к ним в танковый отряд армейского духовника. Епископ пообещал и, должно быть, сдержал бы слово, но их часть спешно подняли по тревоге; ночью в Джимбулуке загнали машины на платформы, и эшелон ушел в Сальково. В темноте успели сгрузиться и даже разместиться в роще, к северо-западу от станции.

— Вдыхайте, поручик, всей грудью вдыхайте! — спрыгнул со своего танка улыбчивый штабс-капитан Терновский. — Говорят, можжевельный запах отгоняет нечистую силу.

— Комиссарский совнарком, что ли? — подхватил шутку Алексей, но тут же осекся: с северной стороны неба приближался на малой высоте чей-то аэроплан. Шарахнулся от диковинной птицы лениво парящий тетеревиный.

И вот уже крикнули из охранения:

— Красный разведчик! Всем в укрытие!

Юркнули под танки, которые еще с ночи были тщательно замаскированы ветками, хвойными лапами, травой. Поручик снова подумал: жаль, что не получится исповедоваться и причаститься перед боем, как знать, может, последним; не успеет батюшка, не доберется сюда — почти на передовую. Конечно, они сами помолятся, и все же...

Раскатистая очередь с высоты оборвала печальные размышления. Запрыгавшие по броне звонким градом пули невольно заставили вжаться в гусеницы, в пропахшую маслом и бензином тяжелую твердь. Значит, заподозрил большевик чего-то, решил прощупать рощу «Льюисом».

— Десант генерала Слащева добился успеха. Дело за нами. Мы должны взломать, распахнуть крымские ворота, — собрал офицеров командир подполковник Митрофанов. — Главная опора удара возлагается на наш отряд.

Сперва — разведка: местность, подступы к позициям красных, ориентиры. Долго смазывали и подтягивали танковые гусеницы, регулировали моторы, закрывали глушители: враг не должен был до поры услышать приближающиеся машины.

— Этой ночью выступаем. Ночью, господа...

Санитарный поезд Белого Креста тем временем подходил к станции. Только успели, тяжело заскрипев, остановиться

колеса, как отец Владимир с походным чемоданчиком в руке поспешно прыгнул с подножки. Наступающие сумерки пахли горьковатым дымком и прогретой за день степью. Усачьей военной в кожанке что-то подкручивал в моторе мотоциклетки. К нему и устремился священник: а вдруг подбросит?

Повезло: усач как раз собирался ехать к танкистам с доносением, но задержался из-за поломки. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Рясу вот только... Не замотало бы в спицах. И чемоданчик куда-то бы... — забеспокоился военный.

— Полы подберу. Доедем, голубчик, с молитовкой, а? — улыбнулся Востоков, усаживаясь на непривычно узкое сиденье: не приходилось кататься на мотоциклетке.

Чемоданчик кое-как приладили сзади веревками. И — помчались.

К роще подъехали, когда совсем стемнело и в желтом луче фары, смешно подпрыгивая, всюю скакали хвостатые тушканчики, боясь попасть из света в страшный мрак.

— На молитву, шапки долой! На молитву..

В переднем ряду истово молится молоденький поручик, кажется, Долгово-Сабуров. Это он первый подбежал к мотоциклетке, по-детски радостно сложив ладони — правую на левую: «Хорошо, что успели, батюшка! Как хорошо...»

Все плотнее строй: танкистов окружили чины из других частей и молятся вместе с ними. Однако кто-то и отошел в сторону: в темной глубине рощи вспыхивают огоньки папирос, оттуда доносятся балагуриящие возгласы. Тронулось сердце печалью: отчего же так? Разве можно накануне сражения?

— По машинам! — уже расколола команда предрассветную мглу. На бреющем полете прошумели над рощей бипланы: туда, на север, на измученный врагом, плененный север!

И танкам — пора за ними. Отца Владимира чуть было не сбил жилистый капитан с обожженной щекой — из тех, отошедших во время молитвы.

— Не обижайся, батя! — прокричал с брони, скалясь беспощадной злой улыбкой. — Но не верю, не верю я! Пятнадцать раз был ранен, а нынче меня убьют. И наплевать. Я стихи люблю... «Смерть не страшна, не безобразна. Она прекрасная дама, которой посвящено служение...» Прощай!

Покоробило пренебрежительное: «батя». Но Востоков не успел ответить. Машина взревела и, словно чудовище, сбросив ветки и траву под ноги протоиерея, рванулась вперед.

Ветер враз изменил направление: подул северный, а это означало, что противник не сразу услышит шум отлаженных

моторов. Для большей огневой силы отряду придали три пулеметных танка и один тяжелый пушечный — «Фельдмаршал Румянцев». Теперь их было восемь. Совсем не плохо.

Вот уж и они, проволочные заграждения большевиков — так быстро! Поручик Долгово-Сабуров торопливо ткнул пулеметчика коленом в правое плечо — два раза. Это означало: резкий вираж вправо. Тот передал команду водителю, левая гусеница крутанулась сильнее, отбросив назад комья мягкой земли. Затем — влево. «Генерал Скобелев» зацепил якорем-кошкой «колючку» красных, намотал тугим мотком, рванул и пошел вперед, освобождая проход для пехоты и конницы.

Из командирской башни Алексей перебрался к люку, что был прямо над макушкой пулеметчика. Теперь он стоял, закрывшись крышкой, как стальным щитом, высунув голову, защищенную прочным боевым шлемом, и видел всю картину атаки. Справа, вздымая пыль, раздирали большевистскую проволоку широкие гусеницы «Генералиссимуса Суворова», с другой стороны, перекатываясь на буграх и воронках, давили последние ряды заграждения «Фельдмаршал Кутузов» и два легких «Рено». Опомнившись, батареи советских открыли бешеный огонь. Их поддержали два бронепоезда, стрелявшие с полустанка.

Танк Долгово-Сабурова шел в горячем кольце из разрывов большевистских снарядов и гранат. Земля ухала и дрожала, била в башню, в лицо вздыбленной колючей россыпью. Осколки царапали машину, от крышки люка с рикошетным воем отлетали пули. И сталь вздрагивала с тоскливым звоном.

Впереди он заметил красный свет, яркую точку — выставленный вражеский ориентир для ведения прицельного огня.
— Прапорщик! Уничтожить!

Вторым снарядом артиллерист сбил фонарь, и очень кстати: большевистская батарея сперва замолчала, а после стала бить наугад — все больше по роще, где уже никого не было. Уже совсем рассвело. Бой продолжался. Красные стремительно откатывались, бросая укрепления и боеприпасы. Долгово-Сабуров увидел, как одну из пушек, расстреливающую танки прямой наводкой, захватил экипаж «Генералиссимуса Суворова», и теперь штабс-капитан Терновский, выскокший из машины, сам открыл огонь по отступающей колонне большевиков. Алексей приказал на минуту остановиться, спрыгнул на землю. Штабс-капитан повернул к нему чумазое, искаженное горячкой боя лицо, пнул сапогом кусок какого-то провода.

— Полюбуйся, Алеша, телефонная связь красных! — заорал в ухо. — По всему полю проходит. К штабам, к наблюдательным пунктам. Пли!

Пушка, подпрыгнув, послала вдогонку отступающим еще один снаряд.

— Ай да комиссары! — закричал в ответ поручик. — Нам бы...

— Ай да наши союзнички! Ты посмотри-ка на ярлычки. Там все по-английски да по-французски... Вот кто их снабжает! Огонь, ребята!!! Не робей!

По дымному полю, объезжая воронки, мчался к ним на мотоциклете командир отряда подполковник Митрофанов. Лихо затормозил, подняв колесом пыльный веер.

— Поручик, положение изменилось. Идем на Новоалексеевку.

— А как же рейд в тыл красных? Захват бронепоезда, подрыв железной дороги?

— Путь они с перепугу сами взорвали, — пояснил подполковник. — Наш «Офицер» взял на абордаж их бронепоезд. А вообще... Все молодцы!

Мотоциклет, тонко и надсадно взревев, понес командира отряда к другой машине. «Вот они наши провода, наши телефоны, связь», — забираясь в танк, подумал о бесстрашном подполковнике Долгово-Сабуров.

Так и было. Сколько раз, обмирая душой, видел поручик, как во время грозной атаки по развороченному полю носится, буксуя, мотоциклет Митрофанова, появляясь то там, то тут. Придумав целую систему знаков рукой, посылая, когда надо, ракету, подполковник умело и точно руководил боем — под осколками, пулями, не защищенный никакой броней. Правда, рассказывали, что на груди он носил крест из позолоченного серебра, подаренный кем-то из последних оптинских старцев, с надписью на реверсе: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся векеи».

До Новоалексеевки отец Владимир добрался к вечеру, за полчаса до прибытия поезда главнокомандующего. На перроне выстроились те, кто брал станцию, — конный дивизион корниловцев, ударный отряд танкистов. Он видел, как оживленный Врангель в окружении улыбающихся генералов и адъютантов вышел из вагона, слышал, как благодарил всех за лихость и безупречное выполнение боевой задачи.

— Орлы мои, родные! Мы вырвались в Северную Таврию! Генерал Слащев уже под Мелитополем. Перекопская группа генерала Кутепова пробивается к Днепру..

Перед строем награждали героев. Врангель сам приколот новый орден Св. Николая Чудотворца к груди поручика Дол-

гово-Сабурова. И тут Востоков поймал на себе взгляд епископа Вениамина. Хмурый владыка отвел его в сторону.

— Ах, отец Владимир... Вы так хорошо начали работать. О ваших живых христианских беседах уже молва пошла — и на передовой, и в штабах.

— Спаси, Господи, владыка! Но...

— Именно — но! — холодно перебил его глава военного и морского духовенства Русской армии. — Прошу вас, дружески прошу: не говорите лишнего. Надеюсь, вы понимаете, о чем речь, — уже доверительно произнес епископ.

— Об интернационалистах, что ли? В ком дышит злоба иудейская? И которые открыто терзают наше распятое отечество? Церковь нашу. О них молчок? А как же их Бронштейн по кличке Троцкий? Его подручные...

— Опять вы... Зачем танкистам напомнили? Про этих... Про семнадцать комиссаров, поработителей русских дураков.

— А чтоб знали, кто враг. И самый первый — не в фуражках со звездами наступает. И даже не в России гнездо у него, а...

— Все, отец Владимир, все. Еще раз настоятельно прошу: внемлите моим советам. Простите, Петр Николаевич приглашает, — мягко оборвал подчиненного епископ Вениамин и зашагал к вагону командующего.

Через час поезд главкома отбыл в Джанкой, в ставку. Вместе со штабом уехал и владыка Вениамин. Отец Владимир решил остаться. Танкисты отдохали после боя, и само время располагало к душеполезным проповедям и беседам. К тому же наутро привели десятка два пленных красноармейцев, тощих перепуганных пролетариев, в обносках-отрепьях, и теперь под началом механика те усердно смазывали и чистили гусеницы тяжелых машин, косясь на броню почти с мистическим ужасом. И с ними священнику тоже хотелось поговорить.

Но внезапно все изменилось. Сперва отец Владимир увидел в степи столб пыли, потом из него вылетел грязный и взмокший мотоциклист, комендант станции, не удержавший на последних саженьях машину: свалился прямо к английским ботинкам подбежавших танкистов. Ботинки были в трещинах — не переносили утренней росы. Но это полбеды. Беда была в том, что минувшей ночью буденовские конники неожиданно налетели на сонные эскадроны генерала Ревина в Новомихайловке; похоже, упоенные легкой победой молодцы выпили на радостях, да и позабыли выставить сторожевое охранение. Многих порубили, кого-то взяли в плен. Захватили и самого генерала со штабом. С командиром были сыновья-подростки. Так их большевики просто выкинули из машины.

Потемнели и без того прокопченные лица танкистов. Сами отцы, сами старшие братья. А мотоциклист прибавил: дескать, не всех пленили; горстка кавалеристов вырвалась и теперь, прижатая советскими к Сивашу, рубится из последних сил.

До начальства было далеко. Кто прикажет?

— Как же, Иван Кириллович, пойдете выручать? — спросил, волнуясь, священник командира Митрофанова. — Конечно, я не военный...

— Сейчас же выступаем, отец Владимир. Ведь за други своя. Так? Благословите, прошу.

Что ж, верно: воин, полагающий душу за други своя, проявляет любовь, больше которой нет на земле. Господь же, Сам Любовь, не может не порадовать на небе того, кто на земле оставил все ради любви.

Так он подумал и ободряюще улыбнулся подполковнику.

Поспешно, толпясь, к священнику почти подбегали танкисты. Но эта суeta впервые не казалась ему грешной. Он торопливо крестил стриженные затылки, потом, нагоняя широким шагом отъезжающие машины, окроплял их из походной водосвятной чаши, и серебряные капли переливались на солнце, падали на горячую броню, крепя ее иной, невещной крепью.

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, окроплением воды сея священные, в бегство да претворится все лукавое бесовское действо...»

— А где ж тот капитан? Щека у него обожжена. Хороший человек, но не верующий, бедный... — на секунду задержал Востоков поручика Долгово-Сабурова.

— Ах, да, капитан... — Алексей назвал фамилию. — Погиб он, батюшка. Говорил: мол, нынче убьют. И убили. Сгорел в танке.

Широким веерным фронтом машины на полном ходу двинулись к Новомихайловке, к соленому сивашскому берегу, где погибали свои. На правом фланге шел танк Долгово-Сабурова. Утро было ясное и какое-то глубокое. И в этой чистой, безмятежной глубине поручик увидел вдаль красную конницу. Помешкав с полминуты, буденовская лава галопом ринулась в атаку, должно быть, в надежде проскочить между машинами, взять в кольцо, забросать гранатами. Да, это было опасно, но и хорошо: значит, противник отхлынул, оставил в покое притиснутых к озеру окруженцев, кинулся сюда.

Но не только полевые трехдюймовки принялись палить по танкам. Через головы своих ударила батарея тяжелых совет-

ских гаубиц, заставляя водителей маневрами уходить от разрывов, сбивать прицельную наводку.

А всадники все ближе: сто пятьдесят метров, вот уж и сто. Лязгают гусеницы, дико рычат моторы, освобожденные от глушителей. Лошади не выдерживают — хрипло ржут, скалятся, выгибают непослушные шеи, пытаясь уйти от надвигающегося стального ужаса.

Атака захлебнулась. Поручик видел, как рассвирепевшие комиссары догоняли прильнувших к гриве кавалеристов, лупили по спинам наотмашь нагайками и шашками плашмя, принуждая вернуться в строй. И комиссарам это удалось. Снова красная конница с улюлюканьем полетела на мрачные громады «Скобелева», «Суворова», «Кутузова».

Взлетела ракета. Это был условный знак: открыть огонь. Молчавшие до поры танки враз ударили из пушек и пулеметов.

Все смешалось, перепуталось, опрокинулось, встало на дыбы. Тем, кто хотел бежать, мешали задние, не отдававшие свинца, обалдевшие от грохота танков и комиссарской ругани. Напирали, кричали, давили. Падали убитые, раненых, сбитых с седла, затаптывали в горячую пыль. Чудом вырвавшиеся верховые спасались через село, сшибая с заборов горшки, кринки, проламывая сараи и кусты. Но и там догоняли их пули, расцветали над головами зловеще-белесые букеты картечи.

Танк Долгово-Сабурова шел в лобовую на конную батарею красных. Впрочем, на позиции оставалось лишь одно орудие. И до него было каких-нибудь полсотни шагов. Или и того меньше.

Скорость танка двенадцать километров в час — больше никак. Поэтому все в той же глубине нескончаемого ясного утра, меж желтых соломенных скирд поручик хорошо разглядел пушку, даже увидел он, как подали хищно сверкнувший снаряд, и наводчика успел рассмотреть: белобрысый мордастый парень с военными морщинами у колючих глаз. И парень этот уже нацелил трехдюймовку на прямую наводку.

Конечно, у него там шрапнель. Такой заряд пробивает броню. При этом взрыватель ставится на удар и срабатывает, когда снаряд вопьется в танк. А потом просто: в пробоину влетает крышка головного обтекателя, а за ней — туча свинцово-сурьмяных шариков. И все — конец. На спасение — никаких надежд.

Как же так? И что же тогда — выходит, напрасно утешал его, Алексея Долгово-Сабурова, отец Владимир? Вернетесь, мол, юноша, с победой вернетесь. И про древнего мученика

Никона, еще язычника, рассказывал. Собирался тот на войну, а мать-христианка умоляла: «Страшно будет, опасно — крестом осенись. Распятого вспомни!» Вот окружили Никона враги: стрелы летят, мечи над головой, смерть веет кругом... Вспомнил матушку и перекрестился — с верой. И жив остался. Ни царапинки.

Жарко. Воздух дрожит над вражеской трехдюймовкой. Пушечное дуло глядит прямо в душу — черным бесовским зрачком. Испытующе глядит: чего, мол, сделаешь, как вывернешься? Первый номер, оскалившись, рвет на себя спусковой шнур. Шрапнель. Да где же удар, пламя? И они все живы. Какая восхитительная тишина! Осечка? На раздумья нет времени. Вперед...

— Огонь, прапорщик, пли!

Прапорщик не подвел, успел. Точный выстрел уложил орудейную прислугу красных. Те, кто уцелел, обрубили постромки у зарядного ящика и ускакали за ближайшие холмы.

Танки, соединившись, двинулись дальше. К полудню они окончательно рассеяли большевистскую конницу, выручили из окружения остатки группы генерала Ревизиона. Самого генерала отбить не удалось: по данным разведки, красные увезли его к себе.

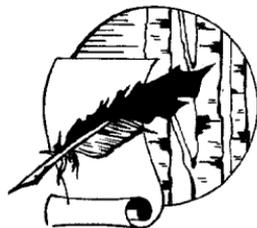
Снова в Джанкой отец Владимир попал только через два дня. Главкома не было: уехал в Севастополь. Зато дружески отобедали со старым знакомым генералом Шатиловым. Хотел через него передать письмо Врангелю, но Павел Николаевич доверительно посоветовал: лучше самому, лично в руки.

По штабному вагону бродил бледный подпоручик, как оказалось, третий и старший сын генерала Ревизиона. Он все пытался узнать: не давал ли Врангель радио в Москву, Ленину. Ординарцы, дежурные офицеры шарахались от него, но потерянный юноша стоял на своем:

— Это необходимо сделать. И именно ему дать, самому Ленину. Нужно предложить за отца кого-нибудь из взятых в плен комиссаров.

Никакого радио барон в большевистскую Москву, конечно, не посылал. Тем более, председателю Совнаркома. Подпоручик чуть не плакал. Наседал, торопил ординарцев, еще не зная, что в минувшую ночь его отец был застрелен во время допроса. Револьвер разрядил лично товарищ Балодис.

Продолжение следует

Владимир ШУВАЕВ

БОЖЬЯ КОЛЕСНИЦА

КОСМИЧЕСКИЙ СВЕТ

Когда-то в Сибири, в лощине,
Где волки напали на след,
Идущая с горки машина
Включила спасительный свет!

С тех пор удлинилась дорога.
Кто только не делал мне зла...
В российских ночах, у порога
Звезда — от плохого — вела.

Вела от бездушного плена,
От самых губительных бед,
Пред кем мне стоять на коленях
За этот пожизненный свет.

За то, что в земной круговерти,
Где царствует сумрак и злость,
Он души ведёт на бессмертье
И Землю пронзает насквозь...

* * *

За занавеской — самый страшный век:
Перерожденья ангела в урода.
И напряжён усталый человек —
Куда идти России и народу?

Куда пойдёшь теперь Страна Любви,
Страна Души, сама себе не рада,
Когда «попса» гуляет на крови,
Вонзив каблук в мученья Волгограда?!

Скорбит народ и празднует «попса»!
И тонет всё в трагическом веселье...
Куда пойдёшь, Великая Страна —
Гибрид Христа и крысы корабельной?

Барыш «попсе», России ни гроша!
Пустых успехов праздные бравады...
А ведь одна несчастная душа —
Дороже «Всей Земной Олимпиады»!

Смертельный выбор, жребий непростой
Держать в себе — и Бога и безбожье.
И выбирать: с народом иль с «попсой»
Идти вперёд по русским бездорожьям?!

Идти вперёд! В стремительном рывке,
Преодолев химеры и туманы.
Соединив в решительной руке —
Размах Петра с державностью Ивана!

И презирая почести и ложь,
В святом труде — нелёгком неустанном,
Не забывать, какой корабль ведёшь,
Какие здесь стояли капитаны!

Скорбит народ и царствует «попса»
И рвёт Россию на куски планета...
А надо всем — такие небеса!
Так жить охота, как у края света...

* * *

Распростёрлась над Доном холодная осень.
В сиротливых мурашках душа и вода.
Завершается жизнь, но пощады не просит
Перед тем, как под снегом уснуть навсегда.

К югу поздние птицы прошли над стремниной,
Унося свои души к согретым краям.
А для тех, кто остался, — туман да рябина,
Да прощальные строчки с дождём пополам.

Здесь страна холодов и уж точно — не вёсен,
Потому-то и любят Россию, как мать.

Жизнь кончается в каждую русскую осень
И не знает никто, где начнётся опять.

Режет мокрая ветка нахлынувший ветер,
Ничего не вернуть. Никого не спасти.
Хорошо тем, что просто пожили на свете
И нашли в себе силы достойно уйти.

УХОД ПОЭТА

Памяти Егора Исаева

Ушёл, ушёл...
К жене любимой...
К далёким вёснам и годам...
Какой уход невыразимый!
И я его не передам.

И я споткнусь на этой ноте,
На вдохе, замершем навек...
Стихи останутся в работе!
Земной исчезнет человек...

Его уход неповторимый —
Не упредить, не уберечь...
И лишь река — Битюг любимый
Всё так же дальше будет течь.

Уйдёшь туда, где жизнь листая,
Терзала сердце, как вина, —
Война далёкая, святая
И наша мирная война.

Где голос матери на взгорке
И детства светлая роса...
«Егор, Егорушка, Егорка», —
Шепнут навстречу небеса.

Уйдёшь, обид не оставляя,
Свои смыкая берега,
Во всём, до смерти, проявляя
Мужской характер Битюга.

А когда смолкнет тризны слово
И успокоится тоска,
Твой лик, плывущий над Бобровом,
Очеловечит облака!

ВЗГЛЯД

Я увидел Россию от края — до края,
От салфеток Кремля — до сенного сарая...

Вся она в моём сердце внезапно проснулась,
Как летящая птица — ко мне обернулась.

Я увидел её от глухого истока —
До балтийской волны и до Владивостока.

И она поразила моё бытие:
Я другими глазами увидел её.

Всё увидел я вглубь на XV веков:
От ракет — до славянских седых стариков...

И мне глянули в душу тех лет чародеи,
Чья душа, воплощённая, стала моею.

Не пытаюсь историков наших обидеть,
Мне увиделось то, что уже не увидеть.

И печальная птица надо мной раскружилась.
Голова у меня от неё закружилась...

СЛАВЯНСКОЕ СЕРДЦЕ

От Москвы — до Киева и Минска
Неразрывны братские сердца!
Я душой — навеки украинец
И таким останусь до конца.

Сквозь посты, указы и заставы,
Вопреки политике глухой,
Веет Древней Русью под Полтавой,
Веет Украиной под Москвой.

Облака плывут над Могилёвом,
Песня над Воронежем парит,
Ветер от Одессы до Ростова
Ночью над таможнями летит!

Никакими визами слепыми
Не разъять объятий вековых.
Мы делили братские могилы,
Радости делили на двоих...

Время дышит холодом сурово,
Но душа, как прежде говорит:
«Брат мой из-под Киева и Львова,
Дом мой для тебя всегда открыт!»

БОЙ БЕЗ БОЯ

Россия! Атомной пурги
Давно исчерпаны зарницы.
Перемещаются враги —
По эту сторону границы.

Не там, где топчут сапоги
Твои края — в огне и страхе,
А обживаются враги —
Под левым краешком рубахи.

Чтоб упредить военный крах,
Не надо армии и флота.
Идут — в сердцах и головах —
Чужие маршевые роты.

Наш флаг — от основания — сгнил.
Без боя взяты наши береги...
Нам вышли в тыл, нам вышли — в тыл —
Бездущье, мелочность и деньги...

ТЕЧЕНЬЕ ЛЕТ

Поспешает Божья колесница!
Эр и дней поблёскивает смесь...
Никому от лет не излечиться,
Молодость проходит, как болезнь.

Вечно только то, что не забудем,
То, что наполняет паруса:
Чьи-то руки, волосы и губы,
Чьи-то судьбы, слёзы, голоса!

Жизнь даётся сложно и, не скрою, —
Многое осталось в стороне,
Но к чему дотронулся душою —
Навсегда останется во мне...

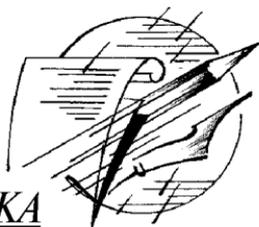
Этой жизни счастье и мученья,
Пляска дней, летящие года —
Всё ушло и скрылось по теченью...
Лишь Любовь осталась навсегда!

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии
Гродненского университета им. Янки Купалы

ЧТО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ?

— *Чеслав Станиславович, Вы, имея огромный опыт изучения историко-философских основ мироустройства, наверняка знаете, какими недугами болеет сегодня наш славянский мир?*

— Недугов много. Назову главные. Первый — либерально-рыночная модель общества, система монетократии — власти денег, которые навязали России с 1990-х годов прошлого века. Второй недуг — это неадекватность нынешней российской элиты, прежде всего политической. Получилось так, что в России у власти оказались люди не с государственным, а с коммерческим мышлением. Нынешняя российская политическая элита рекрутировалась в основном из фарцовщиков и торговцев джинсами, из сословия «лавочников-полуинтеллигентов», сформировавшихся в немалом количестве к началу «перестройки», «озверелых мещан», у которых ненасытная жажда потребления и «уродливо развитое чувство собственности» являются абсолютно доминирующими. Эти люди к тому же были иррациональными, совершенно обезумевшими западофилами (западоидами), испытывающими бесконечное восхищение успехами «общество потрепле-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ния», получившего тогда интенсивное развитие в западноевропейских странах.

Российская власть испытала весьма прискорбные метаморфозы. Её носители претерпели явную примитивизацию своего культурного уровня и вкусов.

Сформировавшаяся в 90-е годы прошлого столетия российская властная (и не только) элита стала характеризоваться упрощением всех показателей «элитарности». Практически вся новая российская элита оказалась «заквашенной» на ширпотребе (западном и своём, местном), на коррупции и воровстве. Недаром некоторые исследователи для характеристики властной российской элиты применяют, наряду с прочим, слово «клептократия».

Представители же старой советской элиты (и политической, и культурной), вошедшие во власть, быстро отказались от своих прежних стандартов и ограничений и на удивление легко приспособились к новым веяниям времени. Оказалось, что новая элита не только заинтересована в ухудшении «человеческого материала», в снижении качества образования, культурного потенциала, поскольку в этом случае легче манипулировать массами, но и сама не смогла избежать интенсивного процесса интегрирования в массовую культуру и утери свойственного подлинной элите уровня и качества.

К сожалению, на сегодняшний день «верхи», у которых доминирует «средний вкус», определяют политическую линию развития огромного государства более чем с тысячелетней историей. Большого несчастья вряд ли можно пожелать какому-либо народу. А если ещё учесть некоторую этническую разобщённость властной и культурной элиты, а также нарастающие в её недрах противоречия между различными группами и кланами, то ситуация приобретает уже совсем драматический оборот. Поэтому сегодня проблема формирования новой национальной элиты — это проблема сохранения России как целостного государственного образования. Без кардинальной трансформации элит Россия не имеет перспектив на своё дальнейшее развитие.

Третий недуг — не менее страшный — непосредственно связан со вторым. Это то, что средства массовой информации оказались в руках тех людей, которые не любят Россию, которые скорее работают на её геополитических противников, а не на благо своего народа.

Между тем будущее восточнославянской цивилизации закладывается сегодня. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутыми на обочину исторического процесса, в нишнюю мировую периферию и занять достойное

место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической и т.д.) обстановке XXI века, которая обещает быть ещё более противоречивой и конфликтной, чем в XX столетии, необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития.

— *Что же наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?*

— Ответ один: формирование восточнославянского цивилизованного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе.

Объединяющаяся и объединённая Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими и, похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Мы для неё вечно чужие. Для «тигров» Азии (прежде всего Юго-Восточной Азии) и народов исламского мира мы тоже далеко не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остаётся два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в «этнографический материал», почву и удобрение для развития других цивилизационных центров развития. Вот и получается, что только в союзе друг с другом и некоторыми другими странами Евразии восточнославянские народы могут сохранить себя, найти свою нишу и место в мире.

Говоря об историческом самоопределении восточнославянских народов (как, впрочем, и всех других), надо иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. В наше время относительно надёжную историческую перспективу для своего выживания и дальнейшего устойчивого развития имеют только те страны, территории которых богаты минеральными и энергетическими ресурсами, или те, которые овладели или смогут овладеть высокими технологиями. Вообще-то факторов, определяющих историческую судьбу народов, множество, но сегодня на первый план выдвинулись именно эти — энергетически сырьевой и технологический.

Чтобы яснее представлять, о чём идёт речь, возьмём в качестве примера Соединённые Штаты Америки. Их население составляет примерно 4% от населения всего мира. И эти 4% потребляют около 40% мировых энергетических и сырьевых ресурсов! Промышленность, вся инфраструктура, транспорт и т.д., которые обслуживают интересы этих четырёх процентов, уже в течение 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США. Если бы было возможно каким-то образом отделить Штаты от российской Сибири и джунглей Латинской Америки,

жизнь у них прекратилась бы. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже получится 15% населения от мирового. Эти 15% и есть так называемый золотой миллиард нашей планеты. К настоящему времени эти 15% населения уже потребляют 80% мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а выброс ими в атмосферу углекислого газа равен 60%. И что интересно, «золотому миллиарду» этого уже не хватает: раскрутившийся маховик предпринимательской экономики, основанный на принципе получения максимальной прибыли, требует всё больше и больше ресурсов. В результате в странах этого «миллиарда» или начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, или правительствам этих стран придётся усилить эксплуатацию других стран и народов. Такова объективная ситуация. Западная цивилизация является потребительской цивилизацией. Но потребительская цивилизация, помимо всего прочего, не может существовать, не расширяясь за счёт других цивилизаций, которые она постепенно поглощает.

— *По-моему, в России всё происходит наоборот?..*

— А вот другая статистика: в России население от мирового составляет около 3%, а на её территории сосредоточена 1/3 мировых энергетических и сырьевых ресурсов. На сегодняшний день это обстоятельство стало важным в выборе ориентаций и принимаемых решений в мировой политике. Здесь сконцентрированы её основные пружины и хранятся её ключи.

Своими же природными богатствами Россия обладает благодаря русскому семижильному мужику, который шёл, шёл и дошёл до Берингова пролива, открыл Русскую Америку. А шёл он в силу того, что был чрезвычайно свободолюбивым человеком. Когда усиливалась центральная власть, русский народ бежал во все стороны: на Дон, в Сибирь, заселяя всё новые и новые территории.

— *Как, по Вашему предположению, дальше будут развиваться восточнославянские народы?*

— Давайте попробуем, исходя из уже сказанного, провести своего рода эксперимент с осмыслением двух возможных сценариев развития восточнославянских народов.

Сценарий первый. Предположим, Украина и Беларусь полностью отрываются от России, разрывают с нею все исторические, экономические, научно-технологические, военные, да и просто человеческие связи и отношения, отгораживаются. Поставим вопрос: нужны ли сегодняшнему Западу Украина и Беларусь? Нужны. Но только в двух отношениях.

Во-первых, для того, чтобы ослабить Россию, набросить на неё петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы и тем самым получить беспрепятственный доступ к её ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов. Во-вторых, они нужны ему для генно-биологической подпитки состарившихся западноевропейских этносов, т.е. для приостановки быстро нарастающих процессов депопуляции в западном мире и для пополнения белым биологически и социально активным населением из Беларуси и Украины своей рабочей силы. Причём, по замыслу западноевропейских политтехнологов и государственных деятелей, привлечение рабочей силы, принадлежащей к белой расе, из восточнославянских стран призвано существенно уменьшить поток эмигрантов из бедного Юга — Африки, Азии и Латинской Америки. В других отношениях Беларусь и Украина Западу не нужны. Но главное — Западной Европе не нужны Беларусь и Украина как чуждые духовно-ментальные и культурно-цивилизационные образования.

Западноевропейцев понять можно: они стремятся сохранить свою цивилизацию. Но чем такого рода процесс перекачки рабочей силы в западные страны может обернуться для восточнославянских народов? На деле этот процесс будет означать не что иное, как ускорение и углубление деславянизации мира. Что может в действительности случиться со странами, которые покинули самые образованные, квалифицированные и экономически активные граждане? Скорее всего — превращение в государства-паразиты, не способные к самостоятельному существованию, а поэтому нуждающиеся во внешнем управлении. Став составной частью Балто-черноморского санитарного коридора, отделяющего Россию от Западной Европы, Беларусь и Украина могут превратиться в глухую окраину Европы и изгоев Евразии. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении социокультурной идентичности и развитии национального самосознания белорусского и украинского народов. Как представители другой цивилизации, Беларусь и Украина никогда не достигнут реально-равноправия со странами Западной Европы. В реальности на их население будет возложена та роль, которую сегодня выполняют представители стран Третьего мира — афроазиаты и латиносы. Более того, Беларусь и Украина без России могут потерять свою политическую субъектность и культурную идентичность.

Нужна ли белорусским и украинским народам такая историческая перспектива? Разумеется, нет.

— *Да и России не нужна...*

— А вот что касается России, то она одна, без стратегического экономического, политического и военного союза с остальными восточнославянскими странами, вряд ли сможет сохранить свою территориальную целостность, удержать свою Западную и Восточную Сибирь — эту богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов. Ей для этого просто не хватит населения (демографическая динамика — «ахиллесова пята» России). На этот регион с откровенным вожделением сегодня смотрят и США, и Япония, и Китай, и многие другие.

Подчеркнём, что при реализации данного сценария цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров силы будет достигнута. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся весьма напряжённо все те, кто хочет поживиться, сохранить свои высокие стандарты потребления за счёт восточнославянских народов. И, как это ни трагично, мы и сами зачастую помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели. Кстати сказать, об отделении Украины от России наши геополитические конкуренты мечтали уже давно. Наиболее чётко это выразил Бисмарк. Я считаю его первым идеологом информационных войн. Он говорил, что могущество России можно подорвать, только оторвав от неё Украину. Для этого нужно подкупить, запрограммировать поведение её элит. И тогда мы будем наблюдать, как русские будут друг друга ненавидеть, как брат брата режет.

— *Каков второй сценарий?*

— Предположим, Беларусь, Россия, Украина создают свой самодостаточный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены ещё какие-то страны и народы. В этом случае, Россия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно, и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной Сибири, в случае тесного и равноправного союза восточнославянских народов, станут их общим стратегическим ресурсом. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур наряду с русскими принимали активное участие и белорусы, и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода. В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открывается перспектива длительного и устойчивого развития. Тогда восточнославянскому миру, обладающему

богатými ресурсами, никто не сможет диктовать свои условия. Мы сами тогда сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, свой перспективный «социальный проект».

Будет ли правильным, если Беларусь и Украина при определении своей стратегической линии развития пренебрегут этой возможностью? Думается, что нет.

Короче говоря, это и есть объективные факторы целесообразности единения этих трёх родственных народов, от которых очень трудно отмахнуться. Есть также уверенность, что Россия изживёт, перемелет олигархический режим, что русский народ сможет, в конце концов, привести к власти тех людей, которые будут реализовывать его глубинные интересы. И белорусский, и украинский народы в этом должны ему помогать.

В реальности Беларусь и Украина только в союзе с Россией могут стать значимыми субъектами мировой политики; для Запада Украина и Беларусь — это всего лишь объекты манипулирования и разменная монета в большой геополитической игре. Нам никогда не следует забывать, что восточнославянские народы, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками высшей степени. Напомним, что технологический потенциал Советского Союза был по преимуществу сосредоточен в трёх славянских республиках — России, на Украине и Беларуси. И воссоздать его поэтому разумно в теснейшем взаимодействии и кооперации.

Смею высказать тезис: если Россия, Беларусь и Украина не смогут достичь тесного экономического, политического и военного союза, то есть стать самодостаточным центром развития и силы, то их ждёт деградация и угасание. Их попросту каждую по отдельности раздавит или «каток» глобализации, или уже сформировавшиеся другие центры развития и силы. При подобном развитии событий, акцентируем внимание, наши дети и внуки, многие из которых уже успели стать жертвами («инвалидами») информационной войны, ведущейся против восточнославянских и целого ряда других народов, в сознание которых интенсивно внедряется потребительская идеология и психология гедонизма, но ни в коей мере не прививается культура труда и трудовая аскеза, могут оказаться рабами XXI века, мелкой разменной монетой на мировом рынке труда.

Правда, рабство XXI века кандалов и цепей не потребует. Оно будет выступать в других, более завуалированных формах. Рабство XXI века — это рынок дешёвой рабочей силы;

это территория для размещения вредных производств и вредных отходов, это место для сброса некачественных товаров, это «сырьевые придатки» для других стран и т.д. Но такого поворота событий восточнославянские народы не должны допустить ни при каких обстоятельствах.

— *Есть ли у вас основания надеяться, что такой поворот событий не произойдёт?*

— Есть. Дело в том, что русский мир обладает склонностью не только к выдвиганию новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии, способностью в критические моменты истории к максимальной мобилизации всех своих материальных и духовных ресурсов во имя достижения общенациональных целей. Наверное, не случайно мировая история постоянно отработывает свои загадочные маршруты на «теле и плоти» России, время от времени превращая её в гигантскую экспериментальную лабораторию человечества. Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет осуществить свой очередной выброс энергии и продемонстрировать миру беспрецедентный эксперимент: прорыв, например, к духовно-экологической цивилизации. Россия, даже будучи униженной, остаётся могучей, будучи разграбленной, остаётся богатой. При этом, похоже, глубинные нравственные устои и архетипы народного сознания сохраняют в России свою силу, хотя и намеренно извращаются определёнными политическими силами и средствами массовой информации.

— *Но ведь на русских давно повешен ярлык ленивых и нерасторопных. И многие даже свыклись с мыслью о нашей обломовщине...*

— Это величайшая ложь! Как можно считать ленивым народ, который заселил шестую часть суши с самым суровым климатом в мире? Средняя годовая температура в России — минус 5,5 градуса. Для учёных до сих пор остаётся загадкой, как русский этнос мог создать на такого рода территориях мощное централизованное государство. Изначальный исток русского этноса — Ладога. Киев стал доминировать позже. Ладога — 60-я параллель северной широты. Вплоть до сегодняшнего времени на этой широте везде господствует почти «первобытный образ жизни».

С моей точки зрения, постоянно инспирируемый и нагнетаемый разговор о русской лени (особенно современными российскими СМИ) не имеет под собой никакой почвы и никак не согласуется с фактами реальной русской истории. Пятьсот лет феноменально успешной истории русского народа напрочь опровергают этот тезис.

В подтверждение данному утверждению выскажем следующие соображения. Известно, что вплоть до середины XIX века стабильный рост населения той или иной страны является одним и наиболее объективным и точным показателем уровня благополучия этой страны. Возьмём на этот счёт данные, например, из книги И. Солоневича «Народная монархия». Оказывается, что в 1480 г. население Руси составляло 2,1 млн человек; Франции — 18,6; Австрии — 9,5; Италии — 9,2; Испании — 8,8; Англии — 3,7 млн человек. В 1895 г. русских (только в европейской части территории) — 110,0 млн, французов — 38,4; австрийцев — 44,8; итальянцев — 31,2; испанцев — 19,0; англичан (без учёта колоний) — 39,3. Русское население, таким образом, за эти годы возросло в 50 раз, а французское чуть больше чем в 2 раза.

Кроме того, на протяжении тысячи лет Россия последовательно разгромила величайшие военные могущества, какие только появлялись на европейской территории: монголов, Польшу, Швецию, Францию и Германию. Параллельно с этим рядом ударов была ликвидирована Турецкая империя. В результате этого процесса (опять же прибегнем к данным И. Солоневича) Россия, которая к началу княжения Ивана III, в 1464 году, охватывала территорию в 550 000 кв. км, в год его смерти — 1505 — имела 2 225 000 кв. км; в 1584 (год смерти Грозного) — 4 200 000; к концу царствования Фёдора — 7 100 000; в 1613-й (воцарение Михаила) — 8 500 000 кв. км; в 1645 г. — 12 300 000; до Петра — 15 500 000; к 1786 (год смерти Екатерины II) — 19 300 000 и к концу царствования Николая II — 21 800 000 кв. км.

Приведённые цифры и факты напрочь выбивают почву из-под ног тех, кто хотел бы говорить о русском народе как о народе-рабе, о его некоем особом, сервильном комплексе и т.д. Эти аргументы, факты и цифры, как бы кому это ни нравилось, говорят скорее об обратном, о том, что русский народ обладал необычайной жизненной энергией и силой, был народом-тружеником, народом-гигантом, народом-богатырём. Народ, создавший государство, которое в XX веке стало вторым полюсом мира, в принципе не мог быть ленивым. Другое дело, что катаклизмы XX века действительно подорвали силу русского этноса...

Тем не менее, в русском генетическом коде есть способность к прорывным действиям. И такие примеры очевидны. Вся трагедия в том, что сейчас русский этнос лишён идеала, смысла жизни. Русские ведь такой народ, который ради идеала готов пожертвовать всем: усомнившись в идеале или в его близкой осуществимости, русские являют собой, если

прибегнуть к высказыванию известного философа Л.Н. Карсавина, «образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему». И сейчас мы как раз проходим эту фазу. Поэтому восточные славяне, сполна познавшие крайности дилеммы «социализм—капитализм», должны отказать от бесперспективного эпилгонства и приступить к решению действительно трудной творческой задачи — выработке нового проекта будущего, выдвижения великой альтернативной идеи, ориентированной на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Только решение таких грандиозных задач может вдохновить восточнославянские народы.

— *Некоторые политики и исследователи иногда пишут и говорят о том, что, в случае установления Россией исключительно приоритетных отношений с Беларусью и Украиной как наиболее близкородственными восточнославянскими странами, могут ухудшиться отношения с Северным Кавказом, Тюркским Поволжьем, Центральной Азией и т.д. Как Вы относитесь к такого рода взглядам?*

— Здесь необходимо иметь в виду следующее: восточные славяне могут и должны рассматривать неродственные в цивилизационном отношении (но родственные в культурном и историческом плане, а также с точки зрения общего места развития) народы и страны в качестве союзных лимитрофов, которые принадлежат к межцивилизационному пространству и с которыми также необходимо выстраивать приоритетные отношения.

Кстати сказать, это подтверждается реальной практикой разворачивающихся в последнее время (хотя ещё робко и непоследовательно) интеграционных процессов на постсоветском пространстве: союзное государство Республики Беларусь и России выступило в качестве системообразующего ядра Единого экономического пространства и его превращения в Евразийский союз, в рамках которого чрезвычайно важную роль начинает играть такое центральноазиатское государство, как Казахстан. В данном случае задача, стоящая перед восточнославянскими народами, заключается не в том, чтобы свою собственную цивилизационную идентичность использовать в качестве фактора противостояния и «конфликта цивилизаций», а в том, чтобы превратить её в фактор консолидации и взаимопомощи.

— *Чеслав Станиславович, как Вы, учёный, прокомментируете разговоры о конце земной цивилизации?*

— Действительно, какое-то субстанциональное беспокойство, душевное смятение, ощущение «конца времён», над-

ломленности и хрупкости бытия, предчувствие нового «цивилизационного слома», бед и катастроф с пугающей быстротой захватывает сознание современного человека.

Опыт истории свидетельствует, что такого рода ситуации в духовной жизни общества никогда не бывают случайными и беспочвенными. Напротив, они всегда есть верный признак, симптом действительного неблагополучия и кризиса общественной системы. Но всё это не означает «конец света», который сейчас так активно пропагандируется. Просто всё дело в том, что навязанная человечеству Западом либерально-монетаристская модель развития общества (финансово-олигархический капитализм) зашла в полный тупик. Наша земная цивилизация не может больше выдерживать экономику, основанную исключительно на принципе получения максимальной прибыли, экономику, подчинённую закону самовозрастания капитала.

Закон самовозрастания капитала — это страшная, господствующая над людьми сила. Он ни с чем не считается, подминает под себя народы и государства, и даже тех людей, в чьём лице он персонифицируется. Именно этот закон практически подвёл нашу планету к пропасти. Поэтому современный мир и в самом деле вступает в полосу глобального беспорядка, в ситуацию неопределённости, нарастающих рисков и целого ряда кризисных ситуаций, которые в своей действительности могут быть определены как глобальный цивилизационный кризис. А это означает, что мы вступаем в эпоху смены парадигм (моделей) развития.

Вместе с тем, я думаю, что в этих обстоятельствах для восточнославянских народов могут обнаружиться определённые перспективы. Если взять белую расу, то народом, в наибольшей мере сохранившим этническую чистоту и энергетику, являются восточные славяне. Даже сейчас, в период униженности и подавленности, Россия вместе с родственными народами по качеству фундаментальных научных разработок, по напряжённости творческого поиска, по количеству людей, склонных к углублённой умственной работе, является мировым лидером. Важно поверить в собственные силы, преодолеть комплекс национальной неполноценности и приступить к выдвиганию и реализации своего собственного идеала, своего социального проекта, своей идеологии. Важна не просто идеология, но идеология, сопряжённая с действием.

— *Можете ли Вы предложить конкретные шаги к оздоровлению русского общества, к примеру, в образовании?*

— Сегодня мы живём в эпоху вселенского обмана и информационных войн. В современных условиях глобальной

конкуренции за ресурсы, территории, финансовое могущество главными целями информационных войн является разрушение духовного самостояния, сознания и самосознания народов, их смысложизненных ценностей, идеалов и ориентиров. Причём наиболее значимым объектом данных войн выступают прежде всего ценностно-мировоззренческие установки и ориентации молодёжи. Это и понятно. Несоциализированная или плохо социализированная, недостаточно интегрированная в жизнь общества молодёжь всегда выступала в качестве взрывного материала, спускового механизма всякого рода смут, бунтов и революций. Стоит только присмотреться к тому, что происходит сегодня в странах Большого Ближнего Востока, чтобы понять всё это.

Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера — сознание и ценностные ориентации граждан. Всякие социальные трансформации, социальные катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются незаметными, постепенными изменениями в общественном сознании.

Почему пал Советский Союз, и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он потерял опору в сознании значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т.д. И не помогли ему устоять ни армия, ни самый богатый на планете ресурсно-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, в сознании — и поэтому был обречён.

Иначе говоря, устойчивость любого государства определяется духом народа. Если народ верит в свою историческую миссию, в своё историческое призвание, если он не страдает комплексом национальной неполноценности и его историческое самосознание не уязвлено, если он патриотичен, он выдержит любые испытания и трудности, любой натиск враждебной ему идеологии. Народ же, лишённый своих ценностей, превращается в неорганизованную толпу. Народ деградирует даже в условиях относительного материального благополучия, если поражён его центральный нерв — сознание собственной идентичности, если разрушена его ценностная система. И вот в этом процессе формирования единой системы ценностей, духа народа колоссальную роль играет, прежде всего, социогуманитарное образование. А с этим-то как раз в восточнославянских странах дело обстоит беспрецедентно плохо.

В высшей школе, в частности в Республике Беларусь, осуществлено резкое сокращение, обрезание социогуманитар-

ной составляющей обучения. Такого рода спецоперацию нельзя охарактеризовать иначе как подрыв духовных оснований нашего национального образования. Молодёжь в силу своих возрастных характеристик склонна к критицизму и негативизму. Сокращение учебной нагрузки по социогуманитарным дисциплинам — это большой подарок всем оппозиционно-разрушительным силам в нашем обществе. Спротивиться не приходится, таковые действительно имеются в преподавательской среде. А вот чтобы сформировать позитивные, конструктивно-патриотические, государственнические ценностные установки у студенческой молодёжи в условиях современных информационных войн, необходимо работать долго, постоянно, терпеливо, кропотливо-подвижнически. Здесь тремя-пятью лекциями не обойдёшься

— *Не подрывается ли социогуманитарное образование на корню ещё в средней школе?*

— В средней школе важнейшую роль в формировании патриотического сознания и гражданской позиции играют такие предметы, как история, литература и обществоведение.

Возьмём историю. Школьные учителя по истории могут привить подрастающему поколению как веру в историческое предназначение и миссию своего народа, так и сформировать у него комплекс национальной неполноценности, уязвлённое историческое самосознание, психологию и идеологию внутреннего эмигранта, не любовь к своей стране, а любовь, например, к Западу, в котором без всяких на то оснований усматривается свет в конце туннеля. К сожалению, это последнее как раз и наблюдается у многих школьников, поступающих сегодня в вузы. Учебники по истории содержат очень мало позитивного, возвышающего и возвеличивающего восточнославянские народы, в том числе и белорусский народ, но слишком много негативного: порой беспощадно критикуется и царское самодержавие, и Советский Союз, и вообще вся наша история. При изучении такой истории позитивное восприятие своей страны и народа может сформироваться разве что у слишком восторженного ученика.

История — это предмет государственной важности. Он отнюдь не нейтрален. У Бисмарка, много сделавшего для объединения десятков германских стран в единое государство, были все основания утверждать, что битву при Седане (сентябрь 1870 г.) в ходе Франко-прусской войны выиграл школьный учитель истории. Интересно, можем ли мы сегодня сказать нечто подобное о своих школьных учителях истории?

Если взять преподавание литературы в школе, то здесь тоже наблюдается немало негативного. Школьникам даётся сверх

всякой меры много второстепенных художественных произведений, в которых наше прошлое и настоящее рисуется исключительно в мрачных тонах, что опять же не способствует формированию патриотического сознания у молодёжи.

Что же касается преподавания в школе курса обществоведения, то здесь вообще ситуация зачастую приобретает драматический характер. Этот курс у нас в Беларуси нередко преподаётся по остаточному принципу. Профессиональных учителей-обществоведов в школе нет. А между прочим, обществоведение — это такой курс, который закладывает фундамент гражданской позиции выпускника школы. Отсюда необходимость, во-первых, срочно приступить к подготовке профессиональных учителей-обществоведов и, во-вторых, в перспективе объявить новый конкурс на создание соответствующего современным вызовам учебника по данному предмету.

— *Чеслав Станиславович, какую роль в этой ситуации играет работа современных СМИ?*

— Следует особо подчеркнуть, что общее состояние культуры нации в решающей степени определяется системой СМИ. Влияние СМИ на умы людей и культуру в целом неуклонно возрастает и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде случаев СМИ приобретают доминирующее воздействие на духовные и социальные процессы современности, перевешивают воздействия прочих факторов, вместе взятых. В первую очередь это касается телевидения.

Примеров глубинного влияния СМИ на умы населения существует множество. Возможности манипулирования сознанием миллионов людей (благодаря современной информационной технике) оказались беспрецедентными. Есть все основания говорить даже об информационном сетевом забалении мира. Информационный взрыв, новые коммуникационные сети обернулись в наше время невероятным давлением на все человеческие органы чувств. И всё это происходит на глобальном уровне.

Важно отметить то, что современные СМИ, прежде всего российские, вообще не несут никакой ответственности за психологическое и воспитательное влияние на граждан, формирование духовно-нравственной атмосферы общества и развития культуры в целом. Задумаемся на секунду, что может произойти, если этот мощный инструмент, каким является современное телевидение, попадёт в руки тех, кто ненавидит свою страну («эту страну»), кто жаждет её поражения и гибели. К сожалению, в значительной степени российское телевидение, начиная с 90-х годов XX века, оказалось в руках именно таких людей.

Не удивительно, что все научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в России, в последние годы констатируют стремительный регресс по основным параметрам. Особенно далеко зашли процессы дебилизации среди школьников и молодёжи. Ректоры вузов, директора заводов бьют тревогу, потому что молодые кадры не соответствуют своему назначению, молодёжь утратила мотивацию к учёбе, саморазвитию, появилась склонность к суициду.

Игнорирование воспитательной функции СМИ привело в последние годы в России (и не только в России) к возникновению феномена, который специалисты называют «понижающей селекцией» — своего рода воспитание со знаком «минус», когда в человеке возвращается, культивируется всё низменное, антигуманное.

Систематическая апелляция к первобытным животным инстинктам, заедывание обычно подавляемых культурой дремлющих механизмов подсознания деструктивно влияют на личность человека. Современные российские СМИ формируют новый тип личности, стоящий на эволюционной лестнице на несколько ступеней ниже типичного человека советской эпохи.

Ныне в российских СМИ господствует чудовищная цензура. Все русские писатели-почвенники, культурологи, философы, историки, публицисты, имеющие национальные приоритеты, не получают доступа к общенациональному эфиру, захваченному гарсонами и шутами, остаются вытесненными за пределы культурного пространства. Те, кто стремился создать пространство моральной диктатуры, диктатуры мысли и вкуса, просто подвергаются гонениям и ошельмовываются.

Для российских СМИ главная цель заключалась в том, чтобы «растолочь», разрушить восточнославянское цивилизационное «ядро», деформировать и сломать глубинные архетипы народного сознания, препятствующие вхождению в «европейский дом». Свободу слова они понимали исключительно как свободу растлевать, разлагать российское общество, инспирировать и нагнетать различные формы патологии массового сознания, формировать упадочническое общественное настроение, тотально нагнетать образ России как «ненормальной» и неполноценной страны, т.е., по сути дела, сформировать у граждан России комплекс неполноценности и уязвленное историческое самосознание.

Оказавшись в руках западников, многие из которых были абсолютными русофобами, российские средства массовой

информации несли в себе невероятный по разрушительной мощи импульс. Трудно найти в истории пример, где бы презрение к собственной стране так интенсивно подпитывалось и нагнеталось всем, что говорилось и делалось тогда в перестроечный и постперестроечный период в России. По национальному самосознанию русских людей, по мнению россиян о самих себе и о России был нанесён в те годы беспрецедентный удар. Такого падения в собственных глазах русские люди в прошлом ещё не испытывали.

Стоит только задуматься о всей совокупности факторов, негативно влияющих на историческое самосознание, самооценку и самоуважение населения России, как охватывает ужас. В самом деле, в течение более 70 лет всеми средствами хорошо отлаженной пропагандистской машины Советского Союза, включая и «научные» труды по истории, обосновывалось и доказывалось, что всё происходившее в России до Октябрьской революции было беспросветно ужасно и невыносимо плохо. Потом, начиная со второй половины 80-х годов прошлого столетия, был невероятный облит грязью и изруган весь период строительства социализма в Советском Союзе. Как в такой ситуации испепеляющего презрения ко всей российской действительности и до, и после революции 1917 года выстоять и сохранить оптимистически полноценное историческое самосознание, избежать тяжёлой болезни национального духа?

Кажется даже удивительным, как после такой усиленной бомбардировки общественного сознания со многих сторон, такой мощи деформирующего души людей информационного катка в России всё ещё сохранились здоровые народные силы.

— *Возможно ли изменить эту ситуацию?*

— Нужна принципиально новая информационная политика, предполагающая создание национальных СМИ, призванных служить своим народам.

Вообще, с моей точки зрения, как-то усовершенствовать, изменить или перестроить нынешние российские СМИ невозможно. Укоренившаяся в их недрах информационная буржуазия, информационные вампиры, получающие за свои рекламные ролики непомерно огромные барыши, не допустят этого. Нужен полный слом всех структур и подструктур, утвердившейся в современном российском обществе системы СМИ. Должна быть создана абсолютно новая система управления СМИ, со 100-процентной заменой её руководящего кадрового состава. Кардинальная, примерно на 80%, ротация кадров должна также быть осуществлена в средних

и низовых структурных звеньях всей этой чрезвычайно опасной для здоровья народа машины растления, манипуляции и дебилизации.

В первую очередь из сферы СМИ должны быть устранены «внутренние эмигранты» — представители «пятой колонны», которые своей «информационно-пропагандистской деятельностью» подрывают духовные основы развития восточнославянских обществ и обслуживают экономические, идеологические и другие интересы их геополитических конкурентов. Из сферы СМИ также необходимо устранить всех лиц, замешанных в коррупции и в связях и криминалом, вплоть до запрета на профессию.

Однако реализовать эту задачу будет чрезвычайно трудно. Дело в том, что СМИ — это главная сила и оружие в руках олигархического интернационала, призванные обеспечить контроль и господство над народами нашей планеты, направить их движение в русло «уготованного будущего». СМИ — это своего рода бастион, крепость мировой финансовой олигархии, которую она будет защищать всеми доступными ей средствами.

Как свидетельствует практика сегодняшних дней, такие лидеры ещё не выявились в полной мере на политической сцене современной России. Вот почему сейчас Россия и близкородственные ей народы стоят перед жёсткой необходимостью дать ответ на «вызов среды». И задача здесь, конечно, заключается не только в том, чтобы упразднить монополию западников-руссофобов в тех СМИ, где они её ещё сохраняют (что само по себе, безусловно, очень важно), а прежде всего в том, чтобы восстановить национальный контроль над элитами, сформировать такие национальные элиты, для которых власть — это ответственность за судьбы страны. А говоря шире, задача состоит в том, чтобы кардинально изменить общественный климат, который позволит загнать тяжёлую болезнь беспочвенничества в соответствующие ей карантинные ниши.

Необходимо также выдвижение и реализация деятельной идеологии. Она должна быть сформулирована на основе менталитета наших народов, исторического опыта и традиций. Только с помощью таких идей можно решить современные проблемы и дать ориентир потомкам.

— *Чувствует ли современная молодёжь в себе силы к возрождению своей страны? Ведь многие уже ориентированы на Запад?*

— Да, действительно многие факты противоречат возрождению, ренессансу русского мира, но у меня есть предчув-

ствие, что это будет так. Это предчувствие социального философа, исследователя, публициста. Полагаю, что известное высказывание о том, что Россия сама спасётся и мир спасёт, имеет под собой глубокое основание.

Восточнославянский мир в силу своего срединного положения между Западом и Востоком (контактная зона Восток—Запад) с их крайне противоположными формами социально-культурных традиций как никакой другой может оказаться способным на творческий синтез разнородных начал, на творение и созидание новых форм социального бытия, чрезвычайно необходимых сегодня человечеству.

В принципе в рамках современного трансформирующегося мира восточнославянские народы должны взаимодействовать и одновременно соблюдать определённую дистанцию как в отношении к протестантско-католическому Западу, так и к мусульманско-буддийскому Востоку, но и не идя при этом на полное отчуждение от них. Современная цивилизация теряет своё силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле развития, если восточнославянские народы полностью будут ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока.

— *Ваше мнение о значимости России в мире несколько расходится с мнением Чаадаева, который говорил, что история России — это сплошное недоразумение и что «от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды...»*

— Чаадаев в конце жизни пришёл к другому мнению. Если сначала он говорил, что Россия существует, чтобы дать миру урок того, как не надо делать, то потом он сказал, что Россия может дать миру урок того, как надо делать. Не только у Чаадаева происходила такая мировоззренческая эволюция. Западник Герцен также претерпел подобную эволюцию. Эта эволюция была особенно интенсивной во время Французской революции 1848—1849 гг., когда случалось, что за одну ночь расстреливали по десять тысяч человек. Такого в России Герцен наблюдать в принципе не мог, поскольку в XIX веке на его родине всякого рода казней было на порядки меньше, чем в Западной Европе. После этого он очень быстро стал двигаться в сторону славянофильской идеологии.

— *Чеслав Станиславович, мы с Вами, естественно, говорим о положительных сторонах развития нашего государства. Но ведь и ошибок в русской истории было достаточно...*

— Да, история восточнославянских народов складывалась непросто, было много смут, потрясений, неудач и ошибок.

Здесь, однако, имеет смысл остановиться на истории русского мира в XX веке, как самой, пожалуй, сложной и трагической.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, Россия в годы, предшествующие Первой мировой войне, была весьма демократической страной. Вот интересные данные на этот счёт. По признанию американского исследователя Пайпса, число российских чиновников в «бюрократическом» XIX веке было в три-четыре раза меньше, чем в странах Западной Европы. Согласно же Менделееву, посетившему Англию, в Лондоне полицейских на душу населения было на 1906 г. в 10 раз больше, чем в Петербурге. Согласно «Британской энциклопедии» в России накануне Первой мировой войны было в 7 раз меньше полицейских на душу населения, чем в Англии, и в 5 раз меньше, чем во Франции.

Преступников в России тоже было намного меньше, чем в Западной Европе. По данным той же «Британской энциклопедии» за 1911 год, в России, если мне не изменяет память, на 100 000 населения приходилось 77 преступников, в то время как в Германии на те же 100 000 населения более 800 преступников. В США было примерно в два раза больше преступников, чем в России, а в Великобритании — более чем в 5 раз. Английский профессор Смальс, изучавший российскую юриспруденцию, писал о том, что нигде в мире не было такого гуманного и беспристрастного суда, как русский.

Начиная с 90-х годов XIX века, благодаря политике Александра III, который любил всё русское и всячески способствовал развитию своего национального производства, наблюдался небывалый подъём российской экономики. Среднегодовые темпы роста российской экономики на протяжении целой четверти века превосходили темпы развития всех индустриально развитых стран и составляли примерно 7–8%. Бурно развивалась наука. Достаточно назвать таких всемирно известных учёных, как Менделеев, Павлов, Сеченов, Мечников, Тимирязев, Пирогов, Попов.

В области культуры Россия достигла небывалых высот. В литературе (Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин и многие другие); в поэзии (Блок и символисты); в музыке (Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Гречанинов, Стравинский); в сценических искусствах (Шляпин, Собинов, Павлова, Кшесинская, Дягилев); в живописи (Нестеров, Васнецов, Кустодиев). Французский поэт Поль Валери назвал русскую культуру конца XIX—начала XX века одним из «чудес света».

Кроме этого надо особо отметить, что в конце XIX—начале XX века Россия стала центром развития мировой филосо-

фии. «Русский религиозно-философский ренессанс» — это небывалый взлёт философской мысли. Назовём имена только некоторых наиболее известных русских философов: Бердяев, Булгаков, Франк, Ильин, Флоренский. Россия стала мировой «законодательницей мод» в области философской мысли.

Французский экономист Эдмон Тьерри прогнозировал, что население России к середине XX века будет выше, чем общее население пяти других больших европейских стран, и составит примерно 350 млн. человек. Тогда многие мировые эксперты писали, что если не заковать этого гиганта в цепи, то в XX веке это будет абсолютно лидирующее в мире государство. И вдруг такой слом. Стало быть, удалось на определённое время заковать этого гиганта в цепи.

— *Что же в самом деле тогда случилось?*

— Можно утверждать, что революционные катаклизмы в России были прежде всего следствием трансформации сознания, коренились в сфере ценностно-мировоззренческих ориентаций и идеологизированных установок, завышенных ожиданий и не вытекали из реальных условий жизни общественного бытия.

Тут я согласен с историком Игорем Фрояновым, который говорит, что есть три ипостаси революции: первая — революция для России, вторая — Россия для революции и третья — революция против России.

Если говорить о «революции для России», то следует отметить следующее. С эпохи Петра I началось разделение русского народа на два народа, две нации: простой народ продолжал жить в соответствии с традициями и обычаями православной цивилизации, а высшие слои общества — аристократия — всё интенсивнее осваивали западную модель поведения и культурные коды, превращаясь постепенно в глазах народа в «иностранцев», «чужих». Отчуждение между народом и верхними слоями общества росло. И это неудивительно: многие представители верхних слоёв перестали даже знать русский язык и разговаривать на русском языке. Известен исторический факт, когда царь Николай I, пытаясь восстановить знание русского языка в среде высших слоёв русского общества, некоторых представителей, обнаружив на придворных приёмах незнание ими русского языка, отправлял даже в ссылку для его изучения. Поэтому все придворные «дрожали от страха», чтобы царь не обратился к ним на русском языке.

Указ Петра III «О вольности дворянства» ещё глубже расколол верхи и низы русского народа. Этот указ, освободив

дворянство от необходимости нести государственную службу, превратил, по сути дела, его в паразитический праздный класс. Ненависть народа росла. Существование этого класса в глазах народа потеряло всякое оправдание и смысл.

Реформа 1861 года освободила крестьян от крепостничества, дала вольность крестьянам, по сути дела, без наделения их землёй. За исключением 20% крестьян, все остальные должны были в течение 49 лет выкупать землю у помещиков. В стране стало шириться бродяжничество и профессиональное нищенство. Озлобление народа, особенно крестьян, нарастало.

Реформа Столыпина также чрезвычайно революционизировала русское крестьянство. Попытка форсированного разрушения общины и ведения частного фермерского хозяйства, несмотря на все достоинства Столыпина как человека, было неудачным выбором. Община для русского крестьянства — вовсе не случайное явление. В условиях климата и географии Среднерусской возвышенности, где формировался русский менталитет, община была наиболее оптимальной формой хозяйствования. При недостаточно развитом техническом оснащении фермерское хозяйство в тех реально сложившихся условиях было в принципе невозможно. Конечно, к началу XX века время общины проходило. Но здесь надо было действовать осторожно. Хотя Столыпин как личность и политический деятель пытался предотвратить революцию, в реальности же он ей лишь поспособствовал. Поэтому книга С. Кара-Мурзы «Столыпин — отец русской революции» не является случайной и имеет под собой определённого рода основания.

Первая Мировая война до предела обострила все противоречия русского общества и фактически обусловила возможности и создала предпосылки для свержения самодержавия в России (Февральская революция).

Следует отметить, что известную роль в активизации революционных процессов сыграли последствия религиозного раскола (XVII век) в русском обществе: старообрядцы во многом содействовали разрушению православно-монархического общественного устройства России. И понятно почему.

— *При таком разъяснении становится понятно действие народной стихии: поджоги помещичьих усадеб, уничтожение зажиточных представителей разных слоёв населения, осуществление многовекового чаяния народа «землю — крестьянам» и так далее.*

— Русский народ принял активное участие в революционных процессах, поскольку стремился к осмысленной, цель-

ной и социально справедливой жизни. Для русского идеал справедливости — это главное. В этом смысле Октябрьская революция выступила именно как «революция для России». Русский народ не принял насаждаемый капитализм, поэтому и восстал.

Если же далее говорить о «России для революции», то необходимо сказать, что Ленин, Троцкий, Свердлов и другие лидеры революции рассматривали Россию как горючий материал в разжигании мирового пожара. Они мечтали (прямотаки бредили) о мировой революции, их главной целью было установление всемирной социалистической республики. Поэтому они рассматривали Россию как бочку пороха, как фитиль, призванный разжечь мировой пожар. Для них Россия — «слабое звено» в цепи империализма; её можно было не жалеть, ею можно было пожертвовать, её можно было жечь в огне мирового пожара. Отсюда — стремление большевиков уничтожить всё национально русское как препятствие на пути установления мировой социалистической республики. В этом смысле большевистская революция была глубоко антинациональной, антирусской. Не случайно в ней наиболее активное участие принимали лица иных национальностей, инородческие элементы. Большевики троцкистско-ленинского призыва активно боролись со всем русским, даже с самим словом «русский». Были уничтожены не только аристократическая верхушка, но и зажиточные крестьяне.

А теперь, наконец, следует сказать несколько слов о «революции против России». Мировая финансовая олигархия не без основания усматривала в России крупного геополитического конкурента, развивающегося своим самобытным путём, и поэтому всячески стремилась воспрепятствовать его успешному развитию. Мировые банковские дома (синдикат финансистов), отдавая себе отчёт в том, что извне Россию разрушить (завоевать) невозможно, всячески поощряли внутренние смуты в российском обществе, т.е. делали ставку на разрушение России изнутри. Они активно поддерживали и обильно финансировали радикал-революционеров, и прежде всего большевиков, которые, по их сценарию, должны были разрушить великодержавную Россию изнутри. Здесь можно назвать таких банкиров, как Леб, Яков Шифф, Феликс Варбург, Отто Канн, Мендель, Джером Хануэр и др. В 90-х годах даже вышла книга, раскрывающая механизмы, способы и объёмы финансирования мировыми банковскими домами большевиков — Э. Саттон «Уолл-стрит и большевистская революция». Имеется на этот счёт и множество других публикаций.

— *Какую роль в разрушении Российской империи Вы отводите Февральской революции?*

— Сразу же хочу сказать, что наиболее зловещую роль в исторической судьбе России сыграла именно Февральская революция. Без Февральской революции не было бы и Октябрьской революции. В победе Февральской революции ни рабочие, ни крестьяне никакой существенной роли не сыграли (сила накопившегося гнева крестьян проявится немного позже, прежде всего в ходе Гражданской войны). Главной внутренней силой (пружиной) февральских событий 1917 года явился высший слой российского общества: чиновничество, генералитет российской армии и российская интеллигенция («Орден русской интеллигенции»). Весь круг этих людей являл собой иррациональных западников (западников и западофилов), стремящихся любой ценой перенести на почву России западный образ жизни, покончить с самодержавием, внедрить парламентаризм западноевропейского типа и т.д.

Огромную роль в осуществлении Февральского переворота сыграла мировая закулиса. Под руководством мировой закулисы в этой войне были сплочены все антирусские силы. Так, план уничтожения России посредством радикал-революционеров был предложен Германии в марте 1915 года Гельфандом-Парвусом. Предполагалось щедрое финансирование радикал-революционеров, мощная пропагандистская кампания в прессе, организация забастовок, крестьянских и сепаратистских восстаний и т.п. И ничего тут удивительного нет — мировая закулиса издавна усматривала в России крупного геополитического конкурента и своего экзистенциального врага.

Главная цель войны долгое время удерживалась в тайне: свержение православной монархической государственности в России. И когда это удалось, английский премьер-министр Ллойд Джордж в парламенте радостно приветствовал свержение самодержавия в России. Он даже открыто говорил о том, что благодаря Февральской революции начинается новая эпоха в истории мира, что эта революция явилась победой тех принципов, из-за которых нами была начата война. А английская газета «Дейли ньюс» характеризовала Февральскую революцию как главную из всех до сих пор одержанных побед, что этот переворот несравненно более важное событие, чем победа на фронте. Действительно, надо было очень ненавидеть Россию — своего номинального союзника, — чтобы так делать и говорить.

Министры Временного правительства, сформированного после победы Февральской революции, все, за исключением двух или даже одного человека, были членами англо-фран-

цузских масонских лож. Все они являли собой иррациональных заказчиков, стремились вопреки логике российского национального развития превратить Россию в Запад, надеть на православное тело протестантский мундир. В результате все их действия и решения вели не к преодолению смуты и к улучшению ситуации, а к её быстро нарастающему ухудшению. В итоге победили большевики — самая незначительная партия на то время.

К ногам небольшой кучки организованного меньшинства во главе с Лениным и Троцким власть упала практически сама. Самое страшное то, что Россия после большевистской революции стала ареной столкновения двух западных идеологий — бело-компрадорской, ориентированной на установление либерально-буржуазного строя по образцу западных стран, и красно-компрадорской, направленной на реализацию рождённого на Западе марксистского проекта переустройства общества. Эти две идеологии инсценировали в России страшную Гражданскую войну, в результате которой погибли миллионы наиболее биологически и социально активных русских людей.

И что самое интересное, мало кто из политических деятелей разных стран того времени сомневался в том, что большевики разрушают и разрушат Россию. Можно на этот счёт привести следующие примеры. В 1918 году генерал Деникин обратился к маршалу Юзефу Пилсудскому с целью заключить военный союз против большевиков. Тогда у Пилсудского под ружьём было около миллиона людей. Он формально заключил договор, что он никогда не будет помогать белогвардейцам, потому что они восстановят Россию, а поможет большевикам, потому что они её разрушат (так тогда думали многие). И Пилсудский через своего агента исправно информировал штаб Красной армии о замыслах Деникина. Кроме того, многие послы западных стран, в частности, английский посол, докладывали своим правительствам о том, что промышленность, сельское хозяйство и транспорт России полностью разрушены, поэтому, похоже, её уже можно стереть с географической карты.

В целом планы уничтожения России успешно осуществлялись вплоть до 1929 г. Однако Россия смогла разорвать цепи, сковывающие её тело. Все сценаристы разрушения России: и мировая финансовая олигархия, и Пилсудский, и многие другие — просчитались. Они не смогли до конца просчитать поведение русского гиганта, русского народа, оказавшегося способным на очередной энергетический взрыв, позволивший к середине XX века стать России вторым полюсом мира.

— *Что же, на Ваш взгляд, спасло наше государство от гибели?*

— План разрушения России посредством радикал-революционеров был сорван Сталиным. Укрепившись у власти, Сталин отказался от идеи мировой революции, поняв её утопичность, и всю организационную мощь направил на создание мощной индустриально развитой российской социалистической империи. В реальности, в большевистской среде выявились две позиции: ленинская гвардия — большевики-космополиты, которые были ориентированы на мировую революцию, и вторая — большевики-националисты, которую возглавил Сталин. Сталин, используя свою восточную хитрость, ловкость, мудрость, стал железной рукой строить новый социалистический мир. Энергетика сталинской партии новых меченосцев совпала с мощным энергетическим взрывом русского народа, продолжающегося с начала 30-х годов до середины 50-х годов прошлого века. Тогда многие русские люди верили в возможность построения нового мира. Поэтому неудивительно, что в то время имел место небывалый энтузиазм масс. Будем надеяться, что это был не последний энергетический взрыв русского народа.

Сталинская индустриализация, порой жестокая, особенно к крестьянству, оказалась спасительной перед лицом войны. Благодаря ей был сломлен стальной клинок фашизма, которому никто не смог противостоять, кроме русских. Нападение фашистов было ошеломляющим, Советская армия поначалу не могла им противостоять. Тогда встала задача: или спасти армию, или перевозить предприятия на Урал. Выбрали второе. Армия как могла сопротивлялась, гибла, а в это время шла эвакуация предприятий. И это оказалось политически верно. Уже в 1942 году заводы, эвакуированные на Урал, стали производить военную технику в большем количестве и зачастую лучшего качества, чем заводы Германии.

— *Да, упреки в адрес Сталина по поводу трагичных последствий коллективизации бессмысленны, если понимать, что это вынужденная необходимость...*

— Вся история трагична. И человеческая жизнь трагична. Взять, к примеру, промышленную революцию в Англии. Появилось фабричное производство, были изобретены ткацкие станки. Ремесленники, ткачи в Индии гибнут тысячами, не выдерживая конкуренции. Английское сукно продавалось по всему миру, прибыль шла огромная. «Новым дворянам» хотелось ещё больше прибыли. Но для получения сукна нужна шерсть, нужны овцы, следовательно, пастбища для них. Чтобы освоить территорию, сотни тысяч крестьян стоняют

со своих дворов. Дороги Англии наполняются толпами бродячих нищих. Потом издаётся указ о запрете бродяжничества (наказание при повторном нарушении указа — смерть), и обочины дорог Англии покрываются трупами людей. Работавших на фабриках детей за нарушение технологических правил подвешивали за ноги над кипящим чаном. И так далее. Поэтому, ни в коей мере не оправдывая огромных человеческих жертв, принесённых на алтарь сталинской индустриализации, всё же необходимо сказать, что и капиталистическая индустриализация не обошлась без жертв. Она, как известно, сопровождалась многолетними колониальными войнами, в которых уничтожались целые народы и древние культуры, происходило разрушение местного хозяйства, культивировалось рабство, насилие, распространялся голод и т.д. Эти «издержки» экспансии капитализма были никак не меньше, чем плата за индустриальный скачок в СССР.

— *Чеслав Станиславович, Вы считаете, что капиталистическая модель общества не для России?*

— В России не было капитализма в классическом смысле, как это было на Западе. У нас даже в дореволюционный период всё равно доминировала государственная собственность. Иначе невозможно было в такой огромной стране, с таким холодным климатом осуществлять строительство заводов и фабрик в далёкой Сибири и на Дальнем Востоке. Это говорит о том, что мы не выступали и не будем сейчас выступать в качестве прилаженного звена западноевропейской цивилизации.

— *Чеслав Станиславович, мои вопросы к Вам — это вопросы моего поколения. Мы не можем не задумываться: как восстановить полноценную жизнь своей страны — страны наших прадедов — фронтовиков, дедов — рабочих, учителей, врачей, инженеров?..*

— Восточнославянским народам необходима духовная мобилизация. Данную необходимость диктует актуальный характер вызовов обществу, которые в своей действительности сегодня проистекают не только из прошлого, но и во всё возрастающей степени продуцируются будущим и требуют адекватного ответа на них. Восточнославянские мыслители, озабоченные состоянием своих стран, должны противопоставить бесперспективности идей западников, занятых лишь торгом вокруг наиболее выгодной траектории встраивания восточнославянских стран в западноевропейскую цивилизацию, мобилизационный «проект будущего» опережающего, а не догоняющего характера, выявляющего оптимальные пути развития восточнославянских народов на собственной

культурно-цивилизационной основе, выдвинуть и обосновать собственную теорию, точнее, метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве.

При этом убеждён, что «вулкан истории» отнюдь не потух и способен к новым цивилизационным «выбросам». «Цветущее многообразие» (выражение К. Леонтьева) культур не оставлено навсегда позади, и «конец истории» ещё пока не наступил. Космогонические процессы образования новых миров (моделей) ещё, к счастью, продолжаются, и история остаётся открытой для творчества, для поисков новых, неизведанных путей развития. Всего за 30—40 послевоенных лет в мире появилась, наряду с атлантической, новая цивилизационная модель — тихоокеанская.

Нет поэтому никаких оснований с порога отрицать и возможность появления ещё одной модели — например, евразийской. Евразийская модель — это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на изживание раскола восточнославянских народов и внутрироссийского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Иначе говоря, проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта России и других восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современного постиндустриального общества Европы и Северной Америки, отсекая при этом всё то, что не соответствует историческим традициям и национальным интересам народов, составляющих эту общность, и ведёт к потере ими своей самоидентификации, своей осевой, центральной, смыслообразующей ценностной идеи.

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда развёртывалось в сфере духа — в ходе формирования оригинальной системы ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. «Не числом, а умением», силой духа формировались новые цивилизации.

Например, никому не известное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сель-

ское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые аравийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю — арабский халифат. Немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию и т.п. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, размера территорий и т.п.), но и от адекватного исторического выбора и от способности к конструктивному проектированию, то есть от субъективного фактора истории.

Сегодня восточнославянским странам нужны мыслители и практики с развитым чувством долга и чести, обладающие «длинной волей», способные силой мысли заглянуть за привычный горизонт событий. Именно они, используя свои творческие силы, могут выдвинуть и реализовать в ходе развернувшейся в нашем тесном земном мире битвы за будущее свой жизнеспособный проект восточнославянской цивилизации как регионального самодостаточного центра развития и силы. Противоречивость нынешней ситуации, растерянность общества могут быть преодолены лишь посредством той или иной формы подвижничества и интеллектуальной мобилизации.

Россия всегда была и будет богата героями и подвижниками.

Беседовала Ирина Ушакова.

МОЛИТВАМИ СЕРГИЯ

*(К 700-летию прп. Сергия Радонежского.
Фрагменты романа)*

Укутанное толстым, на манер персидского, ковром тумана это последнее утро последних тёплых дней уплывающего по Непрядве и Дону короткого русского лета было тихим и свежим. Уже и птицы не пели ранние свои гимны, а всё чаще собирались на совет, обсуждая будущий перелёт в края, где солнечно и тепло. Поля эти издавна назывались Куликовыми, но скоро не останется в ковыльно-полынно-ромашковой девственности непаханых степей ни кулика, ни стерха, ни иного журавля. Лишь снегири да зимородки будут хозяйничать в метельно-буранных перерывах на будущих снежных просторах этой степной вольности.

Тихо, свежо. Лишь временами выбрасывает туман из липко-густого чрева то храп беспокойной лошади, то звон тягучей тетивы. И только сороки в дубраве трещат и трещат с дикой тревогой, словно зная, что вот ещё чуть-чуть, ещё малость, ещё мгновение... И... Начнётся.

Начнётся? Что? Туман замер. Замерло поле. Замерли воды вольного Дона. Замерло время. Может, не надо? Может, рассеются туманные

ПРОЗА

сугробы и откроют лишь безбрежный покой донских берегов да девичьи косы Непрядвы, обвившие шею суженого своего? Да этот духмяный простор, сотканный из цветов, мёда, горьких трав, пчелино-шмелиного жужжания да птичьего пере-свиста.

Поздно. Уже развёрнуты полковые знамёна. Уже трубачи, привстав в сёдлах, поднесли к губам покорные трубы. Уже барабанщики срослись в единое целое с бешеным ритмом готового взорваться барабанного боя. Натянуты тетивы луков и арбалетов. Сторожевые полки ошетинились длинными копьями. Щиты, обречённые на избиение, последний раз любуются рассветом перед неминуемой казнью.

Тихо. Свежо. Плеснула по воде хвостом большая рыба. Ворон, прокричав трижды, взметнулся ввысь, чтобы лучше видеть. А темник хана поднял вверх свою почти железную, закованную в вечную броню руку.

И сейчас же тысячи стрел, зашипев зловеще, засвистев воровским посвистом, рванули в беспощадный полёт, укрыв до поры на стальных наконечниках тысячу маленьких, но настоящих смертей. Небо над полем стало чёрным и красным, в тон ханским калёным красным стрелочкам.

Велик аллах. Не выдаст он верных своих, обернёт в бегство и предаст смерти жалких и глупых русичей.

Темник сделал знак, и тяжёлая ханская конница, состоящая из племенной знати наследников Великой империи Чингизидов, двинулась на сторожевые полки московского князя, с каждым мигом наращивая скорость и мощь предстоящего удара. Такого удара не выдерживал никто. Никогда! Не выдержит и Димитрий.

В центре конной армии Мамая, молча, уверенно мчит сам темник. Поверх длиннорукавной кольчуги на нём доспех из позолоченных пластин, с пластинчатыми оплечьями и золотыми наплечниками в виде человеческих лиц. Золото купается в утреннем солнце. Резвится, играет в салки бесшабашный солнечный луч, добавляя азарта и удали пьянеющей от жажды боя коннице.

Рядом с ним обезумел от молодецкой удали ханский знаменосец, поднявшийся в рост на стременах, дразнит рвущимся из рук стягом обречённых на гибель москвитов.

Двигается, летит ордынская конная лавина — не остановишь. Стройны ряды знатных копейщиков, едва успевают за ними генуэзские наёмники, армянские конники, черкесы, родившиеся на конях и с саблями в отнюдь не младенческих руках. То-то будет потеха, то-то будет забава, то-то будет после пирушка коршунам да прочим падальщикам.

Глупый русский князь накануне переправил полки через Дон, отрезав себе путь к отступлению. Что же! Так тому и быть. Покончим разом и навсегда с москвитями и прочими ярославцами, суздальцами и ростовцами. Спалим дотла русские веси и леса, обратив их в вечную покорную степь, водрузив над нею стяги великого хана, нового Темучина, грозы миров, покорителя Вселенной!

Правда, перед самой битвой, по обычаям того времени, на потеху хану и воинам, сошлись в поединке на виду полков два ратника с обеих сторон. Два могучих витязя, два великана непобедимых. Оба пали, став первой жертвою будущей сечи. И рухнул ханский вой на родную степь. Содрогнулась земля, задрожала от удара. А русского ратника верный конь вынес к своим. Но это ничего не значит! Ровным счётом ничего. Участь Руси решена. И быть сей участи кровавой и слёзной!

На берегу смиренного Дона, за широкой полосой степного разнотравья, отделившего русские полки от речной стыни, лежал инок. Скуфейка, упав с головы, обнажила не знавшие девичьих ласк русые волосы. Страшная чёрная рана зияла на чёрном подряснике против того места, где был недавно нательный крест. Инок-воин глядел распахнутыми настезь слюдяными глазищами в синее осеннее небо. И небо, отражаясь в синеве застывших глаз, само стало огромными глазами, глядящими откуда-то из бездн времени и пространства на улыбавшегося Богу мёртвого монаха. По Непрядве сквозь неправды веков и мироправителей вдруг проплыла белая лебедь. О напрасно искать ту лебедь глазами, тщетно напрягать слух, дабы услышать трепет белоснежных перьев. Немногим, ой, немногим дано было видеть и слышать лебединую песню чистой, уходящей в горнее души.

Инок всё так же улыбался небу, а битва уже без краёв. Исполнившись ожиданием, вспенилась, вздыбилась... И тут, посреди свиста стрел, треска копий, ржания коней, стонов раненых и хрипа умирающих до слуха каждого бывшего в поле долетел голосистый звон невидимого колокола.

Бом... Ударил колокол. Да так, что споткнулся конь под ханским темником. Да так, что вздрогнули укрывшиеся за надёжной броней конные копейщики. Так, что шатнулся шатёр покорителя Вселенной золотоордынского хана Мамаю.

Бом... Слышат этот звон и русские воины. И те, кто принял уже на себя смертоносный удар железной ордынской конницы, и те, кто лежит втоптаный стальными копытами в жирную степную землю, и те, кто святым женихом готовится принять-полюбить свою суженую — слепую смертушку.

Бом... Слышит звон и князь Димитрий. Он снимает с головы золочёный шлем с кольчужной брамицей да со стальной и в золоте личиной, производящей лицо человеческое, и истово крестится на свой стан, где взирает на русские полки с иконной грустью-покоем Сама Пресвятая Владычица.

Бом... Катится, катится, катится по степному бескраю колокольный звон. Серебряный звон. Печальный звон. Скорбный звон. Золотой звон. Звон надежды. Звон правды.

Бом... И уже где-то там, в забытом сентябре, в день Богородичного праздника, в минувших веках, в уплывших с рекой столетиях остались сеча грозная, крики раненых, плач ломающихся мечей, злая песня лютой смерти.

А по полю, где некогда решались судьбы мира, шёл человек. И на плечах его сидел синеглазый малыш. Человек осторожно, словно боясь навредить, ступал на степной ковёр Куликова травного буйства. Ромашки, васильки, душица, клевер, тысячелистник, чабрец... О, не старайтесь назвать их все — напрасный труд. Человек шёл по полю, не опасаясь, что красная ханская стрела или тяжёлое с гривой копьё прервут его степной заплыв. Человек шёл по полю. Он был счастлив. Над ним синело бескрайнее летнее небо, под ним простирался вечный степной океан.

И вдруг... Бом... Эхо далёкого колокола достигло ушей человека. Он остановился, снял с плеч синеглазого мальчика и истово перекрестился в сторону Дона, туда, где почти шесть с половиной веков назад находился стан русского воинства.

Круг замкнулся. История догнала своё разыгравшееся эхо. Мальчонка, улыбаясь, соединил лучистое синеглазье с синовой небесных очей.

А по тихому покою совсем юного Дона проплыла, поигрывая снежными перьями, белая красавица лебедь.

Мальчик рассмеялся. Звонко, заливисто. Человек подкинул его вверх, поймал счастливого, усадил на плечи и зашагал себе дальше.

А у самого берега стоял себе неприметный старичок. И, глядя на лебединую снежность, на отцовскую нежность, на степное диво и колокольное чудо, лучился улыбкой. Уже скрылся из виду человек с мальчиком на плечах, скрылась лебедь — чистая душа. И колокол не тревожил более степной покой тревожно-нежными раскатами. А старичок всё так же стоял на берегу Дона. Стоял и улыбался. Этому полю. Этому Дону. Этому небу. И... Богу.

«О, русская земля, уже ты за холмом!» Так восклицал некогда князь Игорь, ведя полки походом на половцев. Краси-

вы и привольны были русские земли, но было их всё-таки не так много, как теперь. Мы едем уже третьи сутки, и нет конца и края этому природному совершенству.

Когда иные любители наук и статистики начинают вычислять, сколько Франций, Италий, Швейцарий и прочих стран могло бы поместиться на той или иной русской территории, мне становится скучно. Ни в километрах квадратных дело. Вообще, Гитлеру или Наполеону, прежде чем нападать на Россию, надо было бы проехаться поездом, обычным пассажирским, не экспрессом. Я думаю, оба они где-то за Челябинском заскучали бы, в Новосибирске стали бы пить сердечные капли, в Иркутске на них напала бы чёрная меланхолия, а к Хабаровску обоих бы вынесли из вагона на носилках, вперёд ногами.

Русь — это полнота. Географическая, этническая, социальная, языковая, религиозная. Это совершенство. Да, пусть живём мы не так сладко, как в тех же Швейцариях и Франциях. Но ведь живём же. Хотя миллион раз уже по всем прогнозам, подсчётам и расчётам должны были гикнуться и попытка отбросить. А мы живём. Не в Парижах и Женевах, а в бесчисленных Николаевках, Вознесенках, Ивановках. От названий наших населённых пунктов кружится голова: Конь-колодезь, Новый Режет, Бульбухта, Большое Струйкино, Гусь-Хрустальный, Добрые Пчёлы, Жидилов Бор, Устюжка Железнопольская, Большой Ужин, Сольвычегодск... Продолжать можно до-о-олго! Как-то в детстве за какой-то надобностью мне нужно было найти на карте село Талица. Так вот, только в Архангельской и Вологодской областях нашлось их штук семь. Каравай-каравай, какую хочешь Талицу выбирай.

А промыслы наши? Кто не знает эти названия: Гжель, Холуй, Хохлома, Дымково, Богородицк, Палех, Жостово, Вологда, Оренбург, Федоскино, Дулево?..

Русь — это полнота. Кажется, вообще невозможно сегодня произнести слова древнего русского князя о земле, оставшейся за холмом. Нереально это. Не верится, что где-то за поворотом, за холмом, за лесочком эта полнота вдруг может нарушиться. Не бывает такого. Не бывает и всё.

Третьи сутки едем. Далеко где-то остались Донские и Воронежские степи. Здесь, в Подмосковье, всё больше широколиственных лесов. Берёзки, берёзки, берёзки. Красотища! Дон остался позади. Ока. Впереди будут Волга, Нева. Мне посчастливилось. Я за свою жизнь повидал многое, видел, например, великие русские реки: Лену, Енисей, Обь, Иртыш, Амур. Может, конечно, Нил, который африканский, подлин-

нее будет, а Амазонка — более полноводна, а Ганг и вовсе обожествлён, но мои, во как сказал, мои реки всё одно милее, словно вытекают они не из слабых, затерянных в глуши истоков родников, а из собственных моих вен, протекая через всё моё тело и всю мою жизнь. Прекрати, например, Ангара своё течение, прекращусь в тот же миг и я, и сотни тысяч таких же, как я, сумасшедших чудиков, чуждых европейско-американскому социальному раю.

О, русская земля, уже вокруг меня ты.

Из Задонска мы выехали сегодня рано утром. Позавчера, уже поздно вечером, за нами прислали автобус из Воронежа, и во втором часу ночи мы были в паломнической гостинице Тихоно-Задонского монастыря. Утром на службу. Монастырь в Задонске чинный, красивый. Бирюзовое на бирюзовом. Соборы выкрашены в небесный цвет и в добрую погоду едва не сливаются с чистым небом, которого тут в изобилии. И только золотые купола молитвенными свечами пылают на солнце между синью соборов и синью небес.

Очень полюбился здесь всем нашим один старичок-схимник. Возникал он словно из ниоткуда. Вот только что никто его не видел, а теперь уже толпа народа теснится вокруг, того и гляди раздавят дедушку ненароком. Все нороят почему-то поближе, все убеждены, что это не простой старичок, а обязательно святой старец.

— Благословите, батюшка! — тянутся к нему люди.

— Не могу я благословлять, — смеётся в ответ старичок. — Не священник я, просто монах.

Но нашего брата-паломника не проведёшь. Раз куколь на голове да ещё и крестами украшенный с Адамовой главкой, значит, схимник, а раз схимник, то как есть святой молитвенник. И упорно тянутся к старичку ладошки для благословения. Схимник снова смеётся по-доброму, так, словно ребенок, пожимает протянутые ладошки и повторяет без устали:

— Не священник я, нельзя мне.

Постепенно толпа вокруг него редет, люди бегут по своим нуждам, кто к мощам приложиться, кто свечей прикупить и всё такое. Старичок наконец может продолжить свой путь, но не тут-то было. Появляется новая группа паломников и, не сговариваясь, все сразу бегут к схимнику под благословение.

Искупались мы в святом источнике, обедали и ужинали в монастырской трапезной. Пища в монастыре простая, без особых изысков, но питательная и полезная. А бывает настолько вкусная, что, кажется, ничего вкуснее в жизни не пробовал. Однажды в Дивеевском монастыре нас на послу-

шание повезли в дальний скит копать картошку. Картошка здесь реденькая и не такая крупная, как у нас на Кубани, но, худо ли бедно, нужное количество мешков мы накопили. Ну и сёстры в скиту решили нас накормить. Боже мой! Что это была за вкуснятина. Мы всё умяли и как один все попросили на радость сёстрам добавки. Сёстры действительно очень обрадовались, что угодили нам своей стряпнёй, а после, уже в монастыре, мы узнали, что оставили сестёр в скиту без обеда. Ведь готовили они по привычке только для себя, а тут мы, да ещё и добавку затребовали. Вот так.

Пока мы были в Задонске, нам из Майкопа отправили новый автобус взамен безнадёжно поломавшемуся. Такой же корейский, с таким же узким пространством меж кресел, но другой. Типа новый, извините за сленг.

И вот сегодня ночью, в четыре часа погрузили мы свои вещи в багажные отсеки, погрузились сами в не успевшее остыть от непрерывного бега нутро автобуса и, помолясь, продолжили путь. Женщины решили петь «Богородицу» подивеевски. Ну, это для тех, кто не знает, сто пятьдесят раз нужно спеть молитву: «Богородица дево, радуйся», через каждые пятьдесят молитв добавляя: «Отче наш».

Так, под молитвенное пение проехали Елец, Ефремов. Где-то в стороне остался Липецк. В Тульской области паломницы, охрипшие от пения и утомлённые дорогой, начали дремать. А я беспокойно заёрзал на своём мягком кресле, напряжённо вглядываясь в степную даль. Давно рассвело. И степь лежала ровненькая, умытая золотом утреннего солнца. Хорошенькая такая, как картинка из далёкого детства.

А я всё глядел, словно боялся прозевать нечто очень и очень важное. Что? Глупости, конечно. Просто... Где-то там, ну, правее, конечно, значительно правее, с трассы даже в бинокль не увидишь, но всё равно здесь, в этих местах вышли полки московского князя Дмитрия на смертельную сечу с бессчётным войском хана Мамай. Хан привёл с собой сто тысяч отборнейших ратников. Лучшее войско того времени. Лучшее.

Меня всегда занимало то, что в решающие мгновения истории русские воины в генеральной битве побивали войска именно лучшие из лучших. Пётр разбил самую лучшую в Европе на тот момент шведскую армию. Кутузов одолел не знающую страха и поражений великую армию Наполеона. Нахимов на парусниках разгромил паровой флот Турции. Ополченцы и необстрелянные бойцы сибирских дивизий отшвырнули от Москвы на сотни километров лучшие дивизии вермахта.

Вот и на Поле Куликовом сошлись, по сути, русские ополченцы и ордынско-европейские профи. Да ещё и на террито-

рии, принадлежавшей Орде. На вражьей тогда территории. Ну, это как если бы чемпиона города по боксу вызвал бы на поединок ваш одноклассник, хороший парень Витя Колесников, звёзд с неба в спорте никогда не хватавший, но решительный и упёртый. Чемпион согласился на поединок, но с условием, что драться будут в квартале диких боксёров, куда человеку без криминальной «крыши» показываться смертельно опасно, да ещё в драке он, чемпион, может пользоваться кастетом, цепью и финкой, а Витя не может.

И вот поединок состоялся, и к удивлению всего человечества Витя Колесников, несмотря на кастеты, финки, злобную поддержку отморозков — приятелей чемпиона, наваял этому чемпиону так, что тот бежал, отплёвываясь соплями и кровью, кварталов десять, пока не упал и не забился в истерику где-то в забытой людьми и Богом подворотне.

Утрирую? Сгущаю краски? Но разве что самую малость. В принципе, для того времени всё было именно так, ну, или почти так.

За два года до Куликовской битвы Дмитрий, будущий Донской, на реке Воже разгромил войско Мамаева воеводы Бегича. Татары переправились через реку и мощной лавиной с криками и гиканьем ударили по русским. Обычно ни одна армия не выдерживала подобного натиска, но русские полки держались крепко, ведь кроме копий, мечей и топоров имели они ещё и самое сильное оружие — мужество, плюс храбрость да ещё и упование на Господа Христа и Богородицу.

Русские не только сдержали натиск конных лавин Бегича, но и перешли в контратаку. С одной стороны по татарам ударил князь Даниил — союзник Дмитрия, с другой стороны удар нанёс московский окольный Тимофей. Окольный — это что-то вроде влиятельного чиновника в современном Министерстве иностранных дел. Он участвовал в приёмах иностранных послов, обеспечивал княжеские путешествия. Так вот в тот день на Воже Тимофей обеспечил очень уж радушный приём непрошеным послам из Орды. Сам Дмитрий ринулся на татар в центре. Не ожидал Бегич такого поворота. Не ожидали ордынцы, привыкшие к лёгким победам. Бились храбро, но дрогнули. Кто уж там первым бросил копьё и повернул верного коня в сторону спасительной степи — об этом мы уже не узнаем никогда. Но следом рванулось и всё остальное войско татар. Да хорошо бы спрятаться в степи, но позади была Вожа. Приток Оки. Не очень-то и глубокий. Вот только для закованного в броню коня и бронированного всадника и малая глубина обращается в бездну.

Множество татар было перебито на берегу. Ещё больше навсегда скрылись в мутных от крови водах Вожи.

Узнав о поражении Бегича, Мамай пришёл в неописуемую ярость. Скольких голов посёк он глупым рабам, стараясь хоть на мизинец утишить пылающий тысячью факелов гнев. Кровью погибших слуг клялся хан, что не успокоится до тех пор, пока не предаст Димитрия на самую страшную, самую долгую и мучительную смерть.

Но сразу же идти на Москву не захотел. Нет! Понимал, что Москва укрепилась, что с налёту, как пытался Бегич, русских теперь не взять. И стал собирать войско. Два года готовился. Два года! Сто тысяч самых-самых, лучших-прелучших, владеющих оружием и сидящих в сёдлах, словно боги, — вот что такое армия Мамаева. Кроме множества татар под ханские знамёна стали генуэзцы, ясы, касоги, литовцы и даже русские. Именно так. Рязанский князь Олег из страха за свои земли поспешил вступить с Мамаев в союз.

Не спешите осуждать несчастного. Таковы были нравы того времени. Правда за сильнейшим. А сильнейшим, бесспорно, считался Мамай. Да только забыл Олег завет предка Александра Невского. Правда и сила — не одно и то же. Бог не в силе. Бог в правде.

И правда возобладала над силой.

По случаю Куликовской победы, как говорят летописцы, была на Руси радость великая, но была и безмерная печаль. По убитым на Дону. До сих пор потомки героев Куликова поля поминают павших за Русь воинов каждый год в Димитровскую родительскую субботу. Каждый год!

Оскудела тогда земля русская, оскудела совершенно. Воеводами, слугами и всяким воинством. И от этого, вздыхает летописец, был страх большой по всей Руси, ведь некому было больше, взявши меч, стоять насмерть за родную землю.

Вот почему год спустя, придя на Русь, другой хан, Тохтамыш, не встретил русского сопротивления, разорил и сжёг Москву.

Вот она, за окном. Необъятная. Красивая. Шумная. Властная. Такую сожги поди, такая сама кого хочешь сожжёт.

Мы все зачарованно любимся окраинными пейзажами Кольцевой дороги. Вот она — Москва! Отсюда не видно золотых главок её церквей. Не видно гранитных набережных. Не видно суеты вечернего Арбата. Не видно стен древнего Кремля, выкрашенных утренним солнцем в красивый нежный цвет. Не видно Хитровского рынка и баррикад на Пресне. Не видно МХАТа, Большого и Малого театров. Но всё это здесь. Я вижу их. Вижу всю Москву. Вижу Ордынку с ротон-

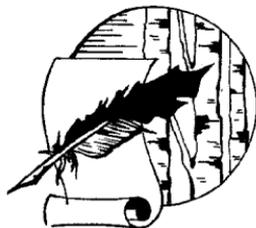
дой Скорбящинской церкви. Вижу Сретенку и народ. Крестным ходом встречающий Владимирскую Заступницу. Слышу колокольный трезвон, возвещающий о рождении в невзорванном вечном Чудовом монастыре венценосного наследника, будущего Царя-освободителя. Слышу, как вычерчивает знаменным пением старообрядный хор Николы в Берсеневе древнюю, неподвластную властям и времени молитву — наследие наших пра-пра-пра и ещё много раз прадедов.

И ещё вижу зарево. Страшное, останавливающее моё сердце, зарево московских пожаров. Так горела Москва при Наполеоне, так горела при Грозном царе. Так горела во время нашествия Тохтамыша.

Горят, горят посады и торговые ряды. Нет пощады ни церквям, ни боярским хоромам. И даже Кремль — белокаменное чудо Москвы — не умеет спастись от ненасытной утробы огненного чудовища. Горят хоругви, горят кресты, горят иконы. Горит древняя русская правда.

Отче Сергие, не остави нас. Моли Бога о нас многогрешных. Укrotи жадность огненного чрева. Спаси град сей от огня, нашествия иноплеменных и бесовского наваждения.

И Сергей слышит. И молит у престола Божия Самого Христа о прощении. За весь народ, за всю Москву, за всю Россию просит. И утихает пожар. И как на поле с выжженной стерней прорастают в новую весну сочные и щедрые всходы, так на московском пепелище вырастают, возрождается новая столица. Краше, богаче и сильнее прежней. Москва. Наша Москва.

Николай РАЧКОВ

ЛУГОВОЙ КОСТЁР

* * *

В войну игравшие мальчишки —
Мы просто бредили войной.
В своём брезентовом пальтишке
Я был не самый заводной.

Я заводным прослыл позднее.
Хватало — и с лихвой — в те дни
Постарше и поозорнее,
И посмышлёней ребятни.

Из крови, из огня и стали
Победный выкован венец.
Ах, как мы ждали, как мечтали,
Что вот он явится — отец.

Что он вернётся в самом деле:
Погоны, ордена — герой...
В сгоревшем танке мы сидели,
В заросшей яме под горой.

Мы шли в солдатские траншеи,
Шли за околицу, в луга.
Там, вытянув цыплячьи шеи,
В «штыки» бросались на «врага».

Бросались, то есть, друг на друга
На героической войне.
И было туго, было туго
Не раз не сдававшемуся мне.

Зато росла в груди бравада.
Ведь я в атаке до конца
Стоял за Родину как надо.
И за отца. И за отца...

* * *

Лягушки свои прославляют пруды,
Кузнечики славно играют на скрипке.
А мать у забора нарвёт череды,
Отмоет на ножках у мальчика цыпки.

Он за день так много успел повидать
В овраге, в пруду, во дворе, в огороде.
Он красных солдатиков бойкую рать
Нашёл на замшелой, на ветхой колоде.

Он видел, как ласточка кормит птенца,
С козлёнком делился он корочкой хлеба.
Крапива его обожгла у крыльца
И бык напугал, выходящий из хлева.

И вот он в постели.
В окошко слышны
Лягушек далёких вечерние трели.
И все его чистые, светлые сны
Качает луна в золотой колыбели.

ТАЙНА

Откуда и зачем? Бог весть.
Но в русском человеке тайна
Издrevле и была, и есть,
И эта тайна не случайна.

Никто не думает о том,
Как зря порою пропадаем,
Зачем, всё потеряв, потом
Щекой к берёзке припадаем.

В словах вовек не передать
Того, что душу беспокоит...
Но тайны той не разгадать,
Да и разгадывать не стоит.

КОСТЕР

Взрослеем мы, вперёд шагая год за годом,
Теряем в городах привязанность к земле.
Мне помнится костёр в лугах за огородом,
Картошку мы пекли в серебряной золе.

Лишь рыба иногда плеснёт в речном затоне,
Сверкнёт поодаль нас росистая трава.
А рядышком паслись стреноженные кони
И ухала в лесу пугающе сова.

Костёр нас согревал теплее одеяла,
Он отражал восторг и грусть ребячьих глаз.
Ах, сколько небылиц и сказок там сияло,
Каких мечтаний дым он навевал на нас!

Что он давно остыл под теми небесами,
Что даже пепла нет — не верю в этот вздор.
Я знаю: он горит, горит не угасая,
Для всех, кто не погас душою до сих пор...

В ПОЛНОЧЬ

Жутко, когда ты шагаешь полями
В полночь, пускай среди знакомых полей.
В небе вот-вот и подыметесь пламя, —
Столько рассыпано в небе углей.

Столько вокруг молчаливой тревоги!
Кто-то крадётся, по травам шурша.
Кто-то, незримый, метнулся с дороги,
Вздогнула робко и сжалась душа.

Светит луны золотая лампада,
Светятся в зёрнах алмазных кусты.
В мире огромном, понять это надо,
Только земля. Только небо. И ты.

* * *

Когда капель играет гаммы,
Люблю сквозь утренние сны

Звук открывающейся рамы
Ещё младенческой весны.

Когда глаза слепит от света
И всё звенит, поёт вокруг,
Люблю ромашкового лета
Цветущий оркестровый звук.

И мне в предчувствии разлуки
Средь увядающих аллей
Милы рыдающие звуки
Любимой осени моей.

Люблю, когда в парче старинной
Сверкают белые холмы,
И слышен тонкий, снегириный,
Почти стеклянный звук зимы.

* * *

Неужто тебе это больше не надо? —
Крахмальное платье весеннего сада
И дом, где от русской согреешься печки,
Где словно хозяйка заря на крыльчке.
За речкой колышется поле ржаное,
Всё в золоте тяжком от летнего зноя,
Громада далёкого тёмного леса,
И банька, и ласточки из-под навеса...

Ты знал ли, что всё это — Божья награда?
Неужто тебе это больше не надо?

* * *

В нём и днём удивительно звёздно,
Он шумит, всем удачу суля.
Я не знаю когда, может, поздно,
Но потянется город в поля.

Оборвавший все корни земные,
Утомившись от ложных утех,
Вспомнит кудри пригорка льняные,
Земляничный в берёзнике смех.

Вспомнит белый туман над оврагом
И овёс, весь алмазный от рос,
И услышит, как вдаль шаг за шагом
По долине идёт сенокос.

Весь в заторах и в суетных спорах
Он очнётся, куда-то спеша,
И деревню на русских просторах
Он отстроит, как просит душа.

Чтоб цвела она в силе и стати,
Вновь была в своей лучшей поре,
Чтоб грустила она на закате,
Чтобы пела она на заре...

«АНКЕТА С ТОГО СВЕТА», ИЛИ...

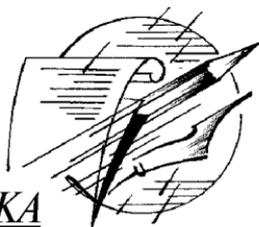
Небывалые вещи творятся в нашей жизни — что ещё вчера казалось нам сумасшествием, сегодня мы вполне серьёзно обсуждаем.

Когда-то казалось невозможным даже упоминать вслух об извращениях, названных медициной «педерастия», а Библией — «содомия», и совсем уже незачем было о них думать. Теперь — это центральная тема нашей жизни...

Перемены приходят незаметно

Несколько десятков лет назад, даже по астрономическим меркам совсем недавно, для общества было совершенно неприемлемо, чтобы женщины матерились, прилюдно курили и пьянствовали, носили одежду, не прикрывающую большую часть тела. Теперь они (ура Хакамаде!) матерятся даже со сцены, рожают ребёнка «для себя» и публично обнажаются в местах, называемых для политкорректности «стриптиз-клубами».

Родители совсем потеряли разум и сами ведут своих детей в повсеместно расплозавшиеся «школы танцев», где

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

обязательным последним пунктом обучения является «стрип-пластика». Или записывают четырёхлетних малышей в школы «танцев живота» — гаремных танцев, призванных привлечь внимание повелителя и выбрать для своих утех на сегодня именно эту танцовщицу. Выставляют крошек как товар на «конкурсах красоты младенцев», наряжая их во взрослые наряды, украшая макияжем, маникюром, накладными бюстами и вставными зубами, обучая дефилировать, вихляя бёдрами по подиуму на потребу педофильской фантазии.

Или отдают девочек в секции «женского бокса» и не видят ничего страшного в их занятиях «танцами на пилоне». Тем более что в нашей стране уже проводятся «чемпионаты» по стриптизу. Для несведущих, «пилон» — это шест, вокруг которого вертятся обнажённые стриптизёрши; его можно арендовать или купить и установить дома. Так сказать, и «для себя», и чтобы собственные детишки заранее привыкали. В России даже уже создана т.н. «Федерация танцев на пилоне», а её «господин президент» намерен добиться включения этих «танцев» в разряд олимпийских видов спорта.

И ведь делает, отчего нет? Смог же ещё один «господин президент» — «Всероссийской Федерации ЛГБТ-спорта» (то есть спорта для извращенцев) совершенно спокойно и официально зарегистрировать своё детище в юстиции и подать заявку на грант в Общественную палату РФ на финансирование «ЛГБТ-Олимпиады» сразу после Олимпиады в Сочи.

Толерантность — это вовсе не всепоглощающее дружелюбие, как нас обманывают. В медицинском смысле «толерантность» — это максимальная нечувствительность организма к возбудителю болезни. Бесчувствие. Нулевой иммунитет.

Есть ли смысл для нормального человека в уничтожении собственного иммунитета? Тем не менее, 16 ноября мы регулярно проводим в школах Международный день толерантности, а дети в течение года пишут сочинения, эссе и участвуют в разных проектах на эту тему.

Мы приучаем себя к мысли, что нечувствительность к болезни, полное отсутствие иммунитета — наивысшее наше благо и наиглавнейшая наша цель.

У болезни есть имя

Правда, верят в это не все — есть часть общества, у которой для веры есть другие идеалы. Ощущение болезни пока ещё сохранили в себе верующие люди — только они ещё анализируют обществу о том, что болезнь подступает. И что у этой болезни есть имя. Это имя — «грех».

Само это слово уже вытеснено из нашего обихода, и если кто-то захочет рассматривать реальность через категорию греха — неминуемо попадёт в разряд «фанатиков», «клерикалов», «ретроградов» и, страшно сказать — «гомофобов»! Говорить о нём немодно, говорить о нём опасно. Лучше сделать вид, что его нет. И поверить, что он от этого исчез.

Но не хотят верующие этого делать. И, выходит, теперь только они мешают всепобеждающему шествию содомократии в мире. Ах, если бы только их не было со своим вечным стремлением к борьбе с грехом! Победить их в прямом бою нельзя, но можно, пользуясь их доверчивостью, попытаться запутать и склонить к тому, чтобы они согласились с тем, что «чёрное не всегда чёрное», что «нужно это дело обсудить», «посмотреть с разных сторон», «выяснить разные позиции», «проявить терпимость» и «пожалеть». Ведь — толерантность!

Информационные технологии не стоят на месте, они уже столь мощно оплели и запутали всех нас, что контроль над реальностью, точка отсчёта для простого человека не всегда возможны. «Сон про не сон не есть сон не сон про сон, сон — это не сон, а не сон, это пересон, а пересон — не сон», — примерно так говорили герои в одном давнем фильме-сказке, показывая нам схему потери ощущения реальности в связи с изменением точки отсчёта.

Общество уже подошло к ситуации потери этой точки, и это столь явственно ощущается, что некими силами был даже осуществлён масштабный вброс в социальные сети материала про «Окно Овертона», который послужил холодным душем и отрезвлением для многих.

«Ах, вот как это происходит! Ах, вот что с нами делают!» — дружно выдохнуло общество и на миг приостановилось в стремительном движении вниз.

Но и текст про «Окно Овертона» не просто так появился в этот миг. Он таинственным образом возник в нужное время в нужном месте. Так сказать, «помощь друга». Возник именно тогда, когда грянул тщательно подготовленный удар, накрывший добрую часть страны. А большинство из нас даже и не заметили его сокрушительной мощи.

Выбираем варианты уничтожения

Начиная с января, часть жителей нашей страны стала волноваться: на православных ярмарках, выставках, на приходах, в школах и кружках стала распространяться некая анкета «АКСИО-4» одноименного центра, где авторы призы-

вают граждан России («неграждан» просят не беспокоиться) ответить, как они относятся к самым разнообразным извращениям.

Двенадцать страниц, более двух сотен вопросов. И — стойкое, нарастающее от начала к концу внушение: «В России могут быть перемены»; «в России грядут перемены»; «в России неизбежны перемены». И кратко, как выстрел, в конце: «Как их нужно произвести?»

А перемены включают в себя — это как раз и расписано — около пятидесяти позиций: извращения, вплоть до самых тяжких, с расшифровкой, чтобы не перепутать и всё знать, критерии для отобрания детей, право кого угодно на вмешательство в семью, наказания за гомофобию и трансфобию.

Оглушающее погружение в патологию: однополые браки; разрешение однополым семьям усыновлять или воспитывать приемных детей; добровольные сексуальные отношения с несовершеннолетними с 14 лет, с 10 лет, с любого возраста; этаназия, в том числе и детская; сексуальные отношения внутри семьи по взаимному согласию; обязательное включение занятий по сексуальному просвещению в программу дошкольного и школьного образования; многоженство и многожество; запрет на употребление слов «мать» и «отец» и замена их обозначениями «родитель №1» и «родитель №2»; легализация проституции; свободное, без возрастных ограничений, распространение порнографии, включая детскую.

Как вы относитесь к такому закону? К этому? А к этому?

Что будем решать? Разрешить? Обсудить? Допустить?

Хитрые вопросы, не менее хитро составленные ответы — сразу не разберёшь, как ответ соотносится с вопросом.

«Сон — это не пересон, а пересон — не сон»...

А вот и «всеобщий любимец» — закон, «устанавливающий, что пол человека не задан от рождения, а является следствием воспитания, и поэтому должен определяться свободным выбором родителей (опекунов) или самого ребенка, а затем выбранный пол должен обеспечиваться необходимыми медицинскими мерами (операциями и пр.)».

Что, никто не узнал? Так это же «закон о гендере»! Снова порешаем, есть ли в нём резон? А вдруг есть? Примем? Подумаем? Отложим?

А что сделаем с ювенальным уничтожением семьи? Тут предлагается целый набор законов: «требующий изъятия детей из семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (нехватка средств на воспитание детей, потеря жилья, потеря работы родителями, болезнь или смерть одного из родителей и пр.)»; «требующий изъятия детей из семей с пониженным

уровнем жизни (недостаток одежды и/или игрушек, недостаточная жилплощадь, недостаток фруктов в рационе и пр.)»; «требующий изъятия детей из семей с пониженным уровнем психологического комфорта (пьянство одного из родителей, применение обычных семейных наказаний: шлепки, подзатыльники, лишение сладкого и т.п., принуждение детей к выполнению домашних обязанностей, гигиенических норм или занятиям музыкой, иностранными языками и пр.)». «И пр.» всегда самое опасное: там могут быть и принуждение ребёнка к посту и молитве, учёба в православной школе и участие в церковной жизни, да и вообще — всё...

А ещё предлагается решить, «кому, каким организациям можно и нужно доверить решение вопросов о проживании детей в семье или изъятии детей»; «кто должен быть наделен правом решать вопрос об изъятии детей из семей?» И — варианты рассыпью: опека, ОВД, школа, церковные организации, НКО, коммерческие организации (на основе тендеров и конкурсов), выборные органы, родительские комитеты, суд. Что выберем?

И над всем этим: «Эти изменения *могут произойти* под давлением Европы и части мирового сообщества, которые *уже значительно поменяли* свои ценности и нормы в этих вопросах»; «во многих странах они *уже законодательно разрешены*»; «во многих странах законодательство, касающееся семьи и детства, *меняется, принимаются новые законы*, а старые отменяются», «в России *намечаются значительные изменения* в отношении законодательства относительно семьи и детства».

Сопrotивление не планируется

От такого натиска трудно защититься. Отбросить в сторону? Но авторы анкеты уже спросили: «Считаете ли Вы себя верующим человеком, и, если да, к какому вероисповеданию себя относите?»

Посетитель православной выставки с радостью и благодарностью («ого, кому-то это интересно!») засвидетельствовал свою веру и тут же попал под прицел совестливости: «Результаты опроса могут повлиять на то, будут или не будут произведены в России законодательные изменения, описанные выше, а также подобные им»; «Ваше мнение повлияет на то, как именно будет развиваться в России законодательство и практика в отношении семьи, детства и отношений полов».

Тут уж не вырваться, и придётся читать всё это непотребство до конца.

А вопросы неумолимо делают свою работу: «Как вы думаете, каким образом в России *должны приниматься* решения об изменениях в законодательстве по вопросам семьи и детства?»

Выбирая из предложенных вариантов, можно и не заметить, что нет ответа «никак не должны». Да и, собственно, какое «не должны», когда весь мир всё это уже принял (нам же ясно написали!) и на нас давит, «требует от России изменений в законодательстве о семье и детстве».

А вот в анкете и сам этот «мир» — «международные организации, такие, как ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения), ЮНИСЕФ (Международный детский фонд), ООН (Организация Объединенных Наций) и другие, которые «для этого и существуют, чтобы во всем мире были одинаковые законы». О, наконец-то нам разъяснили, для чего они созданы...

«О чудный, дивный мир!», в который погружает нас волшебная анкета. Ганс-крысолов увлекает неразумных мелодией своей дудочки. Почему они его слушают? Куда они идут? И кто они после этого?

Сладкоголосая Птица Сирин

Былина о Садко хранит образ коварной Птицы Сирин, сладкими песнями заманивающей моряков на рифы, где они и находили свою смерть.

Анкета «АКСИО-4» не прекращает увлекать «граждан России» на свет маяка — «борьбы за ценности». В данном случае, псевдосвет псевдоборьбы. За слепящими лучами красивых слов о долге — кипящие буруны разрушающих сознание утверждений, понятий и слов.

Таящая скрытые цели анкета составлена чрезвычайно грамотно и высокопрофессионально. С использованием техник манипуляции, подмены понятий, приёмов НЛП (нейролингвистического программирования).

«А давайте-ка мы с вами поговорим о зле! Какое оно бывает. Нужно ли нам с ним соглашаться. А если нужно, то когда. И нужно ли не соглашаться. И если не нужно, то почему. И в каких ситуациях могут быть разные варианты. И когда нужно идти за всеми. И как привыкать к новым нормам, к которым уже привыкли все остальные. И искать способы, чтобы помочь привыкнуть остальным. Или заставить. И вообще, давайте проголосуем, мы за зло или нет».

Любая манипуляция — бесчестность. Скрытное намерение с целью обманом заставить делать что-то нужное для

обманывающего. Увлечение в противоположную от выбранной цели сторону. Сладкая песнь Птицы Сирина, за которой — бесконечный сон на дне тёмной бездны.

Привыкать к новым нормам

Заставив опрашиваемого вкусить весь яд анкеты, авторы ловко — «следите за руками» — взламывают его защиты и перетасовывают привычные представления.

Кто-то раньше полагал, что «мужеложство, мужской гомосексуализм, лесбиянство, женский гомосексуализм, педофилия, инцест, эвтаназия, произвольная перемена пола, однополые браки, усыновление и воспитание детей однополыми семьями» — это патология, грех?

Ан нет, в анкете это — «различные особенности поведения и образа жизни, которые по-разному воспринимаются людьми в разных странах».

Да здравствует толерантность!

И требуется здесь всего-то отметить, как они воспринимаются большинством: «норма, болезнь, легкомыслие, ошибка, преступление, героизм».

Градация греха по степени приемлемости.

А вот и обычные радости нашей жизни: «многодетность (более 3 детей)»; «воспитание детей в традициях семьи, в т.ч. религиозных»; «отношение к детям и семье как к высшим ценностям»; «усыновление сирот и воспитание приемных детей».

В одном ряду с извращениями. И к ним тоже — «норма, болезнь, легкомыслие, ошибка, преступление, героизм».

Всё смешалось. Вернее, смешали — умело, целенаправленно и жёстко. А потом закрепили — предложили определить приемлемую «степень публичности» для всех этих «особенностей поведения»: «вообще недопустимо»; «допустимо только без свидетелей, это должно скрываться»; «допустимо на людях, но только в специально отведенных местах»; «допустимо в любых публичных местах»; «можно рекламировать и пропагандировать для всего общества»; «должно быть признано нормой поведения, а дискриминация запрещена законом».

К чему из этого списка можно отнести опасность дискриминации — к многодетности, воспитанию детей, усыновлению сирот? Чтобы гражданин не запутался — ему кидают подсказку: «Можно пить пиво дома в одиночестве, можно в компании и на людях, можно заниматься пропагандой пива как самого лучшего отдыха, а можно создать «Партию любителей пива» и бороться за принятие законов

об обязательном питье пива раз в месяц, а также *против дискриминации прав любителей пива вблизи детских учреждений*».

Такой вид дискриминации у всех на слуху — это пикеты извращенцев с плакатами «Гомосексуализм — это нормально!» возле детских садов и библиотек. Любимые «НЛП-якоря»: сразу включается нужная ассоциативная связь и подбирается нужный вариант ответа.

Но ответ тут — дело вторичное, главное — ценностные установки, их трансформация. Насильственная, мощная, неотвратимая: «А давайте-ка рассмотрим грех!»

И это всё о нём

Суть происходящего — в собственноручной сдаче позиций христианством.

Приём ревизии греха — не нов. Он уже успешно отработан: в ноябре минувшего года по всем епархиям Римской католической церкви был разослан опросник из 39 пунктов, призванный выяснить отношение католиков *всего мира* к самым важным семейным проблемам: к разводам и абортam, к однополым бракам и к возможности усыновления такими парами детей, к «месту традиционного брака как союза между мужчиной и женщиной в современном обществе», о том, какие методы контроля за рождаемостью наиболее эффективны.

Это — и пробный шар, обкатанный на западном христианстве, и начало процесса, который может полыхнуть по всему миру. Если восточное христианство с этим согласится.

И вот тут разворачивается главная интрига. На пути мировой содомократии стоит Россия. А в России — Русская Православная Церковь. И поэтому она сейчас и подвергается мощнейшим ударам изнутри и снаружи. Но сломать связанный пучок невозможно, а вот каждый прутик по отдельности — очень даже запросто.

Чем держится христианин? Истиной, различением добра и зла, греха и добродетели. Забери у него это зрение души — и чем он будет отличаться от махрового либерала?

Что такое грех? Это то, что нельзя делать. Никогда! Да, трудно. Но, оступаясь, падая, снова поднимаясь, человек по-прежнему видит перед собой ориентир, норму, идеал. И стремится к ним, оплакивая (как учит Церковь) свои грехи.

А что такое ревизия греха? Это отказ от образца, от самого стремления к идеалу. Всё относительно: что мне сегодня хорошо, то и норма; как все кругом поступают — то и мораль. Как в Содоме и Гоморре. О чём тут плакать?

Понятие греха — это спасение; отказ от запрета греха — это, конечно, богоборчество, и придумывать тут нечего.

«Кто нам мешает, тот нам и поможет»

В Италии в рамках проведённых предварительно локальных опросов выяснилось, что большинство католиков уже поддерживает аборты и разводы.

В российском обществе по-прежнему на безнравственность реагируют люди верующие. Только им пока «до всего есть дело». Они на духовном уровне ощущают, что от удержания нормы в жизни зависит удержание самой жизни. Иначе — расчеловечивание. И — тупик, крах.

Именно на верующих и нацелена анкета «АКСИО-4», которая должна достичь двух равновеликих целей: повредить сознание верующих, нивелировать грех в их сознании и затем представить результаты этого разрушения в виде зафиксированной масштабной статистики примерно такого содержания: «Большинство православных граждан России считают, что инцест и педофилия — «в каких-то случаях правильно, в каких-то — нет», «произвольная смена пола — это героизм», а отбирать детей у родителей теперь должны «коммерческие организации (на основе тендеров и конкурсов)».

Все эти позиции есть в анкете, и вполне возможно, что православные уже внесли в неё именно такие ответы. Запутавшиеся в иезуитских хитросплетениях формулировок, неискушённые в коварстве, привыкшие доверять людям, верящие любому, кто скажет: «Я — свой!» В этом их сила, но и уязвимость. И именно это сейчас хладнокровно и цинично используется.

Самое печальное во всей этой истории — то, что ревизия греха уже началась: многие из прихожан православных храмов по-прежнему широко распространяют эту анкету и горячо призывают друзей её заполнять. Они реагируют на слова «от вас сейчас зависит» и не вчитываются особо в прочее. Они относятся к этому, как к миссии, они хотят послужить стране. И в ответ их бессовестно используют.

«Окно Овертона» соединяет наш мир с преисподней. Люди, по определению воюющие с грехом, своими руками введут грех в нашу жизнь. Сами уничтожат свои ценности. Незаметно и безболезненно. Не понимая этого. С ощущением гордости за честно сделанное дело.

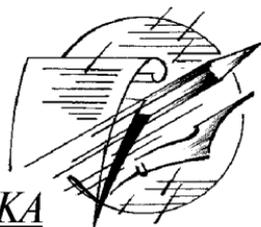
Святые отцы говорили: «Нельзя беседовать с пороком».

Неужели прозрение должно прийти со многими скорбями?

Ирина МЕДВЕДЕВА
Татьяна ШИШОВА

«АДСКАЯ МАШИНА» МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

Вскоре после принятия Россией так называемого «Закона Димы Яковлева», запретившего усыновление Америкой российских сирот, в американский сенат поступил законопроект Children in family first (CHIFF) («Ребенок в семье — самое главное»), согласно которому международное усыновление и контроль за службами защиты детства в других странах должны стать «приоритетным направлением внешней политики США», наподобие «распространения демократии». При конгрессе США предлагают создать специальную структуру, которая бы оказывала давление на суверенные государства с целью снятия всех ограничений для международного усыновления. Одновременно США должны оказывать давление на страны, побуждая их к закрытию детдомов и перемещению детей во временные семейные приюты («фостерные», «патронатные» семьи), где они будут ожидать усыновления (в том числе в США). Закон пока не принят, но уже сам факт его возникновения свидетельствует о том, что получение доступа к несовершеннолетним гражданам других стран становит-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ся принципиально важной стратегической целью внешней политики США в борьбе за их геополитические интересы.

В этой связи необходимо самым внимательным образом отнестись к тем инициативам в области реформирования детских домов и профилактики сиротства, которые продвигают в России прозападные НКО и ряд чиновников, способствовавших в последнее десятилетие внедрению в нашей стране так называемой ювенальной юстиции и ювенальных технологий.

Суть предложений этих лиц и организаций сводится к следующему:

— Они настойчиво предлагают расформировать детские дома. Часть из них закрыть, а часть превратить в пункты временного содержания детей и реабилитационные центры, наделив их функциями активного поиска «замещающих семей»: усыновителей, опекунов, приемных семей, патронатных «родителей» (в полном соответствии с американским законопроектом).

— Вместо государственных детдомов предлагается развивать систему частных приютов, по примеру Финляндии и других западных стран (см. статью в «Известиях» «Детей отдали на аутсорсинг»).

— Под предлогом ранней профилактики и выявления семейного неблагополучия предлагается существенно облегчить доступ в семьи для чиновников опеки, соцработников и представителей НКО.

— Предпринимаются усилия для создания общероссийского банка данных фактически о каждой семье, имеющей несовершеннолетних детей, и установления над семьями в социально-опасном положении и трудной жизненной ситуации «социального патроната». Внедряемая в Москве программа «соцпатроната» по существу является продолжением программ Агентства международного развития США (ЮСАИД) по оказанию помощи в реформировании службы защиты детства в России», формально закончившихся в 2009—2010 гг. В эту программу был вовлечен Фонд Горбачева, а также Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Соцпатронат в Москве продвигает зам. руководителя Департамента социальной защиты населения Алла Зауровна Дзугаева, которая в 90-е гг. была инициатором создания при Министерстве образования консультативно-правового агентства «Право ребенка», положившего начало большому бизнесу международного усыновления.

Кроме того, в Государственной думе находится проект федерального закона № 249303-6 «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». В нем пря-

мо говорится о том, что у любой семьи, нуждающейся в социальном обслуживании, будет социальное сопровождение (ст.7), включающее в себя назначение семье обязательных условий, отказ от выполнения которых влечет за собой отказ в предоставлении социальной помощи государства (ст.24). При этом среди видов социальных услуг значатся содействие в семейном воспитании детей, услуги в целях защиты законных прав и интересов. Это тот же социальный патронат, навязываемый семье под видом социальной помощи. То есть фактически прозападные силы продолжают навязывать России систему ювенальной юстиции, против которой в последние годы активно протестует родительская общественность.

Учитывая явно выраженную заинтересованность наших геополитических противников в разыгрывании карты защиты сирот и детства в России, можно сделать вывод о том, какие это таит риски и угрозы для нашего государства:

— Неизбежный рост социальной напряженности. Тема вторжения чиновников в семьи и неоправданного изъятия детей на сегодняшний день уже достаточно разогрета. По всей стране активно действуют родительские организации, созданные снизу с целью защиты семьи от «ювенальщиков». Выступление президента Путина на Всероссийском родительском собрании 9 февраля 2013 года позволило общественности надеяться на то, что верховная власть не допустит разрушения семей под прикрытием защиты детских прав. Однако развернувшаяся в последние месяцы массированная кампания по противодействию «жестокости обращению с детьми в семьях», выделение больших средств на соцпатронат в Москве, продолжение необоснованного изъятия детей из семей в регионах России (напр., в Забайкалье), принятие в первом чтении вышеупомянутого законопроекта «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (вопреки обещаниям президента не вводить соцпатронат без согласования с родительской общественностью) вызывают, мягко говоря, недоумение у множества родителей. В случае дальнейшего продвижения вышеупомянутых ювенальных инициатив недоумение быстро перерастет в недовольство, а те прозападные защитники прав ребенка, которые на всех уровнях внедряют подобные инновации, в нужный момент переведут стрелки, объявив главным виновником страдания семей президента страны, который якобы обманул родительскую общественность. И очередная «Болотная площадь» получит хорошее пополнение своей массовки.

— Предоставление частным организациям, в том числе иностранным, возможности беспрепятственно вторгаться в

семьи, собирать информацию личного характера и влиять на поведение взрослых и детей создает широчайшие возможности для шпионажа и манипулирования. Учитывая, что кризисы «трудной жизненной ситуации», «семейного неблагополучия» и «социально-опасного положения» неоправданно широки и размыты, под прицел могут попасть и семьи военных, и сотрудников органов безопасности, и чиновников, принимающих ответственные решения на тех или иных уровнях. Это создает прямую угрозу безопасности нашей страны. В данной связи очень большую обеспокоенность вызывает сотрудничество «Фонда помощи детям в трудной жизненной ситуации» (руководитель М. Гордеева) с сетевой американской компанией «American way of life» («Американский образ жизни», сокращенно «AMWAY»). В частности, через «Фонд помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации», AMWAY активно участвует в финансировании проектов по продвижению западных технологий в духе американского законопроекта CHIFF, московского «соцпатроната» и т.п. Между тем эксперты, изучающие новые религиозные движения деструктивного и тоталитарного характера, относят эту компанию к разряду опасных коммерческих культов. В октябре 2013 г. AMWAY специально открыла благотворительный фонд «В ответе за будущее», который должен участвовать в реформировании системы защиты детства в России по моделям западных систем.

— Весьма серьезную угрозу представляет и поспешное реформирование детских домов с передачей наших детей в фостерные, замещающие семьи. Это существенно снижает контроль за воспитанием и содержанием сирот со стороны государства (в фостерных семьях на Западе уровень насилия над детьми зашкаливает) и создает широкие возможности для извращенцев удовлетворять свои патологические потребности, да еще получая хорошие деньги в качестве «патронатных воспитателей». (Симптоматично, что документальный фильм «Мама, я тебя убью», в котором рассказывается об «ужасах» детдома и привлекательности фостера, сняла Елена Погребижская, которую называют «одним из хедлайнеров лесбийской культуры России XXI в.»). Но, быть может, самое опасное то, что передача детей в фостерные (патронатные) семьи широко открывает двери сектам. В том числе политически очень активной секте неопротестантов-харизматов, сыгравших немалую роль в украинской «оранжевой» революции 2003 года. Собственно говоря, харизматы, при активной поддержке США, и организовали кампанию «Мир без сирот», направленную на уничтожение детдомов по все-

му миру и передачу детей в «христианские» (читай: сектантские) семьи. Альянс «Россия без сирот» и «Украина без сирот» возглавляются активистами данной секты. По признанию руководителя «Альянса Россия без сирот» неопротестанта Ивана Иклюшина, в Санкт-Петербурге до 80% усыновителей (не родственников) — это сектанты протестантского толка, в том числе харизматы. Раздача детдомовцев в такие «надежные руки» чревата тем, что уже в ближайшее время соответствующим образом обработанные дети и подростки будут задействованы в разного рода подрывных акциях и уличных беспорядках.

В свете вышеизложенного, учитывая, что главный интерес США в аспекте «борьбы с сиротством» состоит в пополнении своего демографического ресурса, а также в оказании глубокого влияния на несовершеннолетних граждан других государств с целью изменения их сознания в духе приверженности США и с целью формирования обширной «пятой колонны» в странах-конкурентах, считаем целесообразным:

— Полностью запретить международное усыновление российских детей. В тех странах (напр., в Румынии), где это было сделано, число изъятий детей из семей резко сократилось, ситуация начала оздоравливаться.

— Существенно увеличить материальную помощь кровным семьям с детьми. На данный момент имеется резкий перекос в сторону финансирования «замещающих семей» (опекунских, патронатных). Если действительно стараться улучшить ситуацию с сиротством в России и повысить рождаемость (задачи, диаметрально противоположные геополитическим интересам США), такого перекоса быть не должно.

— Не торопиться расформировывать детские дома и по вышеуказанным причинам, и потому, что процент возврата детей достаточно высок. В результате дети могут оказаться на улице. А прозападным правозащитникам это даст лишний повод добиваться отмены «Закона Димы Яковлева».

— В случае утраты детьми родителей всячески стимулировать усыновление или опеку кровными родственниками (в последние годы службы опеки нередко чинили таковым препятствия, отдавая детей за границу или пристраивая в «замещающие семьи»).

— Сузить и четко определить критерии, позволяющие изымать ребенка из семьи. Эти случаи должны стать единичными. Кроме того, необходимо ужесточить ответственность чиновников за неправомерное вторжение в семью и, тем более, за изъятие детей (соответствующий законопроект подготовлен юристами родительских организаций).

— Приравнять НКО, занимающиеся вопросами защиты прав детей, демографии и семейной политики, получающие средства из-за рубежа, а также выполняющие совместные программы с иностранными и международными организациями, к иностранным агентам, поскольку их влияние на семейную политику и защиту детства в России преследует в данный момент губительные для нашей страны политические цели. Это позволит отсечь от российских детей деструктивные секты и прочие силы, действующие отнюдь не в интересах Российского государства.

— Решительно изменить информационную политику, усилив меры ограждения детей и подростков от информации, наносящей вред их психическому и нравственному здоровью, и, напротив, гораздо шире представлять информацию, формирующую у молодежи установки на патриотизм, создание крепкой семьи и воспитание детей, верность семье и Родине, нравственный образ жизни, культурные, а не контр-культурные интересы.

РАССКАЗЫ

У ОСТРОВА ЯГОДНОГО, ВЫШЕ КОРДОНА

В пору гроз и созревания ягод в леспромхозовской больнице умирала старуха Карначиха. Умирала тяжело и беспокойно, как тяжело и беспокойно жила. Сварливый её характер и вовсе испортился, когда сын Сашка, вернувшись из мест не столь отдалённых, но строгорезжимных, привёз с собой разведёнку Надюху с девчонкой. Старуха сразу окрестила сноху Рябухой: по созвучию ли с именем, оттого ли, что когда-то работала на старой пилораме, на которой постоянно пробуксовывала рябуха.

— Наживёшься ты с ней, с Рябухой-то, сядет она тебе на шею, — высказала сыну свои опасения Карначиха, — и девушку посадит.

— Я сам — репей добрый.

— Ты — репей? Из таких репьев кисель варят да младенцев поят.

— Ну, ты не хрендучи! — взорвался Сашка. Был он действительно из репыстых, но не из тех, которые для киселя.

— Не хрендучи... это на мать-то... — заголосила старуха. —

ПРОЗА

Столько лет ждала, столько передачек переносила, куска сладкого не съела... А он за Рябухой потянулся.

— Ты меня куском не кори.

И пошло, и поехало. Мало было радости в доме старой Карначихи, а здесь и вовсе скандалом запахло. Только две ночи и ночевали молодые в доме матери, на третью — перебрались на Кордон, где после войны жили лесники, отпуская лес хозяйствам заречных деревень и индивидуальным застройщикам, пополняя деньгами государственный бюджет, а, случилось, и карман собственный. Но пришли времена, когда здешние леса объявили «водоохранными», сплошные рубки запретили, а лесничество перевели на новое место. С тех пор остались на Кордоне несколько забитых домиков, в одном из которых среди жёлтых песков и сосен на самом крутояре реки поселился с разрешения леспромхозовского начальства Сашка Карнаков со своей Рябухой.

Здесь, у крутояра, река делала неожиданную излучину на северо-восток, раздваивалась, образуя остров Ягодный, получивший своё название от обилия ягоды облепихи, щавельно-кислой и целебной. Остров с берега виделся совсем близким: в солнечные дни на нём как будто просматривались отдельные лучики облепихи. Но обманчива речная даль, и, конечно, нельзя было рассмотреть отдельные кусты, просто играли на воде солнечные блики, яркие и золотистые, цвета спелой облепихи.

— Сань, — сказала Надюха, когда они стояли в первый свой вечер на краешке крутояра. — Почему будто берег под нами плывёт?

— С непривычки это! — засмеялся Сашка. — Река от нас убегает, а кажется, что берег движется. Мне, когда мальчишкой был, тоже так казалось.

— А я так бы и поплыла вместе с рекой!

— Поплаваем, Надюха. Мотор у меня старенький есть. Вот только лодку построю — и поплаваем.

Хорошее настроение было у Карнака в дни возвращения в родные места, хоть поругался он с матерью, хоть получилось так, что мать их с Надюхой и Светкой из дома попросту выводила.

На работу Сашка устроился в леспромхозовском посёлке — рамщиком. И на удивление всем оказался мастеровым мужиком: мотаясь не по своей воле, выучился он на крановщика и электрика, дизелиста, а на пилораме ему приходилось работать и раньше. А что касается работ плотницких, точности удара и глазомеру подивился даже бригадир Голошапов, который и предложил однажды:

— Айда, Карнак, ко мне в бригаду?
— А этого не надо? — Сашка сделал смелый и выразительный жест.

— Ну и дурак! — обиделся Голощапов.

— Зажми... в кулак, — снова отпаривовал Сашка, хотя никакой злости к бригадиру Голощапову не испытывал, на авторитет не покушался. Просто была у него, как он сам выражался, дурная привычка вызывать таким образом «на проверку соотношения сил», за что и отбыл Сашка два срока, как было замечено в местах строгорежимных, где и освоил он для будущей правильной жизни нужные и не особенно нужные для него специальности.

Но не это удивило жителей лесного посёлка: в родове у Карнаковых ни у кого из рук топор не выпадал. Другое удивило: Карнак оказался на редкость домовитым хозяином, в одночасье поправил полуразрушенную ограду, перекрыл новым тёмсом крышу, из старых бросовых труб принялся сооружать водопровод, намереваясь поднять воду из реки почти на пятиметровую высоту. А в перерывах между делами строил Карнак лодку. Не плоскодонку, какие строили для себя леспромхозовские мужики, а с килем, с диковинной носовой частью и резной кормой.

Первой помощницей и советчицей была у Сашки его приёмная дочь: молоток ли поднести, подать ли гвоздь — Светка тут как тут, ни на шаг не отходит.

— А как мы её назовём? — интересуется Светка.

— А это вы с матерью решайте!

— Чайка! — решает Светка.

— Можно и чайка, — соглашается Карнак. — Хотя чаек на нашей реке и без того хватает.

— Светка, домой! — кричит с порога мать.

— Некогда нам. Мы с папкой пароход строим! — отвечает Светка.

Молва о пароходe дошла до леспромхозовского посёлка. Пришёл полюбопытствовать Голощапов, внимательно осмотрел будущую лодку, сдержанно похвалил:

— Добрая посудина! А как насчёт остойчивости? — спросил. Любил он шегольнуть мудрёным словом, поставить собеседника в тупик.

— С остойчивостью — в ажуре! — не дал себя поймать Сашка.

С тем и ушёл Голощапов, хотя в «стойчивости посудыны» крепко усомнился и подумал, что на такой ладье проделать «путь из варяг в греки» довольно мудрено, а вот на дно — дело верное.

Неожиданно, когда строительство подходило к концу, когда оставалось проконопатить да просмолить лодку, на берегу появилась Карначиха. Посмотрела на новую крышу, на новые столбы ограды.

— Горби, горби, — сказала не столь сердито, сколь укоризненно. — У матери вон крылечко совсем развалилось, хоть совсем сгори.

— Но ведь не горишь. А крыльцо завтра наладим! — миролюбиво сказал Сашка.

— Крыльцо мне Голощاپов отремонтирует, а ты лучше Рябуху катай, пусть она тебе песенки поёт.

— Какие песенки? — несмело спросила Светка.

— Всекие! — отрезала старуха и неожиданно затянула:

*Мы на лодочке катались,
А под лодочкой — вода,
Бело платье замочила —
Дайте розово сюда...*

Зло пропела эту знакомую с детства частушку, и Сашку снова взорвало:

— Тебе что от меня, мать, надо? Не пью, не гуляю, по посёлку не болтаюсь. Роблю... надо крыльцо — сделаю крыльцо, ворота надо — и ворота сделаю.

— Роблю... на кого роблешь-то? — запричитала старуха. Вырастила... Выкормила... Приехал — и глаз не кажет. Меня еле ноги несут.

Светка домой пустилась, за ней ушёл Карнак, и долго на берегу слышались причитания старухи, ругавшей в перерывах новую крышу и поправленную изгородь, водопровод и лодку, сына и его Рябуху. С тем и ушла с берега, а к вечеру от высокой температуры свалилась старая Карначиха. Верно, и впрямь едва носила ноги.

О болезни матери Сашка узнал только через три дня, когда уже лодку спустил на воду. Отпросился на работе, забежал на Кордон, захватил Надюху. Мать за эти дни точно подменили: скулы заострились, глаза впали, но смотрели зорко и недобро.

— Ты бы, мать, переходила к нам! — сказал Сашка. — Одной-то и болеть скучно.

— Мне по чужим квартирам шастать некогда, — твёрдо ответила Карначиха.

— Да разве мы — чужие? — попыталась вставить слово Надюха.

— Нашлась родня! — выдержала характер старуха. — Вон глазами-то по углам шарить. А чего шарить — шарить нечего. Умру — всё ваше: и солонка, и заслонка.

— Да что я вам сделала, — заплакала Надюха.

Но Сашка, зная характер матери, постарался перевести разговор:

— Может, в больницу, мать?

— К миротворцам этим? — сказала старуха.

— К каким миротворцам?

— К докторам! — перевела старуха. — Которые мир над живым человеком творят.

— Ну, ты, мать, даёшь! — изумился Сашка. — Тебя надо в кино снимать, по телевизору показывать вместо Юлии Белянчиковой.

— Юлиев никаких не знаю, а в больницу — не сплавите. Мне белеленей не требуется!

— Бюлетеней, — поправил Сашка.

— Для меня белелень! Я всю жизнь проробила.

— Поедем к нам, — снова сказал Сашка.

— Здесь родилась, здесь и умру, — сказала старуха, твёрдо сказала, как отрезала.

Крепко держалась Карначиха, но крепко держала Карначиху и хворь: никак не удавалось сбить температуру, проваливалось сознание и тогда в беспомощности ругалась старуха темно и злобно, проклиная всех святых и нечистых, близких и дальних, живущих на земле и давно померших. Так, в беспомощности на пятые сутки и увёз Сашка мать в леспромхозовскую больницу. Врач, знакомый Сашке ещё по школьной парте, осмотрел старуху, но определенного ничего не сказал. И Сашка, хоть в молодости бивал его не однажды, заискивающе попросил:

— Ты уж помоги, Иваныч, одна она у меня!

... Тяжело и беспокойно умирала Карначиха, как тяжело и беспокойно жила. Навестила её Надюха, принесла пирогов из рыбы, смородинового варенья, но ни пироги, ни варенье старуха не приняла, сказала твёрдо:

— Ты ко мне не ходи. Не могу тебя видеть! Пусть Светка ходит. Или сам.

Со Светкой старуха ничего, разговаривала:

— Построили пароход-то? — пыталась.

— Построили! — подтверждала Светка.

— Катались?

— Мы с папкой катались, а мамка — боится.

— Река у нас не страшная. — Старуха задумывалась.

— А как это «про лодочку»? — напоминала Светка.

— Я своё отпела, Светка, но тебя, так и быть, научу. «Я на лодочке каталась...», — начинала Карначиха.

Светка повторяла про лодочку, про то, как было замочено белое платье и потребовалось розовое. А потом они разучили песенку «про лодочку-моторочку», у которой мотор-мотор-мотор. Мало было радости в доме старой Карначихи. И вдруг появилась она для старухи в палате леспромхозовской больницы.

— Мать-то твоя где раньше работала? — выпрашивала у Светки.

— Коров доила! — отвечала Светка.

— Ну да у нас здесь коров нет. У нас здесь бор да река. А коров не держим, выпасать негде.

На этом разговор оканчивался. Светка уходила домой, а старуха закрывала глаза, впадая не то в сон, не то в беспмятство. Всю жизнь, даже здесь, на больничной койке, она просыпалась до восхода солнца, но в то утро, открыв глаза, она поняла, что проспала: солнце было уже высоко и оконное стекло уже отбросило на больничное покрывало радужный зайчик. Она протянула руку, и зайчик послушно перепрыгнул в морщинистую старую ладонь. Но вошла нянечка Агафья, которую Карначиха помнила ещё мокроносой девочкой, стала протирать пыль с подоконника и зайчик исчез. Старуха хотела выругать нянечку, что она заслоняет свет, но вместо этого попросила:

— Агафьюшка, ты бы сходила за Сашкой... помру я сегодня...

— Да вы что, тётя! — испугалась нянечка.

Но Карначиха уже не слышала её, не слышала она, как вошли в палату Сашка с Надюхой. Она сразу и не узнала ни сына, ни невестку, открыла, наконец, глаза. Сознание возвращалось медленно, с трудом, как после тяжёлого и кошмарного сна.

— Пришли, — укоризненно сказала старуха. — Помираю я...

— Да что ты, мать, запаниковала! — попытался успокоить её Сашка, — все помрём. Да не так скоро.

— А ты не спорь, — сказала старуха. — Пожила и помираю. Только вот облепишки бы напоследок, кисленькой...

— Что? — не понял Сашка.

— Облепишки бы...

— Облепихи, — подсказала Надюха и старуха утвердительно мотнула головой.

— К вечеру, мать, будет... А может, ухи похлебаешь... Из стерляди?

— Облепишки бы, — слабо повторила Карначиха.

...Стоял солнечный день, и с крутояра хорошо просматривался остров Ягодный. Внизу, на воде, привязанная к старой сосне, покачивалась лодка с диковинно выгнутым носом и резной кормой, напоминающая сверху нездешнюю птицу. Они спускались по береговой тропке: впереди с ведром — Светка, за ней — Надюха с бензиновым бачком, позади — Сашка нёс на плече старенький мотор «Москва», обернутый в теплогрейку.

Река круто заворачивала на северо-восток, и Надюхе всё казалось, что движется берег, и чем ниже они спускались, тем стремительнее становилось это движение. Они устроились со Светкой на беседке, когда Сашка оттолкнул лодку, рванул на себя шнур стартера. Отлаженный мотор загудел ровно и деловито, за лодкой побежала кипящая дорожка. Огибая прибрежную косу, лодка достигла фарватера, и тогда Сашка поставил её против течения, выбирая курс на конечный мыс Ягодного.

Саша вырос на берегу этой реки, на этой излучине. До войны на острове Ягодном «сидел на бакенах» Сашкин отец — Иван Карнаков. И, придя с фронта с медалью «За отвагу» на гимнастёрке и пустым правым рукавом, отец снова принял пережат под номером 221. В Сашкиной памяти так и запечатлелась фигура отца, уходящего на вёслах от берега, гребущего одной рукой: гребок левым веслом — перехват, гребок правым — перехват, и снова левым. Никто из леспромхозовских мужиков не мог, управляя лодку одной рукой, пересечь фарватер. Карнаков-старший — мог. И Сашка после долгих и изнурительных тренировок научился преодолевать реку одной рукой. И в тот час у него мелькнула мысль: заглушить мотор, сесть на вёсла и поиграть с рекой в однорукого бакенщика. Но солнце показывало полдень, и Сашка приглушил желание — к вечеру нужно было быть в больнице. Врач сказал, что мать может и не дотянуть до утра. «В другой раз», — решил Сашка, отодвигая ногой пустую канистру из-под бензина и прибавляя обороты. Лодка уже шла вдоль обрывистого островного берега, с которого склонялись к реке кусты тальника, черемошника, фиолетовые кисточки ежевики.

— Светка, запоминай. На обратном пути причалим, — кричал Карнак.

— Запомнила, — отвечала Светка.

Облюбовав небольшую заводь, видневшуюся сквозь кусты, Сашка положил руль к берегу, и лодка, нырнув сквозь сплетения веток, мягко ткнулась в песчаный берег.

— Теперь так, — распоряжался Карнак, привязывая лодку. — Даю вам два часа и чтобы ведро — полнёхонько. Я же посмотрю места для закидушек да на озерцо сбегаю. Славное здесь имелось озерцо — щучье. Давно на нём бывать не приходилось.

Они пробрались через заросли тальника, и перед ними открылась песчаная гривка, сплошь покрытая зарослями облепихи. Почти безлистные ветки были точно обсыпаны желто-оранжевой ягодой. Здесь, на острове, облепиха созревала раньше, чем на кордонном берегу.

— Вот это сад-виноград! — восхитилась Надюха.

— Ух, ты! — только и вырвалось у Светки.

— А чтоб ведро поскорее наполнилось, вы песни пойте, — засмеялся Сашка, вспомнив, что когда-то читал про барыню, которая при сборе ягод заставляла девушек песни петь.

— Какие песни? — заинтересовалась Светка.

— Я на лодочке каталась, — сказала Надюха.

Никогда ранее не доводилось Надюхе видеть такого обилия ягод: кусты были словно обвешаны ожерельями — один к одному. Ожерелья переплетались, разбегались во все стороны, чтобы где-то снова сомкнуться одним концом. Казалось, порви в одном месте это сплошное, нескончаемое ожерелье, и оно соскользнёт на землю, рассыплется на бусинки, исчезнет в траве. Надюха осторожно, боясь порвать и осыпать это жёлто-оранжевое чудо, стала обирать ближайшие к ней веточки. Светка полезла в самую чащу, но тут же закрычала:

— Ой, колется!

— А ты бы собирала лучше ежевику. Вон у кустов, видишь?

— Не хочу ежевику!

— А хочешь — песню научу?

— Хочу! — охотно согласилась Светка.

— Тогда слушай:

*Ягодина, ягодина,
Ягодина Санечка,
Стосковалась по тебе
Молоденька пацаночка...*

Она пела громко, нисколько не стесняясь, что её услышит Сашка, который был где-то здесь, совсем рядом, может быть сразу же за гривкой. Ей даже хотелось, чтобы муж её слышал.

— Это ты про папку? — спросила Светка.

— А ты смекай про кого, не маленькая!

— Конечно, про папку!

— Ну-ну, тогда тебя опять куда понесло? Всё платье на иголках оставишь.

— Как это — оставишь?

— Изорвёшь.

Сыпались в ведро горстки спелой ягоды — и дна уже не видно, ещё немножко и с полведёрка наберётся. Притомилась Светка, присела под кустик, задремала. Прикрыла её Надюха платком, сама рядом устроилась. Никогда не чувствовала она себя так хорошо и покойно. Вот только Карначиха не вовремя заболела. Ну, да она отжила свой век и, подумав об этом, испугалась Надюха. Даже на Светку посмотрела: не поняла ли та, что у матери в голове. Но Светка спала. Надюха определила, что сейчас, верно, часа три — в это время Светка, набегавшись, засыпала и дома.

В просвет ветвей ей виделся берег кордона, домик с выходящими на берег окнами. Они светились, отражая солнечные лучи, точно в каждом из них было зажжено по лампочке. А ещё увидела Надюха над Кордоном облачко, нарощечное облачко, как нарисованный Светкой грибок, только ножкой вверх. Надюха дотянулась до ближайшего куста, отломил несколько веточек, обирая их на месте. Она ещё раз взглянула на кордонный берег и удивилась: за несколько минут нарисованное игрушечное облако разрослось, словно его усиленно раздували изнутри. Оно перевернулось, и ножка грибка касалась речной глади.

— Саня, — закричала Надюха. Но кричала зря: Сашка неожиданно вынырнул на полянку, волоча под мышкой нарубленные колья.

— Собирайтесь! — только и сказал. — Видишь — надвигается, — и показал в сторону разбухшего облачка.

— Что надвигается? — не поняла Надюха.

— Гроза! У нас всегда так: если гриб перевернулся — грозы жди. Я только колья стаскаю.

— Да я помогу!

— Управляюсь сам... А вы — к лодке.

Проснулась Светка.

— Мам, дай хлебушка!..

— Пойдём к лодке. Там и хлебушка поедим, и отца подождём. Видишь, дождь находит..

Уже на берегу Надюха снова посмотрела на небо: облако разрослось, потемнело и уже погромыхивало, словно где-то внутри его перекатывались пустые железные бочки. Окна в доме на жёлтом крутояре потускнели — ни одного лучика не играло на

воде. «Как перед грозой», — подумала о том, жалея, что не захватила с собой ни плаща, ни накидки. Но кто же знал?

— Может, пронесёт. Ну и помочит малость... не сахарные... не размокнем, — сказала вслух.

Появился Сашка, бросил на песок топор.

— Давай, Надюха, укладываться — сейчас долбанёт.

И, словно в подтверждение его слов, огненная трещина вспорола и нависшее над островом облако, и потемневшую реку, и гром ударил сухой и беспощадный, от которого вздрогнули и остров, и вода. Несколько листочков сорвались с куста и упали на дно лодки.

— Успеем, перетолкнёмся! — азартно закричал Сашка. — Укладывай колья.

Он подавал срубленный осинник, а Надюха укладывала колья на днище, с опаской поглядывая на небо.

— Топор, ведро с ягодой! Светку держи! — командовал Сашка. — Да не бойся!

В мгновение он оттолкнул лодку от берега, балансируя, пробежал на корму, дёрнул шнур, и снова мотор заработал с одного рывка легко и ровно.

И в тот же миг новая огненная трещина разорвала небо, гром ударил и прокатился по воде, и вместе с ним тяжёлый шквал ветра обрушился с кордонного крутояра на воду. Река вскипела, покрылась «белками». Они шли не в той размеренной амплитуде, которая свойственна даже при сильном, но не порывистом ветре, а выросли перед лодкой мгновенно, словно река выталкивала их изнутри. Остров отдалялся всё дальше и дальше, они ещё не вышли на фарватер, но уже приближались к нему.

Надюха прижимала к себе одной рукой Светку, другой — ведро с янтарной ягодой: она закрыла глаза, чтобы не видеть обезумевшую реку. Но слышала, как ударил гром и, когда эхо его, ударившись о крутояр, рассыпалось осколками по реке, стало необычайно тихо. Надюха сразу не поняла почему — тишина, но похолодело в груди, словно она глотнула родниковой воды, она сообразила — заглох мотор. Надюха вскинула глаза на корму: Сашка торопливо, на ощупь, как слепой, обшаривал руками мотор:

— Горючка не поступает, — кричал он. И обрадованно: — Ага, шланг перекрутило.

Он рванул снизу кол, которым перекрутило шланг от бачка, но кол заломило, и Надюха, чувствуя себя виноватой, выпустила Светку, и поползла на корму, чтобы помочь мужу. Тяжёлая волна ударила лодку, ведро опрокинулось, и ягоды янтарным стукотом выплеснулись из него.

— Держи Светку! — закричал Сашка, вырывая, наконец, передавленный шланг.

Надюха потянулась к дочери, но крутящийся белый вал уже накрыл лодку, выбрасывая из неё людей, колья, бачки. Надюха умела держаться на воде: ей удалось вырваться из-под толщи вала. Она увидела Сашку, держащегося за перевернутую лодку. Он что-то кричал. Она не разобрала, скорее догадалась:

— Где Светка?

Сашка подтолкнул ей какой-то предмет, она не сразу сообразила, что это пустая канистра из-под бензина. Надюха успела ухватиться за ручку, и тут же новый вал накрыл её с головой, швырнул от лодки. Захлёбываясь и задыхаясь, не выпуская канистру, она снова выбралась на поверхность и увидела, как Сашка нырками уходит в сторону фарватера, и поняла, что он ищет под водой Светку. Он хорошо плавал и нырял. А волны отбрасывают её всё дальше от страшного места, приближая назад, к острову, от которого отплыли не более десяти минут. «Только не выпустить канистру, только дотянуться до свисающего над водой тальника», — билось в голове. Берег медленно приближался и, наконец, она ухватилась за талину, лежащую прямо на воде. Она выпустила из рук канистру и, подтянувшись, почувствовала илистое дно. Надюха поднялась — вода оказалась ниже пояса, шатаясь, выкарабкалась на берег. Уже на берегу она обнаружила, что босая и никак не могла понять, куда она дела тапочки: не могла же она ехать на остров босиком. Надюха стала осматривать соседние кусты, но и под ними тапочек не оказалось. И тогда она пошла вдоль берега, не зная, куда идёт и зачем.

Тропочка вывела Надюху на пологий берег, и вдруг она увидела, удивлённая и обрадованная: там, где волны накачивались на песок, желтели яркие бусины облепихи. Опустившись на колени, она стала вылавливать из мутной воды ягоды и осторожно укладывать их на песок, куда не доставала река. А волны выбрасывали всё новые пригоршни ягод, и Надюха собирала их бережно и осторожно, как совсем недавно срывала их с веточек. Она собирала и думала, что, наконец-то, угодит старой Карначихе, и что Саня будет доволен, какая она удалая да расторопная. Но что-то заставляет её подняться, бежать, звать на помощь. Но не может Надюха ни подняться, ни крикнуть на помощь, и она с облегчением думает, что она спит, и снятся ей река, волны, ягоды.

А ещё она думает, что ягоды снятся к слезам. Но скоро приедет Сашка, разбудит её из этого кошмарного сна, увезёт с этого проклятого острова. Вон и моторка постукивает. Она

всё собирала ягоды. И всё выше росла горка их на влажном песке. Перестук моторки становился отчётливее, но Надюха уже не видела лодки, а только слышала над собой голос плотника Голощапова:

— Что стали! Берите на руки! Видите, девка совсем обезумела.

Чьи-то сильные руки подняли её с влажного песка, понесли... Больше Надюха ничего не созначала.

...Стояла пора последних августовских гроз и созревания ягод. Три дня неводом и баграми обшаривали мужики реку, но велика излучина и хранит она в себе немало потаённых мест: так и не нашли ни Карнака, ни его приёмную дочь — Светку. И только на третий день привели в больницу Надюху, где умерла старуха Карначиха. Была старуха ещё в сознании:

— Сашка где? — разжала не подчиняющиеся ей губы.

— За облепихой уехал, — сказала Надюха и заплакала.

— Со Светкой уехал?

— Со Светкой!

— Ну, я подожду.

Умерла Карначиха к вечеру, так и не дождавшись ни Сашки, ни облепихи. Похоронили её на леспромхозовском кладбище торопливо и суетно.

А через два месяца, когда по реке уже шла ледяная «шуба», уехала на последней «Заре» Надюха. И никто не знает: вверх ли, вниз ли по течению шла та последняя «Заря».

ПАРА ПУСТЯКОВ

Всё началось с огнетушителя. После полудня приехал на поле к комбайнёру Гавре Васину его сосед — лучше бы он жил подальше — инспектор пожарной охраны Рыбкин. Приехал не один, с комиссией, не то районной, не то областной. Комиссия шелушила в ладонях спелые колосья, шурила на солнце глаза, поджидая, когда подъедет комбайн. Васин же подъезжать не спешил, всё раздумывал: неспроста появился на его поле соседусшко. Да и ко всем приезжим комиссиям Гавря относился без особой снисходительности: носит их по полям, в разгар-то уборочный. Комбайнёр нехотя остановил машину, спустился по лестнице на прогретое жнивье, и первое, что он услышал — приглашение инспектора Рыбкина «познакомить приезжих товарищей по поводу противопожарного инвентаря».

— Это с огнетушителем, что ли? — не понял комбайнёр.

— Поначалу хотя бы с ним, — подтвердил инспектор.

— Огнетушителя не имеем... А хлебушко осыпается... — заговорил Гавря, недоумевая, зачем из-за такой мелочи собралось столько народа? И Гаврю понесло: — Огнетушитель — что? Пара пустяков... А давайте к каждому полю пожарный рукав протянем... Случись возгорание, а мы тут как тут, враз и затушим, потому как подготовились... А что хлебушко осыпается — даже хорошо: что осыпется, то не сгорит... Сгорит — не сопреет...

— Вот-вот... послушайте их, — пожарник обрадованно кинул пальцем в комбайнёра. — Мы их уговариваем, агитируем, а за такие пустяки штрафовать надо... Чтoб противопожарный инвентарь не игнорировали...

— Мне игнорировать некогда, — озлился вдруг механизатор, — мне хлеб молотить...

Но молотить не дали. Сказали: «Пока не дооборудуется комбайн на предмет противопожарной безопасности хлеба» — в поле хода нет. Гавря, выругав пожарную комиссию, пожарника Рыбкина, а заодно и всех пожарников и их министерство, хотя сам он определенно не знал, существует ли такое министерство, упал на «Урал» и помчал на центральную усадьбу искать кладовщика. Но, как и предполагал Гавря, кладовщика не месте не оказалось, и Васин направил мотоцикл домой, где у него ещё с весны стоял пустой баллон огнетушителя. «Чёрт с ним, что не заряженный, — думал Гавря, сворачивая к дому, — для проверяющих и пустой сойдёт за милу душу...»

Но дома вновь Васину не повезло: на дверях висел замок. Жена с утра уехала в райцентр купить школьную форму для сына Борьки, а сам Борька, как всегда, захватив ключ от замка, исчез. Комбайнёр дёрнул на пробу замок, но тот даже не шелохнулся. Пообещав Борьке всыпать «на полную катушку», Гавря присел на ступеньки крыльца.

Августовский день выдался как по заказу: молотить бы да молотить по такому дню. К вечеру наверняка тонн сорок-пятьдесят выдал бы Гавря из бункера. «Сорок тонн — это уж точно... Это — пара пустяков», — уточнил для себя Гавря, когда вдруг у калитки увидел незнакомую девчоночку, помоложе его сына Борьки. Нисколько не страшась Гаврю, девчоночка подошла поближе и спросила его, как спрашивают старого знакомого, дома ли Борька?

— Борька? — переспросил комбайнёр, удивлённо рассматривая столь неожиданную гостью. — Борька мне самому позарез нужен. Утёк — и ключи не оставил. А ты — чья будешь? — в свою очередь поинтересовался.

— Племянница! — гордо, как показалось Гавре, ответила девочка.

— Неужели? — не поверил он. — А позвольте узнать, кто твоя тётя?

— Тётя Аня! — не растерялась девочка.

— Вон оно что... — задумчиво протянул Гавря. Он ещё раз внимательно осмотрел свою гостью и спросил, указав пальцем на дом напротив: — А твоя тётя Анна в этом доме живёт?

Девочка подтвердила, что «в этом».

— Вон оно что, — повторил Гавря. — Ну, присаживайся... Я, конечно, тебе Борьку не заменю. Но об жизни поговорим...

— Поговорим, — легко согласилась девочка. Она взобралась на крыльцо и примостилась рядышком с комбайнёром.

Глаза у неё оказались «вполблюдечка», как отметил про себя Гавря. Даже не верилось, что у такой маленькой девочки могут быть большущие глаза. «Как у Анки, — подумал Гавря. — Совсем как у Анки...»

У Гаври с тёткой большеглазой девочки были совсем не простые отношения... Когда-то тётя Аня, которая не была ещё ничьей тётей, встречалась с молодым и весёлым комбайнёром. Но комбайнёра проводили в армию, а в село прибыл инспектор пожарной охраны Рыбкин. И уж как получилось, что высмотрел он Гаврину невесту, никто не знает, но стала она его женой. Семья оказалась бездетной: то ли Рыбкин оказался с изъяном, то ли сама Анна.

— Значит, племянница, — снова уточнил Гавря. — А как тебя зовут?

— Окшана, — охотно откликнулась та.

— Хорошее имечко, — похвалил комбайнёр. — Красивое... Не то, что Борька или Гаврила... Ну, да мы — мужики. Нам красивое имя ни к чему... А что же ты, Оксаночка, у тётки делаешь?

— Я у неё жамешто дочки побуду, пока мамка не придет, — повторила девочка чьи-то слова.

— Заместо дочки — это хорошо, — одобрил Гавря, — только, наверное, скучно с тёткой?

— Шкушно, — согласилась девочка. — Ш Борькой, ш вашим — не шкушно. — С буквой «с» ей никак не удавалось справиться. Зубиков не хватало.

— С Борькой не соскучишься, — подтвердил, — с ним... нет. — Глаза Гаври хитровато сощурились: — А тебе, Оксаночка, кто больше нравится: мальчики или девочки?

— Мальчики! — охотно отозвалась Оксана.

— Тогда слушай, — заговорил Гавря, — слушай меня внимательно. В наш магазин завезли сегодня мальчиков на продажу. Маленьких таких, совсем крохотуль. Ты сейчас сту-

пай к тётке и попроси её, хорошенько попроси, Оксаночка, чтоб она купила тебе братика.

— Не хочу куклу, — сказала девочка.

— Правильно, — согласился отстранённый от работы комбайнёр, сам втягиваясь в начатую им игру. — Кукла, что? Кукла — пара пустяков! Но в магазин привезли мальчиков: живых, всамделишных, с ручками, ножками... и пузыри пускают... Вот и пусть тебе купит.

— Вшамделишных! — встрепенулась девочка.

— Ну, — согласился Гавря, — с ручками, ножками...

— Я бегу, — заторопилась девочка.

Оксана спустилась с крылечка, и Гавря с удовольствием смотрел на розовые Оксаночкины пяточки, к которым даже земля не приставала и подумал, что хорошо бегать босой по всяким земным шероховатостям. У него даже нога в сапоге зачесалась, так захотелось вдруг шагнуть босиком по нагретой августовской земле. Девочки долгонько не было, и Гавря было собрался запустить мотоцикл, чтобы ехать в бригаду. Но калитка брякнула — Оксана уже обула босоножки.

— А тётя Аня говорит, что мальчиков рашкупили, — сообщила она новость.

— Не раскупили, не успели ещё, — обрадовался Гавря. — Ты ей скажи, что один мальчик остался... хорошенький такой мальчик с ручками, ножками, лежит себе на полке спокойненько, не какой-то там рёвушка... Пусть тётка раскошелится, а то он с голоду помрёт. В нашем магазине рыбных консервов и то нет, да их и не едят грудные, им титька нужна.

Оксана снова скрылась за калиткой, чтобы через минуту выпорхнуть из неё — шустрая девчонка.

— А тётя Аня говорит, что у неё денег нету-ка, — закричала она огорченно.

— Попроси её, чтобы деньги со сберкнижки сняла, — не унимался Гавря.

— Шо беркнижки? — переспросила девочка, путаясь в незнакомом слове.

— Конечно, — подзадорил Васин.

Ждать пришлось недолго: девочке так хотелось братика, что она не жалела ног. В Гавре она видела единственного, кто мог бы помочь, если не покупкой, то советом.

— А тётя Аня говорит, што шберкашша на выходном.

— Жадина твоя тётя Аня! Такой хороший мальчик, и стоит недорого.

Не ожидавшая такого оборота Оксана заволновалась совсем. Братика ей очень хотелось.

— Да ты не волнуйся, — успокоил её Гавря. — Попроси тётку, чтоб она денег у соседей заняла. Или лучше пусть поросёнка зарежет да и сдаст в кооператив. Мясо нынче дорогое. Вот и наберёте на мальчика...

Оксана снова убежала к своей жадной тётке, чтобы растолковать ей про поросёнка и цены на мясо в кооперативе, а Гавря, закулив сигарету, стал теперь уже терпеливо ожидать, как развернутся события вокруг покупки магазинного мальчика. Девочка всё не появлялась, вероятно, с забоем поросёнка что-то не получалось, и Гавря перестал посматривать на калитку. Но шеколда брякнула, и Васин увидел вместо девочки пожарного инспектора Рыбкина с лицом серым, словно пепельным. А может запылённым, по полям же мотался. Рыбкин неторопливо приближался, недобро щурясь на Гаврю, который тоже недобро рассматривал столь неожиданного визитёра.

— Ты что ребёнка провоцируешь? — не то спросил, не то потребовал ответа Рыбкин.

— Чего, чего... — не понял Васин. Он соскочил с крыльца — крутолоб, вихраст, кряжист, чем-то напоминая годовалого бычка.

— Провоцируешь, — задохнулся пожарный инспектор. Лицо его сделалось совсем серым.

— Ты мне провокации не шей, — также недобро глядя на соседа, заговорил комбайнёр. — Отошли те времена, другие не наступили...

— Наступят, для тебя наступят те... — Пожарник потянул носом, пытаясь по запаху определить, не пьян ли комбайнёр в рабочий день? Не определил, ещё больше озлился. — Я тебя куда следует упрячу, чтоб к Анне не приставал...

— Я пристаю? — удивился и немного обрадовался Васин. — Я при-ста-ю-ю-у. Да ежели б я к ней приставал, она бы тебе каждый год по двойне приносила.

— По двойне? — не понял Рыбкин.

— По двойне! — уже уверенно сказал Васин.

И тогда пожарный инспектор шагнул к Гавре, намереваясь провести против комбайнёра хитроумный приём, которому он был обучен в молодые годы, но Гавря проворно увернулся и, обхватив Рыбкина поперёк туловища, перебросил его через штaket. Комбайнёру Васину на своём веку немало пришлось поработать с мешками, инспектор оказался не тяжелее мешка. Рыбкин тотчас же вскочил на ноги, но теперь соседей разделял штaket.

— По двойне, значит? — не унимался Рыбкин.

— По двойне, это как пить дать! — уточнил Гавря.

— Я тебе устрою питьё. Ты у меня на пятнадцать суток сегодня же загремишь... Я тебя по статье упрячу...

«А ведь упрячет, гад... На пятнадцать суток упрячет уж точно, — размыслил Гавря. — И тогда простоит комбайн... осыплется хлеб...».

Мотоцикл не завёлся, давно Васин собирался подзарядить аккумулятор. Аккумулятор... Огнетушитель... Гавря чертыхнулся, вспомнив, с чего всё началось, сморщился, как от зубной боли:

— Пустяки, — сказал.

Постоял, подумал и добавил:

— Пара пустяков!..

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

И когда комли мёрзлой земли глухо ударили о гробовой потолок, я, стоящий у этой зимней могилы, горько заплакал. И сейчас плачу, когда пишу эти строки...

Пишу о своей матери. Родилась она в то далёкое время, когда на исход шла первая русская революция и начиналась так называемая «стольпинская реакция». Стольпинские «галстуки», стольпинские вагоны — это сейчас история переписывается заново. Всколыхнулась матушка Россия: с центральных губерний потянулись обозы крестьян-переселенцев на новые земли, а с сопок Манчжурии — озлобленные солдаты. Далеко мы забрались в эти самые истории и не скоро из них выберемся. Когда случился семнадцатый год, когда к власти пришли большевики, матери моей исполнилось десять лет. Она была второй в многодетной семье Пирожковых. Старше был брат Михаил.

Жили худо. Дед Епифан Яковлевич — буйная голова, страшный и умелый кулачный боец гонял плоты до Барнаула и подальше, забивал скот, пытался заняться мелкой развозной торговлей, занимался выездкой лошадей для богатых мужиков, разводил арбузы да всё увеличивал свою семью: трёх парней да пять девок поднял на ноги. Да двое померли. Всех женил, выдал замуж. Детей не учил: средств не было.

А кругом жизнь крутилась. Кто за красных, кто за белых — попробуй, разберись. Революция. Колчаковщина. Белочехи. Новая экономическая политика. Коллективизация. Война, будь она навеки проклята. Послевоенная голодуха. Да нас у матери четверо. Всё перенесла, всё успевала эта святая и неграмотная женщина.

А почему, собственно, неграмотная? К своему стыду, с большим запозданием я обнаружил, что она и читать и пи-

сать умеет. Самоуком выучилась у нас же, у детей своих да у внуков, с которыми тоже понянькалась вволю. Узнал чисто случайно, когда, неожиданно приехав домой, увидел на столе записку: «Ушла в магазин. Скоро вернусь». Вот так — без одной ошибочки. А как она умела рассказывать сказки, простые житейские историйки! Из старой жизни, из той царской, купеческой, на которую мы сейчас повернули.

— Худо жили, — рассказывала она. — Идём с Мишей на бахчу, и всю дорогу мечтаем найти буханку чёрного хлеба...

А с каким пониманием относилась к современной политике.

— Ничего не получится сейчас с единоличной жизнью, — размышляла она накануне своей смерти. — Раньше семьи были большие. Если выезжала семья Пинигиных на пашню, то на трёх подводах: мужики молодые, бабы.

Да и на подворье было кому остаться, за скотиной управиться, за ребятами малыми присмотреть. А сейчас семьи: один ребёночек, да ни одного. Где ж на всех единоличников тракторов наберёшься. Вот у Пинигиных-то своя маслобойка была и ещё кое-чего...

В чём-то она права, моя покойная мать. Может, а чём-то главным...

Помню я свою мать молодой, красивой, когда с ивовой корзинкой, в которой рассыпчатая картошка, свежесолёный молодой огурец, другая немудрящая огородная снедь, торопилась она на пристань к приходу парохода «Дрокин», на котором ходил мой отец — Кузьма Дмитриевич. Подходил «Дрокин» — нарядный, весь в огнях, чаще всего вечером, и отец этаким фертом при всех речных регалиях Государственного пароходства кричал в рупор настороженному и тоже готовому пофорсить матросу: «Отдать носовую!» И на берег летела, раскручиваясь по спирали, носовая чалка. А потом выбрасывались трапы, и мы вбегали на пароход.

Отец мой работал «багажным», то есть заправлял и отвечал за перевозку грузов и на этом «сгорел». Обнаружили какую-то недостачу, связанную с военным обмундированием. Где же ему, кончившему один класс церковноприходской школы, впору было тягаться с матёрыми интендантами. Кстати, потом пропажа обнаружилась, но отец, отсидев свой срок, больше на пароход не пошёл, накрепко обидевшись на пристанское начальство, а устроился конюхом, сначала в начальную, а затем в среднюю школу.

Как-то мы косили с ним у Оби. Из-за острова вдруг показался пароход, гуднул, и мы узнали «Дрокина». Мать что-то

хотела сказать отцу, но он отвернулся и глухо заметил: «А, плывучая тюрьма!» И долго-долго отбивал литовку.

Мы и отца-то видели недели три в году. Кончалась навигация, начинались ремонтные работы, и отец снова уезжал в Затон, где стояли пароходы, где нужно было готовить машины, что-то красить, скоблить, клепать, что-то менять.

Зато какая радость для нас с матерью, когда он брал нас с собой в рейс! Вот тогда мать молодела, была красивой и счастливой. Наступал хоть недельный продых в беспросветной работе. Необходимо было варить, обстирывать семью. А ещё косить, копать. А ещё следить за нами.

Мудрые наши матери. Жизнь их научила и терпению, и милосердию. Мы же росли безбожниками, воинствующими атеистами, — нас так учили в школах, во всех этих бывших райкомах комсомола и прочее, и прочее. Мы требовали, чтобы и матери наши забыли о вере и Боге. И матери прятали подальше иконы, святые лики, но глубоко затаивали в себе веру. А разве я — не таков? Прости меня, мама!

Прости меня и за то, что всё куда-то стремился в иные «Палестины», что редко писал тебе, что не сделал ни дорогого подарка, что ласкового слова стеснялся сказать. Прости, что не сказал всего этого при жизни.

Мы плачем по мёртвым матерям. Давайте жалеть их при жизни. Встанем перед ними на колени за то, что дали нам жизни, что воспитали и ставили нас на ноги и детей наших, что отдавали последнее.

...Оба они, и мать и отец, покоятся на погосте, мать пережила отца на три месяца, над обеими могилами поставлены крестьянские сосновые кресты, над обеими могилами сечёт колючая февральская позёмка. Гонорар за этот плач пусть редакция перечислит на счёт будущего храма Покрова Пресвятой Богородицы, который затевают построить на родине моей в Быстром Истоке. В нём, надеюсь, затеплит кто-нибудь из моих родичей свечку памяти смиренных рабов божиих Ефимьи Епифановны и Кузьмы Дмитриевича Клепиковых, живших в смутное время на Руси.

У ночного костра мне поют казаки о Тамани.
Я мелодий таких, да и слов не слышал никогда.

Здесь безбожная власть не скупилась на высшую меру.
Не одна здесь дорога по белым костям пролегла.
На казачьих знамёнах начертано было — ЗА ВЕРУ.
Только память осталась, и лютая боль не прошла.

Далеко, далеко... Корабли превращаются в точки.
И у берега чайки встречают рыбацкий баркас.
Вот и солнце встаёт... Задохнусь от величия строчки.
Боже мой! Как всё просто, по-русски, без глупых прикрас.

2
Я просыпаюсь. Мой костёр погас.
Лишь уголёк в золе едва мерцает.
Звезда, сгорая в небе, созерцает
Меня и этот мир в последний раз.

Трава в росе. Выходит из тумана
Осина и чуть слышно шелестит.
Повремени... Прошу... Ещё так рано...
Ещё дорожка лунная блестит.

Ещё волна песок не разбудила,
И чайка не расправила крыло,
И тайну мне ромашка не открыла,
И воду не тревожило весло.

Ещё чуть-чуть... Настраивают скрипки
Кузнечики... К травиночке-струне
Прильнула нотка маленькой улитки...
А я её не слышу в тишине.

Ещё мгновенье... И среди ветвей
Защёлкает, раскатится, зальётся,
Вступая из заката, соловей,
За ним другой... И рассмеётся солнце!

О, утро, несравненный музыкант!
Как можешь ты рождать такие звуки!
В отчаянье заламываю руки...
Вот мне бы на секунду твой талант!

У РЕКИ

Разбежались круги по уснувшей воде.
Темнота навалилась на вспыхнувший бакен.
Я читаю стихи утонувшей звезде
И лежащей у ног остромордой собаке.

Никому, кроме Бога, мы здесь не нужны.
Утром в путь. Остаётся лишь самая малость —
Зачерпнуть котелком отраженье луны
И в рюкзак уложить тишину и усталость.

КАРТИНА

Базарная площадь. Старик — поводырь обезьянки
Владелец шарманки и счастья за ломаный грош,
И запах хурмы, и гаданье цыганки.
И бритый узбек, заносащий над дынею нож.
Всплывает из памяти пёстрый узор минарета
И, словно гадюка, сползает к нагретой земле...
И руки узбека забрызганы кровью рассвета.
Рисую, чтоб памятью переболеть.
И штрих за штрихом, словно — наземь убитая птица,
И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода,
И чья-то судьба — просто загнутый угол страницы.
Гадала цыганка. Гадала, гадала, гада...
И корчится холст от дыхания знойного лета.
На шаг отойду, и сквозь пальцы дрожащей руки
Гляжу, как ожившие краски рассвета
Ладонью стирает узбек с напряжённой щеки.

МОСКВА, МОСКВА...

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Я устал торопиться
И перечить судьбе —
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ...
Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

ОСТАНОВКА

Казармы. Вокзалы. Времянки.
Косые дожди за окном.
Всего три минуты стоянки —
И кто-то бежит за вином.

Рождённому в чаде и сраме
Бутылка вина на столе —
Дорога от эпоса к драме
По нашей несчастной земле.

Пируешь, души не смущая,
А выглянешь ночью в окно —
Лишь тусклый фонарь освещает
Название станции: «ДНО».

ЗАПОЛЯРЬЕ

1
Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь.
Скоро лёд в океан унесёт непокорная Лена,
И жарки расцветут, и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
А у нас ещё ветер весёлые льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный рокот мотора.
Не иначе сосед мой — рискованный, бывалый мужик —
До того одурел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду через реку махнул напрямик.

И опять тишина. На сей раз проскочил-таки, леший.
От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.
В эту пору на лёд не ступают ни конный, ни пеший,
А ему хоть бы хны. Он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал, и срока отбывал на Таймыре,
И на выселках жил от верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как гирей,
И выхаркивал лёгкие сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня, усмехаясь, в минуты застолья
И на третьем стакане меня зачислял в слабаки,
А глаза изнутри наполнялись любовью и болью —
Так на небо глядят пережившие жизнь старики.

2

Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это...»
И закашлялся. И тишина...
И оставил меня без ответа.

3

С ним можно было запросто молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось грехов.
Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки
И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...»
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

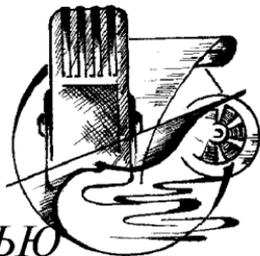
Раис СУЛЕЙМАНОВ
Мария МОНОМЕНОВА

ПРАВОСЛАВИЕ — ЗАЩИТА ОТ ВАХХАБИЗМА

Представляем вниманию читателей интервью с научным сотрудником Сектора исследований межнациональных и религиозных проблем Российского института стратегических исследований (РИСИ) Раисом Равкатовичем Сулеймановым — одним из самых известных на сегодняшний день экспертов в области этнорелигиозной ситуации в Поволжье, человеком, который занимается непосредственно вопросами, связанными с нетрадиционными для коренных мусульманских народов России течениями зарубежного ислама радикального толка и с религиозным фундаментализмом.

— Раис Равкатович, в чем, по Вашему мнению, заключается основная угроза ваххабизации русского общества и как преодолеть эту «болезнь»? Сегодня многие эксперты проводят прямую параллель между фашизмом и ваххабизмом. Действительно ли ситуация настолько серьезна?

— Основания для подобных сравнений, безусловно, есть. О масштабах распространения и опасности вахха-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

бизма можем судить по событиям, которые происходят у нас на глазах во многих странах Ближнего Востока и в Европе. Если же обратимся к России и посмотрим на основные очаги ваххабизма, а именно на Татарстан и Дагестан, то увидим картину, во многом схожую с общемировой, поскольку явление это «сетевое» и имеет общий корень и единое финансирование.

В самом начале нашего разговора я хочу озвучить основной тезис своего интервью. Итак, мое основное утверждение следующее: чем сильнее будет православие в Татарстане среди этнически православных народов, тем слабее будет ваххабизм, распространяющийся среди татар, исповедующих традиционный для них ислам ханафитского мазхаба. Соответственно, чем слабее будет ваххабизм, тем сильнее будет традиционный ислам, который я сам исповедую и защитником которого являюсь.

Теперь попробуем разобраться, почему так. Дело в том, что татары ментально, ценностно, цивилизационно так или иначе находятся в российской культуре, фундаментом которой является христианство, и многие положения, которые существуют в практике зарубежных течений ислама, татары категорически не приемлют и не разделяют. Начнем с самых простых. Ситуация с многоженством. Полигамные семьи в Татарстане составляют такое ничтожное меньшинство, что рассматривать это явление как традицию даже не приходится. Объясняется это очень просто: положение женщины в татарском обществе не такое, как у женщин зарубежного исламского мира. Сколько бы разного рода религиозные популисты ни твердили о том, что женщина в зарубежном исламе значительно более защищена, чем в христианском мире, на практике всю фальшь подобных рассуждений разоблачить не составляет труда. Вряд ли вы найдете татарок, желающих жить в положении женщин Афганистана или Саудовской Аравии.

У татар женщины и мужчины могут сидеть за одним столом, вместе есть и общаться. Кроме того, сохранена традиция, которая не представлена, например, у других мусульманских народов, — это наличие «женского духовенства» (так называемые «абыстай»), то есть когда женщина может читать Коран в домашнем собрании, которое называется «меджлис». И мужчины, и женщины сидят и внимательно ее слушают. Другой пример: многоженство татарами не приветствуется. Очень сложно найти татарку, которая согласится своего мужа делить еще с одной женщиной. Те женщины, которые состоят в религиозном браке с многоженцем, остальным

татарским обществом воспринимаются как ущербные, как курицы в курятнике, где один петух их по очереди топчет. Те татарки, которые состоят в полигамных браках, стыдятся этого.

Или возьмём другой пример: практика поминовения усопших на третий, седьмой, сороковой дни и годовщину. Подобная практика встречается у мусульманских народов Поволжья — татар и башкир.

Изучая ментальные ценности татар, можно утверждать, что русская традиция очень прочно вошла в уклад их жизни. На ментальном уровне, на уровне мировоззренческих установок ценностей татары понимают и разделяют ценности русских, их представления о правильном, нравственном, моральном. А, как известно, русская традиционная система ценностей базируется на христианских началах. Поэтому на ментальном уровне между русскими и татарами в Поволжье взаимопонимание. Татарам из всех народов более близки русские, чем даже их единоверцы из Центральной Азии или арабских стран. В свою очередь, неудивительно, что из всех мусульманских народов близкими к себе по мировоззрению, жизненному укладу, манере поведения русские ставят именно татар. Ваххабизм же по своей природе очень агрессивен и в корне своём антихристианен.

— Именно поэтому ваххабизм часто называют «верой Люцифера».

— Ваххабизм точно не от Бога. На примере Сирии мы можем это отчетливо видеть. Какому гонению там подвергаются христиане! За полгода террористическому ваххабитскому подполью удалось разрушить межрелигиозный мир страны, который сохранялся на протяжении полторы тысячи лет!

В Татарстане конфликтная ситуация с распространением радикальных течений зарубежного ислама растянулась на 20 лет (ваххабизм проникал постепенно). Кстати, нынешний министр внутренних дел Татарстана Артем Хохорин прямо заявил, что в Татарстане вот уже много лет идет такая вот вялотекущая война, очевидность которой в регионе все более ощущается. Одним из мощных сдерживающих факторов от превращения этой поволжской республики в аналог Дагестана являются многочисленные межнациональные браки и православие, влияние которого в Казанском крае исторически очень сильно. Поэтому и основной удар сегодня приходится именно на православие в Татарстане. Всем хорошо известны события с поджогами православных храмов ваххабитами в республике, признанные в итоге терактом. Это следствие двадцатилетней политики ваххабизации общества Татарстана.

Обратимся к статистике. Сегодня в Татарстане очень сложная ситуация: за двадцать лет было построено 1524 мечети и 225 православных храмов, то есть разница в семь раз. Это ненормально. Добавим, что по переписи населения 2010 года этнически православных народов (русских, чувашей, крымчан и др.) и татар-мусульман приблизительно поровну. Даже если согласиться с тем, что среди татар активно верующих встречается больше, чем среди русских, то никак не может быть это в соотношении, что на одну церковь приходится семь мечетей, т.е. получают один активно верующий православный русский и семь активно верующих татар-мусульман. За мусульман можно порадоваться, но вот как быть с православными? Однако ситуация не исправляется, наоборот, только усугубляется. Цели усиления роли православия (хотя бы за счет расширения строительства церквей, ведь православных — половина населения республики) в Татарстане не ставятся ни региональными властями, которые позиционируют республику исключительно как мусульманскую, ни со стороны, давайте будем честны, местной митрополии, которая там, где нужно быть принципиальными, эту принципиальность не проявляет. Это касается, в частности, реституции церковной собственности. В Татарстане многие церкви, которые сами по себе являются памятниками архитектуры, находятся в бедственном состоянии, некоторые превращены в музеи. Так, например, Дворцовая церковь Казанского Кремля сегодня используется под Музей истории государственности татарского народа. Вот мне, например, сложно представить, чтобы в Москве какую-нибудь мечеть превратили в Музей государственности русского народа. Догадайтесь с одной попытки, как бы это было воспринято мусульманами? А то, что в центре Казани храм используется под музей, тем более подчеркнуто-политического содержания, никого, видите ли, не удивляет. Или, скажем, в центре Казани сегодня сносят церковь Космы и Дамиана, постройку 1708 года. И в связи со всеми этими событиями мы не слышим голоса митрополита. Это очень и очень странно, согласитесь! Такое было только в 30-е годы XX века, когда церкви разрушали или превращали в здания музеев или клубов. Я привел только два наиболее вопиющих случая, а ведь таких фактов гораздо больше. И это только в Казани, не считая всей республики.

Второе, что обсуждают, — это не так давно разгоревшийся вокруг Татарстанской митрополии «голубой скандал». Не будем вдаваться в подробности, кто прав, кто виноват. Но в чем его суть в контексте нашей проблемы: для ваххабитов —

это лучший аргумент против христианства. По роду своей деятельности мне приходится ежедневно мониторить большинство исламистских электронных ресурсов Татарстана и, шире, Поволжья (сайты, блоги, форумы, социальные сети). Так вот, тема «голубизны» местной митрополии сейчас самая обсуждаемая на всех исламистских ресурсах. Ваххабиты буквально смакуют все эти детали и подробности: вот, мол, посмотрите, какие у кяфи́ров (неверных) священники, какой у них моральный облик.

Мне казанские имамы рассказывают, что к ним все чаще и чаще стали приходиться русские, которые хотят принять ислам. Среди причин, по которым русские в Казани отказываются от своей исконной веры, чаще всего называются две: это ставшие притчей во языцех «попы на джипах» и вот теперь «голубые батюшки». Я повторяю, я не берусь судить обо всех этих явлениях, но то, что они тиражируются в информационном пространстве исламистов, то, что они распространяются в СМИ со страшной силой — это факт, и это опасно. И никто не привел ни одного контраргумента против озвученных и тиражируемых скандалов в местной митрополии.

На фоне подобных озвученных фактов популистская демагогия ваххабитов выглядит настоящим геройством — призывы о восстановлении социальной справедливости представляются очень привлекательными особенно для молодежи. Они выставляют себя смелыми правдолюбями, отважными робин гудами, борцами за всеобщее счастье в мировом Халифате, чем и подкупают молодых и горячих ребят, вербуя сторонников. Русский, кряшен, чуваш да и любой другой национальности человек в России ментально стремится к справедливому обществу. Халифат, о котором твердят ваххабиты, преподносится как государство справедливости. А потом по нарастающей — и человек попадает под сильнейшее идеологическое влияние. И что в сухом остатке мы видим? Целую плеяду террористов из числа русских и других этнически православных народов: Виктор Двораковский, Виталий Раздобудько, Алла Сапрыкина, Саид Бурятский (настоящее имя — Александр Тихомиров) и др.

Ну, например, в ноябре 2010 года в лесах Нурлатского района Татарстана появились первые боевики под предводительством Руслана Спиридонова, который, как выяснилось позже, по происхождению оказался этническим кряшеном.* И это ре-

* Кряшены — народность, издревле проживающая на территории Татарии, исповедующая православие. Часто их путают с крещёными татарами. Но это ошибка. — Ред.

альность. Почему Церковь не борется за свою паству, за те народы, которые являются православными? Ведь этими людьми никто не занимается. Православная миссия среди православных в регионе ведется силами энтузиастов. Никто не призывает крестить татар-мусульман, наоборот, у них нужно укреплять позиции традиционного для них ислама, но также сейчас очень важно, чтобы в Татарстане произошло воцерковление русских, кряшен и чувашей. Разве это нормально, что 250 тысяч кряшен окормляют всего шесть священников, которые служат на церковно-кряшенском языке. Неудивительно, что активисты независимого кряшенского движения уже открыто говорят, что через одно-два поколения целый народ — кряшены — перестанут быть православными. Разве это хорошо?

Мы сегодня должны четко понимать, что в сильном православии заинтересованы не только православные народы, но и мы, коренные мусульманские народы России. Церковь сегодня — самый влиятельный орган, даже чисто организационно, это та сила, которая может влиять на события, на принятие важных решений государством и укрепить позиции ценностей нашего общества. И чем сильнее и мощнее будет Русская Православная церковь в России, тем сильнее будет традиционный для нашего Отечества ислам.

— Раис Равкатович, что такое традиционный ислам в России не с догматической позиции, а с гражданской?

— Он, в первую очередь, подразумевает восприятие России как своей Родины и готовность ее защищать и даже воевать за нее со своими единоверцами, если они выступают против России. Как пример мы знаем русско-турецкие войны в эпоху Российской империи, когда татары в составе российской армии воевали против турок — своих единоверцев. Мы знаем конфликт в Чечне, в котором на стороне России выступали татары. Таких примеров в нашей истории очень много. Но, кроме того, это, безусловно, уважительное отношение к православному большинству.

Вы знаете, общаясь с православными людьми часто приходится слышать: «Какое нам дело до ваххабитов, это внутреннее дело мусульман, пусть они со своими проблемами и разбираются». Так вот, это глубоко ошибочное мнение. Ваххабизм — это не религиозная проблема внутри ислама. Это проблема глобальная, и она коснется всех. Яркий пример — события в Татарстане, связанные с поджогами церквей. Наивно думать, что если постоять в сторонке, то ваххабизм не коснется православных. Гибнут в терактах, устроенных в России ваххабитами, в массе своей именно православные

люди. Вряд ли кто-то из православных хочет проснуться в один день и узнать, что все его соседи из числа мусульман России являются ваххабитами. Ваххабизм изначально нацелен на уничтожение всего, что не является ваххабизмом.

— Вы упомянули чувашей Татарстана. Расскажите о них поподробнее, пожалуйста.

— С чувашами ситуация тоже очень непростая. Среди них также имеются случаи ваххабизации, но большую угрозу представляет уход чувашей в неоязычество. Эти тенденции опять же объясняются слабой миссионерской православной работой, ведь на 118 тысяч чувашей приходится всего три священника, которые служат на чувашском языке (в Кайбицком районе — 1, и в Алькеевском районе — 2).

Сегодня в чувашских деревнях распространены языческие обряды, жертвоприношения. Язычество среди чувашей — уже не редкость, а, так сказать, «детская радость» для этнографов, социальных антропологов и фольклористов, которые, не осуждая, наоборот, поощряя подобные явления, создают почву для деградации общества, возвращения человеческого сознания в каменный век, происходит архаизация сознания. Мне неоднократно на разных этнографических конференциях в Казани приходилось быть свидетелем, как некоторые местные этнографы с упоением, демонстрируя слайды, рассказывали о неоязыческих обрядах местных чувашей: мол, ой как это интересно, как это восхитительно! Что недопонимают все эти «радостные этнографы»? То, что весь этот новодел, всё это новоявленное «родноверие» носит агрессивно антихристианский характер. Кроме того, неоязычников отличают еще и признаки тоталитарных сект. Именно поэтому языческий проект и поддерживается, и финансируется, и процветает. Скажите, с чего бы это весь Интернет был завален картинками «языческого рая»? Но это тема для отдельного интервью...

— На Ваш взгляд, подобная ситуация наблюдается только в республике Татарстан?

— Все ведь познается в сравнении. Перед моими глазами стоят замечательные примеры пастырского служения и сильной миссионерской работы в регионах. Например, владыка Феофан (Ашурков) в Челябинской и Златоустовской митрополии, где живут нагайбаки — этносословная группа кряшен. В соседней с Татарстанской митрополией Йошкар-Олинской и Марийской епархии трудится замечательный архиепископ Иоанн (Тимофеев), который очень усилил роль церкви в Республике Марий Эл. Кстати, он ведет православную миссию среди марийцев, активно борется с тенденция-

ми неоязычества в регионе. Понятно, что это раздражает всех этих комплиментарно относящихся к язычеству этнографов и фольклористов.

— Раис Равкатович, каковы Ваши прогнозы на дальнейшие события в Сирии и в России?

— Конфликт в Сирии затягивается не в пользу боевиков. События в Сирии сейчас напоминают больше ситуацию в Алжире, где гражданская война идет вплоть до сегодняшнего дня. Там правительство контролирует 95% территории, 5% контролируют боевики, которые периодически возобновляют боевые действия. Все прогнозы, в том числе и некоторых симпатизирующих «Братьям-мусульманам» российских арабистов, о том, что дни Башара Асада сочтены, не оправдались. Это, кстати, к вопросу о компетентности таких экспертов. Башар Асад устоял, законное правительство Сирии держит ситуацию под контролем, и ваххабитам в союзе с американцами не удалось его одолеть. Нам известно обращение Доку Умарова, в котором он призывает российских ваххабитов возвращаться из Сирии на родину. Неслучаен в этой связи и визит к Владимиру Путину принца Бандара бин-Султана, главы разведки Саудовской Аравии накануне Олимпиады в Сочи. Рассказывают, что во время встречи саудовский принц намекнул, что безопасность в Сочи зависит от позиции России по Сирии, т.е. фактически это был откровенный шантаж: мол, сдайте Башара Асада, и мы финансируемым нами ваххабитам прикажем не устраивать терактов в Сочи. Видимо, шантажировать российскую сторону не получилось, и саудиты решили показать, чего они стоят: трагические события в Волгограде произошли как раз после визита Бандара. Просто США через саудитов хотят контролировать все эти процессы и будут предпринимать всяческие попытки давления на нашу страну.

Нужна бескомпромиссная борьба с ваххабизмом до победного конца. Половинчатыми мерами и глупыми рассуждениями о необходимости диалога и «умении договариваться» проблему ваххабизма в России мы не решим.

КАКОЙ СТАТУС В РОССИИ ИМЕЕТ РУССКИЙ НАРОД?

Русские в России имеют статус запрещенного народа. Нам нельзя иметь даже те права, которые имеют другие народы, проживающие в РФ. Министерство регионального развития РФ составило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Чиновники обеспокоены, что большинство граждан России не считают себя «россиянами». Дескать, только 44% жителей страны согласны обозвать себя этим странным словом. 56%, выходит, не согласны. Планируется, что на программу будет выделено 124,6 млрд. рублей, что позволит довести долю считающих себя «россиянами» до 86% уже к 2018 году. При этом доля людей, которые считают, что представителям определенных национальностей должен быть запрещен въезд в их регион, снизится с 62 до 35% (по одному варианту) или же до 54%.

Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, а почему все привязались к словечку «россияне»? Что это за слово такое? Со времен Петра I оно существовало на равных правах со словом «русские» и означало одно

РУССКИЙ ВОПРОС

и то же. Однако с начала 90-х годов слово «россиянин» стало использоваться как антитеза слову «русский». Особенно часто это противопоставление звучало в речах Бориса Ельцина. «Дорогие россияне» — так обращался к народу покойный президент. Различие между русскими и россиянами пришло в наш язык из польского. Для поляка «россиянин» — это житель России. В России говорят на «российском языке». «Русский» же для поляка — грубое ругательство, неполиткорректное слово. Вроде «жида», «хохла» или «кацапа».

Неудивительно, что российская либеральная элита стала называть население страны «россиянами». Ведь одновременно в ее лексикон вошло польское словечко «быдло», применяемое для обозначения дорогих сограждан. Это слово в оригинале означает «скот»: коров, овец...

Во-вторых, для чего российской верхушке понадобилось слово «россияне», употребляемое в польском смысле? Для того, чтобы найти замену понятию «советский человек».

В СССР строилась новая национальная идентичность. Утверждалось, что возникает новая историческая общность — советский народ. Правда, влиться в ряды советского народа предлагалось исключительно русским. Прочие народы в советской системе были не обязаны отказываться от своей идентичности и истории.

Естественно, ленинская национальная политика, заключающаяся в угнетении русских и тщательном раскармливании союзных республик, в том числе за счет прирезки к ним русских земель с русским населением, привела к закономерному итогу: СССР распался на 15 частей. Из этих 15 государств только Россия не стала национальным государством русского народа, а превратилась в кровотокающий обрубок СССР, где само слово «русский» оказалось под негласным запретом. Как сказано в недавно утвержденной Стратегии национальной политики России, РФ — единственное государство постсоветского пространства, которое не пошло путем национального строительства.

С официальной точки зрения, русские вообще не имеют в РФ никаких прав. Нет ни упоминания русских в федеральном законодательстве и федеральной Конституции, ни статуса России как государства-убежища, в котором любой зарубежный русский мог бы получить гражданство просто по факту своей национальности.

При этом на территории России существуют национальные государства, в которых титульные народы имеют все права. Например, Конституция Татарстана принята от имени татарского народа и «многонационального народа

Татарстана» и предписывает правительству республики заботиться о татарах, проживающих вне территории Татарстана. Аналогичные положения существуют и в конституциях других республик, которые, по сути, являются национальными государствами проживающих в них титульных народов.

Таким образом, русские имеют статус запрещенного народа. Русский народ не только не вправе иметь собственную национальную государственность, подобную той, что получили **все** народы бывшего СССР, но и даже не может иметь того статуса, который имеют народы, проживающие на территории России.

Власти наконец поняли эту проблему. Поняли и стали решать. Как? Да просто воспроизвели советскую модель национальных отношений. Вместо «советских» будут делать «россиян», причем только и исключительно из русских. Ведь у других народов есть свои национальные республики, вы же не забыли?

К каким результатам может привести такая национальная политика? Очевидно, к тем же самым, что и в Советском Союзе: РФ станет «инкубатором» для новых национальных государств, ныне республик в составе России. Придет час, и они станут независимыми по тому же сценарию, который уже был в СССР.

Так что у нас есть два пути. Первый — бодро скакать в пропасть с новой версией «ленинской национальной политики», уже приведшей к развалу СССР, ЧССР и СФРЮ. Второй — начать строительство в России русского национального государства, при уважении к другим народам, но и при понимании, что создать гражданское единство на территории можно только опираясь на русский народ. В противном случае власти будут плодить лишь химеры «россиянства», которые развалятся, как только «подует ветерок».

Нам скажут, что это обидит другие народы России. Но каракалпаки в Узбекистане не обиделись созданию узбекского национального государства. Если уважительно относиться к правам других народов, строительство национального государства возможно.

В противном случае русские превратятся в лишенное прав «быдло» в собственной стране, как уже сейчас происходит в национальных республиках, где русского не встретишь в системе власти или на сколь-нибудь значимой должности. И РФ станет похожей на маньчжурский Китай, который был населен китайцами, но правила которым представители приватизировавших власть иностранных захватчиков.

ОНИ И МЫ

Вершины либерального искусства — группа «Война» с фаллосом на Литейном мосту, Гельман с клизмами вместо куполов, Толоконникова с курицей и плясками в храме.

Вершины либеральной журналистики — Шендерович, сравнивающий гитлеровскую олимпиаду и путинскую, телеканал «Дождь» с лже-историческими опросами, Ксения Ларина, которую трясёт от тоталитарной песни — «Солнечный круг, дети вокруг...» (Ну, правильно, это же национализм и язычество в одном флаконе! Пусть дети поют «Мурку», приобщаются к постмодернистской иронии.)

Вершины либеральной морали — детей на усыновление и на органы в США, женщин — в бордели (свободный выбор, а как же!), мужчинам — креативную любовь.

Ты не согласен с таким искусством, моралью и мнениями?! Ба, да ты же черносотенец, пещерный путинист, нерукопожатный зомби. Ты не одобряешь бунт на майдане, антигосударственный переворот, ведущий к развалу страны? (А что вы хотели?! Революции всегда ослабляют государства, и потому от «лоскутных» стран в

РУССКИЙ ВОПРОС

пору потрясений отпадают территории — вспомним 1917-й и 1991-й.) Да ты жалкий раб, навоз истории, шестёрка уголовного Януковича.

Ты что-то вякаешь про национальное самосознание, классическое искусство, культурные коды православия? Ах, так ты, оказывается, ещё и враг!.. Думать смеешь! Но, согласимся, в либерализме много и хорошего, комфортного. Уверовал в него, и всё разрешено. Хочешь умереть? Уми. Хочешь гомосексуальной любви? Можно. Хочешь инцеста? Ничего страшного. Разрушаешь государство? Имеешь право. Увлекаешься порнографией? Живём один раз. Наркотики? Почему бы не попробовать. И т.д., и т.п. А чего нельзя? Нельзя любить свою нацию (если ты русский), свой народ — это ксенофобия и антисемитизм. Нельзя выказывать приверженность традиционной семье — это уозость. Нельзя восхищаться Есениным — это примитив.

Самое же болезненное для либерала — это вера в Бога. «Клерикализм! Мракобесие! Иконки, свечки...» Странное дело, почему-то противестественные физические совокупления считаются у либералов нормой, а следование тысячелетним архетипам — бедой.

Любимая грёза для либерала — хорошая жизнь в Америке и в Европе. А Россию, понятное дело, цивилизовать невозможно — не тот народ. Посему хорошо бы народ, не разделяющий ценности либерализма, извести под корень. Это никакое не человеконенавистничество — просто так для цивилизованной части мира лучше будет. Либералы в России всячески поощряют местные национализмы («права человека»), подвоз гастарбайтеров, но стоит кому-то из местных мяукнуть про права человека русского, как раздаётся дружный хай — о, фашисты головы подняли! Ату их!

Либерализм есть разврат духа, и если в молодом развратнике есть что-то привлекательное, грех его свеж и чувственен, то в 40-летнем возрасте и далее упорство в похоти вызывает не сочувствие, а отвращение. Воинствующее антихристианство зрелого человека — отвратительно.

Главная идея либералов — общество потребления (стимулирует экономику). Чисто материалистическая идея. «Съешь, сколько сможешь». Т.е. идеология весьма связана с экономикой.

Для либерала государство — не ценность, особенно государство русское. Но вот что интересно: вне государства либерал существовать не может! Ему нужен враг для вдохновения и пинания.

Либерал сразу забывает свой либерализм и прекрасноту, когда встречает твёрдое несогласие с идеологией государственного разложения: его начинает трясти, как осино-вый лист, он призывает на головы консерваторов (неважно, охранители это «по службе» или по убеждениям) разные кары — Обаму, ЕС, ядерную бомбардировку, что угодно.

Не каждому, даже очень отважному и даровитому народу удаётся создать национальное государство. А на имперское строительство и вовсе способны единицы. А вот русский народ, «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы» (Николай Чернышевский) создал огромную державу, которая в XIX веке простиралась аж на три континента — Европу, Азию, Северную Америку.

Тем, кто вслед за Владимиром Лениным и Альбертом Кохом считает, что государство — это никакая не ценность, стоит посмотреть, допустим, на евреев. Зачем, казалось бы, «богоизбранному народу», непревзойденному мастеру создания финансовых империй, Израиль?! Да ещё в таком недружественном окружении?! Но — «земля обетованная!» Этим всё сказано: люди пока ещё не придумали лучших форм общежития, чем семья и государство. И обе эти общности требуют от человека в определенные моменты истории самоотречения, жертвенности и даже героизма. Потому что государство — продукт не только материальной, но и духовной жизни народа.

Политика высшей власти может быть антинародной, но прогосударственной. Именно этим парадоксом и объясняется феномен Сталина в общественном сознании. Раскулачивание, репрессии, «поражение в правах» — все эти жертвы всё-таки приносились не для личного обогащения руководителя и его наркомов. Строилась держава, которая победила в великой войне. И именно потому, что государство (а не счета олигархов в банках), духовное (а не материальное) до сих пор является для нашего народа ценностью, Сталину прощали его «перегибы» даже те, кто невинно пострадал в годы его правления.

Либералы, в сущности, занимаются только одним — систематическим убийством инстинкта государственности в русском народе. Делают ли они это по убеждению, или по заданию, по трагическому заблуждению или из коммерческого интереса — вопрос второй и для каждого прогрессиста индивидуальный. Но мы должны понимать: государство — это дом народа. Ломать — не строить. Русской государственности — тысяча с лишним лет. Такой старый дом требует постоянного ухода, внимания и заботы.

Либералы, конечно, осознают, что они — в меньшинстве, что «тупой народ», «быдло совковое» их не поддерживает, что «рабская психология» русских никак не может их стараниями переформатироваться в нечто аморфное и им послушное. Вместо того чтобы крепко задуматься: «А может, народ прав?», — либералы впадают в позу трагических одиночек. Мол, «интеллектуальный авангард» хочет как лучше, но «эта страна» упорно не хочет превращаться в европейскую! А уж сколько для этого сделано!.. И современное искусство, и телеоблучалово специфическим юмором, и все-российские диктанты из Израиля, и много ещё чего интересного. Однако ж не в коня корм!.. Русский народ готов прощать и терпеть — и олигархов, и либералов, и Шендеровича, и Януковича, и много ещё кого.

А вот либерал не способен ни терпеть (хотя очень любит призывать к терпимости), ни прощать. Он может только ненавидеть. И это отсутствие внутреннего благородства как раз и является слабым местом наших отечественных прогрессистов. Неспособность любить не могут заменить ни острое перо, ни сарказм, ни работоспособность. Либералы были и будут в меньшинстве в России, покуда стоит государство русское.

А что же мы?! Пока либералы изо всех сил пытаются оцивилизовывать других, нам следует обратить свои усилия на себя. Нам есть над чем работать!.. Наша власть может улучшиться только одним путём — путём улучшения народных нравов и народной жизни.

...И будем помнить Константина Леонтьева: «Сила государственная выпала в удел великороссам. Эту силу великороссы должны хранить, как священный залог истории, не только для себя, но и для всеславянской независимости».

ГАНИН ЛУГ

РАССКАЗ

— Анисья!

В ответ молчок.

— Анисья!..

Бабка Ганя, бодро шаркая ногами по серому дощатому настилу своего маленького дворика, подошла к невысокому шаткому заборчику, отгородившему ягодный сад, и с надеждой глянула за штaketник.

— Анисья! — снова громко позвала бабка Ганя и прислушалась.

В ответ раздалось осторожное шуршание, и вышла на свет из зарослей малинника белая коза с оборванной верёвочкой на шее. Животное остановилось поодаль, и в его огромных серо-зелёных глазах выражались укоризна и надменность.

— Ах ты ж!.. — только и вымолвила тихо старуха и сокрушённо махнула рукой. Ну не могла она сердиться на свою единственную козу и только причитала с напускной обидой:

— Опять отвязалась. И чего ж ты снова в садик-то забралась? Мали-

ПРОЗА

ну память хочешь? Как только ты сюда залезаешь? По воздуху перелетаешь, что ли? А ну-ка выходи!

Баба Ганя немного прошла вдоль заборчика и приоткрыла узкую калиточку на проволочных петлях.

— Иди сюда, Анисьюшка! — ласково поманила козу. — Пойдём! Я сейчас на лужок тебя свожу. Попасёшься там на сочной травушке. А вечером молочка мне принесёшь. Ну, иди!

Коза хитро поглядела на хозяйку, моргнула, закивала изящной длиннорогой головой и трусцой побежала к калиточке.

Старуха отошла к крыльцу, взяла в руки длинный корявый посох из орешника и заковыляла к воротцам, ведущим на улицу. Коза Анисья, цокая копытцами по дощатому настилу, послушно последовала за своей старенькой хозяйкой.

Вместе они пошли вниз по узкой деревенской улочке, обнесённой с обеих сторон палисадниками и покосившимися заборами.

— Да, Анисья, знаю... Знаю, как ты любишь пастись на нашем лужочке. Щас уже придём, — ласково приговаривала старуха, семена ногами и не оглядываясь.

Она знала, что на лужок Анисья будет бежать за ней вприпрыжку и никуда без спросу не денется.

Сразу за небольшой деревенькой, где всю жизнь прожила баба Ганя, в широкой речной пойме раскинулся огромный заливной луг. Трава на нём росла высокая, по пояс, и густая-прегустая, сочная-пресочная.

Завидев луг, коза заспешила к роскошному пастбищу и начала обгонять хозяйку.

— Беги-беги! Не жди меня. Я доковыляю потихонечку. Только далеко не забегай. — Бабка и сама радовалась всякий раз, когда приводила сюда пасти свою козу.

Такого луга, пожалуй, и не было больше нигде в районе, только возле их Самсоновки.

Покосы здесь были такие!.. Хватало сена на весь околоток — шесть деревень в округе кормились с него. Коси травы — сколько хочешь! Всю не перекусишь.

Ещё до революции, в царские времена, владел этим лугом помещик, но потом, разорившись дочиста, продал его какому-то купцу за долги. При советской власти принадлежал этот луг большому колхозу «Ударник». А после...

После развала колхоза долго стоял луг бесхозный и некошенный.

Но в начале нынешнего века всё чаще стали какие-то мутные люди приезжать на дорогах автомобилях и приглядываться с прищуром на луговое великолепие.

— Глядите, Эдуард Арнольдович, места-то какие! Вот где можно развернуться-то! Прикупите у нас эту землицу. Со всем недорого! Только меня, грешного, не обделите! — подобо-бострастно лебезил глава сельского района, прожжённый и алчный мужичишка Петька Коптелов.

Был он раньше жуликом и мелким аферистом, а теперь умудрился стать аж главой администрации целого района. Что ж, теперь его время наступило, и повсюду пришли к власти такие же прохиндеи, как и он...

Очередной заезжий толстосум любовался красивым лугом с изумрудной зеленью, согласно кивал головой:

— Подумаю... Нравится... Может быть, куплю... Буду страусов здесь разводить.

А после приезжал уже другой соискатель и тоже любовался живописной поймой извилистой речушки Белёны.

Долго не мог Петька Коптелов продать луг. Но однажды ему подфартило...

Баба Ганя, отпустив козу пастись без привязи, тем временем сама слегка примяла траву, расстелила поверх свою штопаную-перештопаную красную вязаную кофтёнку и присела, кряхтя. Как любила она эти прогулки на луг! Вот так она могла и посидеть, и полежать на траве, а потом походить туда и сюда, прислушиваясь к стрёкоту сверчков, жужжанию насекомых, к почвиркиванию и посвистыванию птичек. Она могла подолгу глядеть на высокое небо с редкими белыми облачками и вспоминать свою долгую жизнь.

Старуха вспоминала детство, когда она ещё совсем маленькой девочкой вот так же пригоняла сюда коз на выпас. Семья у них была большая: три старших брата и две старших сестры. Ганя была самой младшей, и поручали ей совсем не сложное, но очень ответственное дело — пасти трёх молочных коз, которые подкармливали семью своим целебным молочком. Братовья-то у Гани уже почти взрослые, молочко козье было им уже не по вкусу, и пили они только коровье. Ну что ж, Гане больше и доставалось козьего молока.

Росла она здоровой и крепкой девочкой. Все соседи и родственники любовались её розовым личиком и красными щёчками:

— Ишь, какая кралечка! На козьем молочке откормлена!

И Ганя гордилась своими щёчками. Ещё она гордилась белокуроыми косичками. Но больше всего она гордилась своими козами. Таких красивых и удоистых коз больше ни у кого в деревне не было.

А потом началась война...

Гане исполнилось уже двенадцать лет, и она хорошо запомнила то жуткое и тяжёлое время.

Все её братьевъя один за другим ушли на фронт. Никто из них живым домой не вернулся.

А затем и старшая сестра Валентина тоже ушла служить медсестрой в госпиталь. Остались только Ганя да Люда, которая и была-то постарше всего на пару годков. А работать Людмиле приходилось в колхозе как взрослой — военное время.

Отец сутками бригадирствовал на полях, а мамка не вылезала с фермы, где с утра до ночи надо было доить и обихаживать коров. С большим напряжением сил работал колхоз для фронта и для всей страны.

Коз по-прежнему продолжали держать, и Ганя всё так же отгоняла их пастись на луг. Только одновременно приходилось ей таскать с собой ещё и косу, чтобы заготавливать луговую траву на зиму для коз и для коровы. В одиночку Ганя накашивала достаточно. Затем ворошила, сгребала. Иногда сестра Люда, отпросившись на пару часов с колхозных работ, помогала копнить сено. Отец на колхозной лошади вывозил понемногу небольшие стожки домой и перекидывал на сеновал.

А потом пришли немцы...

— Поздравляю с покупкой, Сергей Александрович! Теперь эта земля ва-а-аша! Весь луг теперь принадлежит вам. Чего собираетесь разводить?.. — Петька Коптелов, глава сельского района, угодничал, обхаживая покупателя, но внезапно осёкся под косым и злым взглядом нового хозяина луга.

За продажу родной земли свои тридцать серебряников, точнее двадцать тысяч американских долларов — аккурат по сотке за гектар, — Петька уже получил сполна и тут же подписал договор продажи бывших сельхозугодий, ныне оформленных как заболоченное неудобье.

Новым хозяином луга стал странный, свирепого вида, мужик. Был он невысок ростом, коренаст, пузат, с огромной круглой головой, бритой наголо, и масляными чёрными глазами навывкате под густыми смоляными бровями. Одет он был вызывающе богато и броско. Жёлтая в разводах шёлковая рубаша и толстая золотая цепь на шее, какой-то тёмно-красный пиджак заморского покроя, белые широкие, как шаровары, штаны и великолепные, лакированной кожи, чёрные штиблеты с узкими носами.

С этим Сергеем Александровичем, богатым бизнесменом из областного центра, всегда ошивался рядом здоровенный

детина, тоже бритоголовый, но одетый в строгий чёрный костюм с оттопыренными карманами. Он ни на шаг не отходил от своего шефа — охранял его.

Стоял новый хозяин луга на краю, на пологом спуске, на привозвышенности, возле огромного чёрного джипа и озира л окрест свои новые владения. Он был весьма доволен приобретением.

— А что это за животное? — строго спросил он у Петьки Коптелова, показывая толстым пальцем на сидевшую далеко от них в траве старуху, возле которой паслась белая коза.

— Где? — засуетился Петька. — А-а-а! Да это же коза пасётся.

— Коза — это зверь. А я спрашиваю, что это за животное рядом? — снова сердито переспросил Сергей Александрович, показывая пальцем на старуху и повышая голос.

— Да это бабка Ганя. Наша. Местная. Она всегда здесь козу свою пасёт.

Петька Коптелов и сам растерялся от такого хамского вопроса.

— А почему на моём лугу пасутся какие-то животные и козы? — уже почти зарычал Сергей Александрович и повернул недовольную рожу к Коптелову.

Тот раздумывал с минуту, потом развёл руками и, глупо ухмыляясь, произнёс:

— Так она ещё не знает, что у луга новый хозяин появился. Вы теперича сами тут порядок и наводите... А я поехал — дела у меня! — С этими словами Петька Коптелов развернулся и пошёл к своему стоящему неподалёку автомобилю — уже изрядно заезженной чёрной «Волге».

Бабка Ганя пригелась на солнышке и, сидя, согнув кри-вую спину, слегка задремала. Сквозь дрёму накатывались на неё воспоминания о далёком детстве, о военной поре, о том, что пришлось пережить в те годы.

Когда летом сорок второго немцы заняли их деревеньку, то половина жителей уже покинула насиженные места. А семья Гани эвакуироваться не успела.

Отца сразу же арестовали полицаи и куда-то увезли. Больше его Ганя так и не видела.

А сестра Людмила тоже куда-то исчезла. Позже узнали, что она, сопровождая обоз с фуражом для армии, успела отойти с нашими частями, и потом её определили куда-то на хозяйственную службу в тылу. Увиделись сёстры, все трое, только после войны.

Осталась Ганя с мамкой одна.

Корову фашисты сразу же отняли, и свинью тоже. Даже кур прибрали. Только и успела мать спрятать в лесу единственную уцелевшую козу Люську. Бегала потом Ганя в глущую чащобу проведывать её. Люська была привязана на длинной верёвке и выщипывала лесную травку. А на ночь её нужно было перегонять поближе к деревне и прятать в шалашик, замаскированный под копну с сеном. Ночью в лесу козу могли загрызть волки. С началом войны их развелось в округе видимо-невидимо.

Доить Люську тоже приходилось Гане, и приносила она молоко для матери тайком в маленькой кринке. Маму, как и всех оставшихся в деревне женщин, немцы часто гоняли на работы — что-то постоянно копать заставляли.

А потом мать велела перепрятать Люську на лугу. Трава некошенная выросла в рост человеческий, и спрятать там козу было проще и безопаснее. Лес вокруг постоянно прочёсывали немцы и расставляли мины — соваться туда было небезопасно.

На малолетку Ганю немцы и полиция особого внимания не обращали: бегаёт себе девчонка — и пусть. Партизан рядом не было, бои шли уже далеко, все взрослые — на принудительных работах, а дети чаще всего были предоставлены сами себе, и никто за ними особо не присматривал. Вот и бегала Ганя на луг проведывать привязанную к колышку козу, переводила её на другое, новое, не выщипанное место, сдаивала. И сама молочко пила Ганя, и матери понемногу приносила.

— Слышь, Стас? — Сергей Александрович с недовольным видом повернулся к охраннику. — Сбегай-ка! Шугани эту старую клячу. Чтобы я её здесь больше никогда не видел!

Стас услужливо сорвался с места и бегом кинулся в сторону сидевшей старухи. Он сбежал по пологому склону и оступился в травостой. Бежать по густой и высокой, по пояс, траве ему было непривычно и тяжело. Он рвал и мял её ногами, высоко подкидывая их и сгибая в коленях. Луговые растения оставляли на его костюме мокрые следы, пыльцу, соринки и свои семена.

Бежать до бабки было не менее двухсот метров, и скоро, запыхавшись, охранник перешёл на шаг.

Подойдя к старухе, он грубо окрикнул её:

— Эй, старая! А ну проваливай отсюда!

Бабка Ганя, сидя на своей кофточке, повернулась, подняла глаза на молодого хама и, улыбнувшись почти всеми своими уцелевшими зубами, с какой-то спокойной радостью спросила:

— Это почему же, мил человек?

Стас сделал свирепое лицо и прорычал:

— Потому что этот луг принадлежит Сергею Александровичу Гапуку. Он сегодня купил всю эту землю и не желает видеть на ней никого из посторонних. Понятно? А теперь забирай свою козу и сваливай домой. Чтобы больше тебя здесь никто не видел!

Старуха спокойно выслушала Стаса, не проявив ни малейшей эмоции. Она пристально вгляделась в незваного гостя и только сокрушённо произнесла:

— Да как же это луг может принадлежать какому-то Сергею... Гу... Гу... как там его?... пуку какому-то? Это только при царе лугом владели помещики да купцы. А советская власть этот луг отдала народу. Трудовому! Мы тут всю жизнь траву косили. А козу здесь я пасу сызмальства. Как же ты говоришь, что теперь этот луг принадлежит кому-то одному? Он что, барин какой? Или новый помещик?

Охранник слегка растерялся и не знал, что и ответить старухе. Он только хотел прогнать её с луга, исполнить приказание шефа, но он не был конченным отморожком и не желал применять силу к женщине, которая годилась ему в бабки. Стас стоял и напряжённо обдумывал, как согнать бабку с козой и вернуться к хозяину с победным докладом.

— Давай-давай, старая! Уходи подобру-поздорову. Теперь это наш луг. И тебе тут с козой делать нечего! Паси её в другом месте! — Стас говорил торопливо, уже не сердясь, а только напуская на себя страшный вид. — Давай, мамаша, уходи от греха подальше!

Бабка Ганя смотрела на Стаса своими светлыми блёкло-голубыми глазами с материнской лаской и видела его нерешительность и напускную грубость.

— Как же, сынок? Мы ведь на этом лугу всю жизнь и пасли, и косили. Как же его могли продать кому-то? Кто ж право такое имеет? — спросила старуха с детской наивностью.

— Ты что, бабка, новых законов не знаешь? Ещё при Ельцине закон приняли о том, что землю можно продавать за деньги!

Стас хмурился и сердито выговаривал слова. Ему уже хотелось спорить с этой старой женщиной.

— Как же? Неужели новая власть на такое паскудство могла пойти? Как же? Ведь не по-божески это. Земля только Господу Богу принадлежать может, чтобы народ на ней мог свободно трудиться. Неправильные законы твоя новая власть принимает, — бабка Ганя прониклась пафосом и без тени сомнения и всякой боязни продолжала разговор с охранником.

— Слушай, мамаша, ну уходи ты! И козу забирай поскорее, — Стас пытался уже по-хорошему уговорить старуху.

— Нет. Никуда я не уйду отсюда. Это мой луг! Я всю жизнь на нём коз пасу. Я здесь в войну чуть не погибла. Не уйду я никуда. Хоть стреляй в меня! И всё!

Бабка Ганя отвернулась от охранника, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Коза продолжала мирно пастись, а старуха сидела на траве и спокойно наблюдала за своей питомицей.

Помявшись в нерешительности, Стас понуро пошёл назад к шефу, ожидая ругани и оскорблений за невыполненное задание.

Тогда, в тот год, во время оккупации, произошёл с Ганей очень неприятный случай...

Однажды, возвращаясь с луга от Люськи, вынырнула она из травы и выскочила на дорожку, ведущую на взгорочку к деревне. А навстречу ей — невеста откуда — неожиданно попался худой, чернявый, как цыган, мужик в форме полицая и с немецкой винтовкой за спиной. Ей он был не знаком и раньше не встречался.

— Стой! — окликнул Ганю полицай. — Кто такая?

Ганя не испугалась, могла чуть что снова нырнуть в высокую луговую траву.

— Я Ганя из Самсоновки. Местная я, — ответила девочка.

Полицай подошёл к ней поближе и внимательно оглядел.

— Ганя? Что за имя такое?

— Ганна Панкратовна я. Папа мой, Панкрат Пантелеймонович, родом из Белоруссии, а назвал меня так в честь своей мамы, бабушки моей Ганны Алесевны, — бойко, без запинки протараторила Ганя.

Полицай, видимо, почуял запах козьего молока и строго спросил:

— Где молоко пила?

Ганя не знала, что ответить, и ей неожиданно стало страшно. Она испугалась — прежде всего за козу. Вдруг полицай прознает, найдёт Люську и убьёт её?! Останутся они тогда с мамкой совсем без молока. Больше всего было страшно за Люську. Она — последняя живность в их хозяйстве.

«Не отдам Люську!» — подумала Ганя и опрометью бросилась наутёк. Нырнув в высокую траву, она побежала не напрямки, а так, как в шутку учили её, играя в войну, старшие братья, — зигзагами, из стороны в сторону.

Полицай тоже было кинулся за ней, да куда там! Проворная и юркая Ганя, петляя, как заяц, оказалась уже далеко от него, и поймать её он не смог бы никак.

Разозлившись, фашистский прихвостень снял винтовку и, прицелившись в сторону колыхающейся от Ганиного бега травы, выстрелил.

Ганя бежала резво, изо всех сил, не оглядываясь.

И тут — раздался громкий выстрел...

Девочка даже не поняла сначала, что это в неё стрелял чернявый полицей.

Затем прозвучал второй выстрел, и пуля просвистела рядом над головой, едва не задев Ганю. Следом пролетела третья пуля, и Ганя в лихорадочном беге сообразила наконец, что это в неё, ребёнка, девочку, стреляет взрослый мужик, который ещё минуту назад расспрашивал её.

Ганя не испугалась, она не осознавала до конца, что пуля может убить её. Она продолжала петлять влево-вправо и думала только о том, чтобы спасти козу от чужих и посторонних. Девочка бежала совершенно в другую сторону, противоположную той, где была спрятана в траве Люська.

Раздался ещё один выстрел, но пуля прошла уже где-то совсем в стороне. Больше не стреляли, а Ганя убежала далеко в луг, почти к самой речке.

Она до самой темноты сидела, прячась в зарослях ивняка, и плакала. Она боялась возвращаться домой. По глупости назвав своё имя и деревню, она выдала себя. И теперь тот злой чернявый полицей мог отыскать её дом, прийти к ним и убить. Он уже пытался это сделать сегодня.

Набравшись смелости, Ганя всё-таки вернулась домой к полуночи. Мать была сильно встревожена её поздним возвращением, но ругать не стала. В доме никого больше не было, и дочка рассказала маме обо всём, что произошло с ней. Она не стала скрывать того, что полицей стрелял в неё и мог убить.

Мать расплакалась. А утром она пошла жаловаться коменданту, что её дочь чуть не убили. Но коменданту было наплевать. Пьяный подонок в немецкой форме с руганью выгнал несчастную женщину и велел больше не беспокоить его по таким пустякам.

А Ганя снова побежала на луг. Она отыскала Люську, которая так сильно обрадовалась девочке, что начала громко мекать.

— Да тише ты! — испуганно зашипела на козу Ганька. — Отыщут ведь! Убьют!

И Люська, словно бы поняв, замолчала. Девочка подоила козу в крынку, которую прятала тут же, в траве, попила сама и, перелив в походную солдатскую фляжку оставшееся молоко, пошла домой.

Мать дома накричала на неё и велела больше не ходить на луг:

— Да чёрт с ней, с козой этой! Пусть пропадает! А то ведь тебя и в самом деле убьют из-за неё.

Но Ганька замотала головой:

— Нет, мамочка, я не брошу Люську! Ей и так страшно одной там, на лугу. Я не брошу её. Она ведь кормит нас...

И Ганя продолжала ходить на луг к козе до самой осени.

Больше она не встречала того полица. Да и вообще никто больше не обращал на неё внимания.

Поздней осенью, ещё до снега, деревню освободила Красная Армия. И коза Люська, к радости Гани и её матери, снова вернулась домой.

Запыхавшись, весь в поту, Стас подошёл к хозяину; тяжело дыша и мотая головой, сокрушённо выпалил:

— Сергей Александрович! Не хочет бабка уходить с луга!

Шеф и сам видел, что старуха с козой осталась на месте, только не мог понять, почему. Он развёл руки в стороны, растопырил пальцы, нагнул голову и злобно закричал на охранника:

— Что значит — не хочет уходить? Я велел ей убираться вон! А ты почему не выкинул её оттуда? Ты что — барышня кисейная? Ты — мой охранник! Я тебе за что деньги плачу? Ты что, не мог пинками прогнать эту старуху прочь? Она покушается на мою собственность! Этот луг — моя собственность. Ты обязан её вышвырнуть с моей земли!

Сергей Александрович громко орал, мелко сучил руками перед собой, топал ногами. Из его рта вырывалась обильная слюна и брызгала Стасу прямо в лицо. Охранник, сморщившись и нагнув голову, молча выслушивал крик своего хозяина.

— Шеф... Я старух не бью! Я женщин вообще не бью! — пролепетал Стас, не поднимая лица.

Ему было горько и обидно исполнять роль шестёрки при таком злобном придурке, каким являлся его хозяин. Но где Стас ещё найдёт такую непьющую и хорошо оплачиваемую работу?

— Что-о-о?! Я для чего тебя взял на службу? Чтобы ты работал на меня и исполнял мои приказания. Прикажу закопать старуху живьём — ты закопаешь! Понял?! А если ты слюнтяй и маменькин сынок, то иди вышибалой в бордель! Да и там нужно быть крутым, чтобы на тебя юбочку не напялили и косички не заплели! Иди, отлупи эту каргу, чтобы неповадно было, и оттащи её куда-нибудь с луга прочь! А козу

приволюки сюда — я её на барбекю пушу! — продолжал кричать разъярённый господин Гапук.

Стас поднял лицо, смело поглядел в глаза хозяину и твёрдо произнёс:

— Я всё-таки бывший десантник, а не вышибала из борделя! Старуху я бить не буду!..

Сергей Александрович резко замолк. Он впервые за те полгода, что у него работал Стас, услышал от него такую дерзость. А дерзость Сергей Александрович страшно не любил. Он вообще не любил тех, кто ему перечил. Он сразу бил в лицо кулаком или по-другому старался унижить дерзливца. Но Стас был крупнее и сильнее его. Он действительно служил в воздушно-десантных войсках и был крепким бойцом. И ударь его — получишь сдачи в ответ.

Холопский дух уже улетучился из Стаса, и он спокойно и невозмутимо глядел в злобные глазки своего шефа. Тот закипал. Его душила дикая ярость от неповиновения своего охранника. Но ещё больше его задевало то, что какая-то нищая старуха со своей драной козой ползает по его лугу и её не посмели прогнать прочь. Это было возмутительно!

В глазах у Сергея Александровича потемнело от злости, и начало сводить скулы. Он уже не мог громко кричать и только сдерживался изо всех сил, чтобы не взорваться.

— Она сказала, что это её луг.. И она сказала, что всю жизнь пасёт здесь коз! — Стас понял, что уже окончательно потерял работу, и больше унижаться не хотел.

Он решился всё высказать. Но, поглядев на багровое лицо Гапука с бешеными, налитыми кровью глазами, охранник резко передумал что-либо говорить. «Ну его, этого психа!» — подумал Стас, махнул рукой и, резко развернувшись, зашагал вверх от луга — туда, где стояла деревенька Самсоновка. Там он собирался поймать какой-нибудь транспорт и вернуться домой в город, в областной центр.

— Ты куда-а-а? — зарычал Сергей Александрович. — Вернись немедленно! Я кому сказал?!

Стас, уже отойдя на несколько шагов, обернулся, показал бывшему своему хозяину огромный кукиш и выкрикнул:

— Вот тебе!.. А ещё она сказала, что никуда с этого луга не уйдёт. Понял?! Хоть стреляй в неё! Вот так она и сказала. И ничего ты ей не сделаешь! Буржуй!

Стас с презрением плюнул себе под ноги и зашагал в сторону деревни.

Гапук продолжал остолбенело стоять. Но теперь он снова глядел в сторону старухи и её козы. Что же такое могло там произойти, отчего один из лучших его охранников, верный и

преданный Стас, вдруг взбунтовался, перестал подчиняться ему и исполнять приказы? Какое проклятое слово могла сказать эта старая ведьма, чтобы так охмурить крепкого несентиментального мужика и проверенного жёсткого бойца?

Сергей Александрович всматривался вдаль. Он видел, что старуха сидит по пояс в примятой траве. Голова в белой косынке, повязанной назад, возвышалась над луговым травостоем и была повернута в сторону козы. А коза, непривязанная, спокойно паслась поодаль от хозяйки, пощипывала траву, медленно передвигаясь по кругу.

— Хоть стреляй, говоришь? — прошипел по-змеиному Гапук.

У него мгновенно созрел план.

Сергей Александрович подошёл к своему джипу, открыл заднюю дверку и достал из багажного отделения зачехлённый карабин. Он всегда возил его с собой. Но не потому, что был азартным охотником, охоту он особо и не любил, а потому, что наличие серьёзного стрелкового оружия, впрочем, официально зарегистрированного, придавало ему большую уверенность в себе и повышало собственную самооценку. Гапук частенько хвастался перед друзьями своим карабином и чувствовал себя крутым мужиком, едва ли не бравым те-хасским рейнджером.

Вынув оружие из чехла, зарядил его патронами. Он пожалел, что оставил дома оптический прицел — сейчас бы очень пригодился!

Отойдя от автомобиля вперёд на три шага, Гапук вскинул карабин на плечо и прицелился.

В прицеле, на мушке, хорошо была видна маленькая голова старухи в белом платке.

— Ну, ведьма! — пробурчал с ненавистью...

И нажал на курок.

Баба Ганя немного огорчилась от беседы со здоровенным мужиком в чёрном костюме, охранником Стасом, который хотел выгнать её с луга. Старуха действительно так и не могла понять, кто и как может продать заливной луг, на котором испокон века местные крестьяне запасали корм для своих домашних животных.

Ганна вспоминала, ей рассказывала её бабушка, что даже в те времена, когда хозяином луга был помещик, все крестьяне спокойно косили там траву, а вместо платы отдавали из четырёх копен одну. А уж чтобы не пускать на луг пастись коз — такого и вовсе никогда не было. Коров в общем стаде пасли на дальних общинных пастбищах. А коз дозволялось без всякого спроса пасти здесь, на заливном лугу. Благодар-

ные крестьянки, хозяйки коз, часто приносили козье молоко в усадьбу помещика — попотчевать барчат. Помещик и благодарен был. Давно это было!

А тут какой-то гусь с куста вдруг заявляет, что, дескать, и луг его, и козу пасти не смей, и сама, мол, проваливай!

«Ишь, пряткий какой!» — думала баба Ганя и кивала головой. Нет, она не сердилась и не злилась. Ей вообще злость была не присуща. Она просто не соглашалась с таким произволом, с таким беззаконием, которое пытались творить какие-то случайные, пришлые люди, никогда и не жившие-то в этих местах...

Раздался выстрел — длинный, хлесткий, громкий, раскатистый. Мимо головы бабы Гани свистнула пуля и сбила соцветие иван-чая в трёх шагах от неё.

«В меня ведь стреляет!» — моментально сообразила бабка. И вспомнила тот давнишний случай шестьдесят пять лет назад, когда полицай, предатель и фашистский прислужник, стрелял в неё, маленькую девочку, которая прятала козу здесь, на лугу, в травяных зарослях. Старуха вспомнила и рожу того фашиста, и всё то страшное событие; и ей показалось, что именно он, тот чернявый полицай, может быть, доживший до нынешнего времени, снова стреляет в неё, пытаясь исправить свой давний промах...

И только сейчас бабка испытала страх по-настоящему. Она, став на несколько мгновений снова маленькой девочкой Ганей, испугалась, потому что тогда испугаться просто не успела. А сейчас страх догнал её через шесть десятков лет из другого времени, из иной эпохи. Этот испуг прятался где-то здесь — в окрестных лесах, в речной пойме, в луговых зарослях — и терпеливо дожидался момента, чтобы коварно прилететь с выстрелом и догнать её.

Старуха прятко вскочила на ноги, подхватила свой посох из орешины, крикнула козе:

— Беги, Анисья! — и сама бросилась бежать.

Она бежала, как и тогда, спасаясь от выстрелов полицай; только сейчас ноги уже были не такие резвые. Она снова петляла, как и в тот раз, — влево-вправо, вперёд, пригнувшись. Тогда она была маленькая, и трава была выше её роста, и ей легко было прятаться. А сейчас, несмотря на то, что и ростом она стала ниже от старости, всё равно трава была ей всего лишь по плечи и не могла скрыть целиком.

Раздался второй выстрел — громкий, страшный. Пуля чиркнула по траве совсем рядом.

— Папа, мама, помогите мне! — крикнула на бегу бабка Ганя.

Она свято верила, что души её погибшего отца и давно уже умершей матери находятся где-то рядом и не оставят её в беде. В трудные моменты своей жизни Ганна призывала на помощь не Бога, в которого верила, но никогда не видела и не знала близко, а своих родителей, которых знала, любила и всегда чувствовала их поддержку даже оттуда, из потустороннего мира. И помощь всегда приходила.

Третий выстрел прозвучал немного тише. Но на этот раз пуля прошла чуть выше головы. Бабка Ганя ощутила — скорей интуитивно — её секундное дуновение над темечком.

Старуха бежала изо всех своих сил, и расстояние от стрелка и до неё понемногу увеличивалось.

«Как в тот раз стреляет, — подумалось бабке, — и пули так же пролетают!»

Бежать было всё тяжелее и тяжелее. Уже часто и сильно колотилось сердце, чаще подгибались слабеющие ноги, перехватывало дыхание. Но страх, что полицей достанет её очередным выстрелом, толкал её вперёд и вперёд. Баба Ганя уже не петляла, она бежала по прямой и думала только о том, что фашист промахнётся и не попадёт в неё.

Ещё она думала о козе.

— Люська, где ты? — прошептала она, путая имена, вспоминая, что Люська — это была коза военного времени, а сейчас у неё — Анисья.

От Люськи до Анисьи сменилось более десятка поколений коз, и Анисья была уже дальним потомком той козы по кличке Люся.

Да какая разница! Коза должна уцелеть! Она не погибла во время войны от рук тех фашистов, не погибнет и сейчас от рук фашистов нынешних.

Четвёртый выстрел был ещё тише, и пуля прошла уже далеко. Но баба Ганя продолжала бежать. Она долго не могла остановиться и бежала скорее по инерции. Страх улетучился, и она вдруг поняла, что к ней пришла помощь от отца и матери, что они снова помогли ей.

Пятый выстрел её уже совсем не испугал, бабка Ганя твёрдо уверилась, что стрелок не попадёт в неё. Она замедлила бег и перешла на быстрый шаг. Она удалилась от опасного места уже на полкилометра, и, хотя дальность была ещё достаточной для прицельной стрельбы, попасть в неё стало не так-то просто. Старуха продолжала быстро семенить, направляясь к центру луга, туда, где протекала речка. Там можно было укрыться в зарослях ивняка.

«Как в тот раз!» — снова подумала бабка. Ей казалось, что та история повторялась точь-в-точь. Только теперь пряталась

на лугу не маленькая быстроногая девочка Ганька, а уже старая и сухонькая бабка Ганя.

Прозвучал шестой выстрел, но как-то неуверенно.

«Не попадешь, гад!» — уже самодовольно подумала старуха.

Она не останавливалась — и всё шла и шла к речке, к густым кустарникам, росшим по её берегам. Понемногу успокаивалось сердце, и дыхание приходило в норму. Всё-таки ещё достаточно крепкое здоровье сохранила баба Ганя.

«Только бы коза уцелела!» — думалось Ганне Панкратовне, о себе она совсем не беспокоилась.

Седьмой выстрел раздался уже издалека, и было понятно, что стреляет фашист скорей от досады.

Вот и река, и заросли.

Раздался ещё один выстрел. Мимо.

Наконец бабка Ганя остановилась и обернулась назад.

Стрелок был уже достаточно далеко, метров за восемьсот. Старуха приложила ладонь ко лбу и стала вглядываться в маленькую далёкую фигурку стрелявшего в неё негодяя. Тот стоял на взгорке возле своей чёрной машины, которая стала похожа на большую собаку, изготовившуюся укусить хозяина.

«Снайпер!» — баба Ганя ухмыльнулась и, повернувшись, нырнула в густой кустарник. Она знала, что здесь её уже никто не отыщет.

Человек на склоне пострелял ещё немного, уселся в машину и убрался восвояси.

Через пару часов, когда солнце уже склонилось к закату, баба Ганя вышла из своего укрытия и пошла назад — туда, откуда убежала совсем недавно. Она шла искать козу.

— Анисья!

В ответ молчок.

— Анисья!

Пройдя метров триста, бабка увидела колыхающуюся траву, и из луговых зарослей выбежала ей навстречу коза. Она как ни в чём не бывало, весело и с некоторой укоризной, поглядела на бабку Ганю, и в её серо-зелёных глазах отразилась большая привязанность к своей хозяйке и благодарность за всё.

— Пойдём домой, Анисьюшка! — старуха ласково поманила козу, и та послушно зашагала следом.

Бабка шла, не торопилась, разговаривала то ли сама с собой, то ли с козой:

— Ничего, Анисья. Уцелели. И в тот раз не пропали. И в этот раз живы остались. Ничего нам не будет. А луг-то этот

наш! Он всегда был нашим. Нашим и останется. Все эти аспиды, фашисты проклятые, приходят и уходят, а мы, Анисьюшка, здесь всегда с тобой будем. Потому что луг этот дан людям, чтобы на нём коз пасти. А для чего ещё? Не-е-е! Не будут эти чужаки здесь хозяевами. Приходили уже тут однажды такие же шустрые, да потом исчезли незнамо куда... Наша правда!.. Наша земля!.. Наш луг!

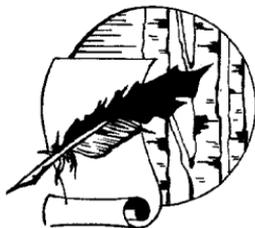
Бабка Ганя семенила, опираясь на свой посох, за ней бежала её коза. Они шли по лугу. По своему лугу. Они были вечными: луг, коза и старуха.

P.S.

Через три месяца Сергей Александрович Гапук был застрелен снайпером возле своего автомобиля.

Петьку Коптелова, землепродавца, посадили за вымогательство взятки на три года с конфискацией.

Сделку по выводу луга из сельхозугодий и продаже частному лицу признали незаконной и аннулировали. Луг снова оказался ничей. Точнее — он остался лугом бабы Гани и её козы Анисьи.

Анна ТОКАРЕВА

РЯБИНА В МЕДУ

МОРСКИЕ КАМЕШКИ

Ты просчитал все «нет» и «за»,
Ты взвесил горькое и сладкое,
А называл мои глаза
Морскими камешками гладкими.

Я для тебя была игрой,
Всё было схвачено, размечено.
Мой отрицательный герой,
Пред Богом были мы не венчаны.

И мрак ночной, и блеск огней
Делить с тобой не будем поровну..
Иди дорогою своей,
А я пойду в другую сторону.

«Благословите, небеса, —
Шепчу пред тлеющей лампадкою, —
Того, кто звал мои глаза
Морскими камешками гладкими».

АВГУСТ

Лиловые, с синим отливом,
На фоне зелёной листвы,
Всё падали спелые сливы
На влажное ложе травы.

Душистая, сочная сладость —
То августа лёгкий уход.

Какая безмолвная радость:
Погладить ладонями плод.

Глядеть, улыбаясь, как пчёлы
Над лакомством липким кружат,
И бледных цветов маттиолы
Нежнейший вдыхать аромат.

Расслабиться, жмурясь лениво,
Пленяясь последним теплом,
Надкусывать кожицу сливы,
Не зная, что будет потом.

РЯБИНА В МЕДУ

Стекает лентой мёд цветочный,
Красна рябиновая гроздь...
Сентябрь смывает многоточье
За невесёлым словом «врозь».

Губами ягоду тугую
Берёшь с моих упрямых губ,
Уверен, что не убегу я,
И потому немного груб.

Расправив крылья, неизбежность
Роняет пёрышко-беду...
Напоминает моя нежность
Рябину горькую в меду.

* * *

В стране распахнутых ресниц
И откровений молчаливых
Нам не кормить с ладони птиц,
Всегда голодных и пугливых.

Увы, страна теперь не та:
Бесстрастны взгляды, звуки, лица...
Но как же тянет к тем местам
Озябшим сердцем прислониться.

Держу синицу на руке,
Влетела в форточку, пичуга...

А боль висит на волоске —
Моя бездушная подруга.

* * *

Облетели до срока
И берёза, и вяз.
Что косишься, сорока,
Чёрной бусинкой глаз?

В любопытстве сорочьем
Есть желанье — украсть.
Чем умишко короче,
Тем навязчивей страсть.

Я — не глупая птица,
Но в шкатулке резной
Потаённо хранится
Унесённое мной:

Гладкий жёлудь — с Тверского
Да с Цветного — каштан...
Ничего воровского,
Так что совесть чиста.

Это просто приметы
Облюбованных мест.
Это прошлого лета
Восклицательный перст.

Жёлудь выпуклым боком
Призывает: «Погладь!»
И стрекочет сорока
За окошком опять.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОГ ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ

Заговор «чёрной элиты»

Григорий Ефимович Распутин — русский крестьянин, уроженец села Покровское Тобольской губернии. Родился 9 (21) января 1869 года, убит — 16 (29) декабря 1916. Он вошёл в историю России после знакомства с семьёй Русского Императора в ноябре 1905 года. Об этом человеке нам, благодаря изданным и снятым в советское время книгам и фильмам, кажется, известно всё. Однако, что уже происходило не раз, при более тщательном изучении вновь открывшихся исторических фактов, многое в образе «распутника Гришки» оказывается не соответствующим действительности.

Разоблачение мифов о Распутине — тема отдельного исследования, мы же в контексте заданной темы попробуем развенчать только одно предубеждение, что, мол, убит он был патриотами России, ревнителями престола и хранителями чести августейшей семьи. Для этого зададимся простым вопросом: «Кто были убийцы Распутина?» Ответить на него не сложно, имена их известны: это князь Ф.Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон — наследник богатейшего и знатнейшего рода; член Дома Романовых, Великий князь Дмитрий Павлович; экстравагантный думский деятель

ДОСЬЕ "МГ"

монархистского толка В.М. Пуришкевич; военврач С.С. Лазоверт; поручик Преображенского полка С.М. Сухотин и некто Освальд Рейнер — подданный британской короны.

На первый взгляд всё вроде логично, но стоит копнуть глубже, и в чистоте помыслов заговорщиков приходится сильно усомниться. Так, оба представителя высшей элиты, дворянства известны как... сторонники нетрадиционных сексуальных отношений и любовники; ярый монархист, «жидобой» и черносотенец был... милостиво отпущен из тюрьмы в апреле 1918-го по личному указанию «рыцаря революции» Ф.Э. Держинского, который оказался... старым приятелем другого участника заговора — доктора Самуила Лазоверта; и, наконец, англичанин — друг детства другого Феликса — Юсупова, с которым они вместе учились в Оксфорде. Как признало недавно британское правительство, сэр Райнер имел звание капитана английской разведки!

Есть сведения, что сановный отец юного барчука, терзаясь мыслью о ненормальности своего чада, приводел его тайно к старцу Григорию, а тот его... выпорол. Что касается Дмитрия Павловича, то он, рано осиротев, воспитываясь в семье Императора, рассчитывал получить руку одной из дочерей Николая. Но когда Государь узнал от Распутина о порочных наклонностях и связях родственника, то отдалил его от семьи.

Не было ли у этого странного союза элитарных педерастов-западников, профессиональных провокаторов и агентов британской разведки другой цели? Не были ли представляемые ими силы крайне заинтересованы в падении православной монархии? Но тогда зачем им было убивать и так как бы работавшего на дискредитацию августейшей семьи Гришку Распутина? К этому вопросу, на который ответить непросто, мы ещё вернёмся.

Не сидели сложа руки

А пока окупёмся в предвоенный период, 1910—1912 годы. Россия, используя свои поистине неограниченные возможности (по мнению американского журнала «Нэшнл джиографик»), стремительными темпами набирая политический вес, быстро богатеет, намереваясь войти в тройку наиболее экономически развитых государств, серьёзно потеснив Австро-Венгрию, Францию, Германию и Англию. Она уверенно претендует на звание супердержавы, имея для этого все основания: третье в мире место по численности подданных, быстрый рост доходов населения (семья русского квалифицированного рабочего жила тогда не хуже его британского коллеги), рост ВВП (до 12% в год) и золотого запаса; укрепле-

ние национальной валюты — рубль; едва ли не самые низкие в мире налоги в сочетании с бурным развитием промышленности (в 1913 году в соотношении с 1909 годом совокупный рост стоимости отечественной продукции составил 150%), строительство железных дорог, увеличение нефтедобычи и т.д. Россия ставила всё новые и новые рекорды. Это, естественно, вызывало оправданную тревогу у завистливых конкурентов и прежде всего её вечной соперницы-«союзницы» Британии.

Англичане, всегда ревностно относившиеся к успехам России, не сидели сложа руки, имея при этом колоссальный опыт затевания всяческих политических интриг и провокаций. Борьба с Россией, её растущим влиянием, всяческое ослабление её и стало одной из целей созданной в начале XX века по инициативе группы английских банкиров во главе с кланом Ротшильдов лучшей в мире разведслужбы СИС (МИ-6).

От Дальнего Востока до Балкан

После Портсмутского договора, завершившего Русско-японскую войну, в которой англичане заодно с янки, поддерживая японцев, защищали свои интересы в регионе, их внимание переключилось на Балканы. Этот полуостров, по меткому выражению сэра У.Черчилля, «мягкое подбрюшье Европы», считался крайне нестабильным, во многом благодаря именно проводимой там Британией политике. Именно здесь после итогов невыгодного многим странам Берлинского конгресса (1878 г.), подготовленного всё в том же Лондоне, создался очаг серьёзных проблем и взаимных территориальных претензий. Здесь и запланировали британцы развязать очередную войну, куда, по их планам, и нужно было втянуть Россию.

К началу XX века ситуация на Балканском полуострове была следующей. Ослабевшая Османская империя, пользующаяся поддержкой британской короны, продолжала из последних сил удерживать свои европейские владения, на которые претендовали Болгария, Сербия, Черногория и Греция. Этим государствам традиционно покровительствовала Россия, считавшая Балканы своей сферой влияния. На всё это с опаской смотрела габсбургская монархия, имевшая здесь свои территориальные интересы. Это и создавало предпосылки к вспыхиванию военного конфликта.

Россия не раз с оружием в руках выступала в поддержку проживавших на Балканах единоверческих ей народов. Однако после убедительной победы над турками в войне 1877—1878 гг. русское правительство больше опасалось усиления в регионе австро-венгерского влияния. С этой целью, как про-

тивовес австрийской гегемонии, русскими дипломатами весной 1912 года было инициировано создание «Балканского союза», в который и вошли государства региона. Однако там бурно шли процессы национального возрождения, и внутренняя политика их правительств скоро переориентировалась на скорейшее решение своих накопившихся территориальных проблем, прежде всего за счёт ослабевшей Османской империи. Греки стремились к идее создания «Великой Эллады», болгары — к «Цельнокупной Болгарии», сербы — к максимальному расширению своих границ от Дуная до Адриатики. Всё это вылилось в итоге в две Балканские войны, втянуть в которую Россию пытались не только придворная «панславянская» партия и сербские националисты-масоны, связанные тайными нитями с английскими «братьями», но также Франция и Британия, несмотря на официально объявленную ими «незаинтересованность в балканской проблеме»!

Сделать этого им тогда не удалось. И кто знает, может быть, и началась бы Первая мировая на два года раньше, если бы не... Григорий Распутин. Именно он в ходе нескольких личных встреч убедил Государя не ввязываться в конфликт на Балканах.

Двойник был!

Григорий Распутин, оставаясь царским другом, несмотря на свои не вызывающие сомнений качества целителя и прорицателя, не обладал, однако, безусловным влиянием на Царя. Николай — человек, достаточно мягкий, был в то же время, что отмечали хорошо знавшие его люди, во многих вещах непоколебимым и даже упрямым. Он умел держать необходимую дистанцию с людьми и обладал вполне достоверной информацией о Григории Распутине.

По его личному распоряжению, за этим человеком было установлено наружное наблюдение. К тому же несколько раз на его родине, в селе Покровском, работала и специальная комиссия, изучавшая его прошлое и расследовавшая, например, причастность Григория к «хлыстам», что, кстати, не подтвердилось. Это позволяет говорить о том, что Императору был хорошо известен человек, которого он допустил в свою семью и непосредственно — к наследнику.

Отсюда ясно, что он не мог не знать и о двойнике Распутина, о проделках и похождениях которого взхлёб писала тогдашняя пресса, находящаяся, как и сейчас, в руках олигархических кругов со своими интересами. Например, после одного из наиболее известных, красочно расписанных пресой шумных загулов «Распутина» в московском «Яру», им-

ператор лично поручил градоначальнику Первопрестольной генералу А.А.Адрианову провести сугубое расследование, которое установило, что в названное время подлинного Григория Распутина в златоглавой и близко не было!

О том, что у него был двойник, писали и другие очевидцы, в том числе такая хорошо известная личность, как председатель Госдумы М.В. Родзянко, а атаман Войска Донского граф Д.М.Граббе встретил в гостях у одного из водивших с Григорием дружбу петербуржцев «Распутина», уже после того, как того... убили. Кто же был заинтересован в двойнике?

Миротворец с берегов Туры

Но вернёмся к нашим Балканам. Вот что зафиксировано в воспоминаниях нескольких свидетелей. «Вспоминаю только один случай, — писала близкая царской семье и хорошо знакомая с Распутиным фрейлина А.А. Вырубова, — когда действительно Григорий Ефимович оказал влияние на внешнюю политику России. Это было в 1912 году, когда [Вел. Кн.] Николай Николаевич и его супруга старались склонить Государя принять участие в Балканской войне. Распутин чуть ли не на коленях перед Государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну и что Россию постигнет неминуемое несчастье». Это сообщение совершенно определенно подтвердил и граф С.Ю. Витте, который отнюдь не являлся поклонником Распутина.

Видно это и из письма Царицы Государю, написанного 1 ноября 1915 г., уже в разгар Первой мировой войны: «Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир и из-за них воевал...»

Последовав совету Распутина, Государь отказался тогда от втягивания России в войну. Мы ограничились дипломатическими рычагами для усмирения амбиций болгар и сербов. Так на пути истинных поджигателей войны с берегов Темзы встал простой русский мужик Григорий Распутин, родившийся на берегах сибирской Туры.

С этих самых пор, если не раньше, Распутин и стал персональной «нон гранта» для британской разведки. В Лондоне решили устранить этого мужика, оказавшего России такую не оценённую ей по достоинству услугу...

Теракт в миллионы жизней

12 июля 1914 года в Покровском на вернувшемся накануне из Петербурга Г.Распутина было совершено покуше-

ние. Пострадавший в тяжёлом состоянии попал в больницу, где через две с небольшим недели узнал, что началась война. Увы, среди окружавших тогда Государя подданных не оказалось того, кто мог бы предотвратить войну, ставшую роковой для России, её народа и династии. Истинный патриот Родины, миротворец Григорий Распутин был далеко.

Кем была Хиония Гусева, совершившая, по сути дела, террористический акт, результатом которого стала самая кровопролитная на то время война? На первом же допросе задержанная полицией женщина созналась в содеянном, заявив, что причиной нападения являются религиозные мотивы. Интересно, что признанная в ходе длящегося больше года следствия душевнобольной, она была помещена в психиатрическую лечебницу, откуда её выпустили в первый же месяц после т.н. «февральской буржуазной революции» по личному распоряжению главы Временного правительства и... масона А.Ф. Керенского, тесно связанного с Великобританией.

Как плелась интрига по втягиванию России в Мировую войну — тема отдельной публикации. Суть в том, что вновь не обошлось без английского «запала» в виде масонской ультранационалистической организации «Млада Босна», членом которой, экзальтированным студентом Гаврилой Принципом, и был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, симпатизировавший, кстати, России.

«Не будет меня — не станет и вас»

Настало время вернуться к вопросу, поставленному в начале статьи. Ответ на него получить легче, если учесть, что выйдя из больницы, Распутин не изменил своей позиции, продолжая оставаться русским патриотом и монархистом, желавшим Родине мира и благоденствия. Этим он путал карты предавшей Россию прозападной элите и либералам, чем и подписал себе смертный приговор.

Одним из его известных пророчеств, обращённых к венценосной семье, были слова: *«Пока я жив, с вами всеми и с династией ничего не случится. Не будет меня — не станет и вас»*. Через два месяца после зверского убийства Распутина, была приведена в действие вторая часть секретного плана — заговор генералов, в результате которого Россия стала республикой. А еще через полтора года государь вместе с семьёй и сохранившими ему верность подданными, был не менее зверски умерщвлен.

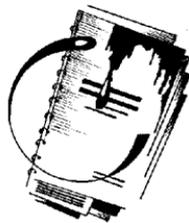
ПОЧЕМУ ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ВСЕМ ЯЗЫК...

Только при рождении и когда мы умираем,
нам разрешается вести себя честно.

Альберт Эйнштейн

Помнится, еще в далекие 70-е, когда ценилось инженерное и научное знание, было модным — не только у технарей, но и у гуманитариев — вешать на стенку фото Альберта Эйнштейна — непрекаемо «величайшего» ученого-физика и мудреца всех времен и народов. Культ научного знания давно уже предан у нас забвению, но, как это ни парадоксально, изображение или кинохронику Эйнштейна мы видим в еще больших пропорциях, чем прежде. В эпоху деградации и попрания науки, в том числе и методом «реформирования» ее институтов, этот в общем-то не лишенный стариковского обаяния дядька с языком наружу в бытовом масскультурном формате окончательно утвердился как символ научного знания вообще...

Но что сделало этого человека великим, если не сказать неоспоримо или даже безмерно великим? Считается, что Альберт Эйнштейн, молодой клерк из швейцарского патентного бюро, чуть ли не в одиночку преобразо-

ДОСЬЕ "МГ"

вал физику из статической трехмерной науки в науку о четырехмерной пространственно-временной вселенной исключительно методом блестящих «экспериментов мысли», описывающих гравитацию, движение, пространство и время. Также он якобы проложил пути к пониманию природы света и энергии — и был первым, кто постиг связь между энергией и массой. Он будто бы не только изменил наш взгляд на физику, но и вообще на природу вселенной.

Вместе с тем такие серьезные ученые, как Роджер Шлафли в США и А.А.Логунов в России полностью опровергают этот взгляд на Эйнштейна как несостоятельный и ничем не доказанный. «Это все миф, — утверждает Шлафли в своей книге «Как Эйнштейн разрушил физику». — Эйнштейн не является автором теории относительности, как и большинства других теорий, за которые его превозносят».

Предмет, о котором пишет Роджер Шлафли, хорошо ему знаком: он — доктор математических наук, по первому образованию электромеханик, преподавал в Чикагском университете и в Калифорнийском (в Санта Круз — где и проживает). Среди прочего — признанный специалист по квантовой физике и специальной теории относительности. Отметим, что в своей критике работ Эйнштейна Шлафли ссылается и на мнение академика А.А.Логунова, написавшего книгу о сомнительных аспектах эйнштейновой теории относительности.

Первым ввел понятие «относительности» и придумал подлинно релятивистскую теорию массы и энергии шотландский физик и математик Джеймс Кларк Максвелл. В 1873 году у него вышел объемистый «Трактат об электричестве и магнетизме», который многие называют гениальнейшим из трудов. По единодушному мнению ученых, в нем были даны самые важные уравнения в истории науки. (Известно, что во время учебы Эйнштейн активно интересовался электромагнитной теорией Максвелла.)

Последующий труд Пуанкаре по вопросам относительности представил теоремы, которые были математически идентичны эйнштейновым, но главное, все же были написаны до Эйнштейна. Р.Шлафли: «У Лоренца и Пуанкаре уже были все важнейшие аспекты теории относительности, и это было опубликовано до Эйнштейна». Между тем эти высоко стоящие в науке фигуры почти забыты, тогда как репутация последнего обрела статус полубога.

Американский ученый приводит объяснение: всем известно, что в молодые годы Альберт Эйнштейн работал физиком в патентном бюро в Берне. Это дало ему доступ к появившимся в ту пору смелым научным открытиям. Он тонко про-

чувствовал конъюнктуру того, что составляло права интеллектуальной собственности, и решил «суммировать» достижения научной мысли, замаскировав свою «попытку отчуждения интеллектуальной собственности» терминологическими пассажами.

Давно уже пора сказать, что Альберт Эйнштейн не является открывателем знаменитой формулы $E = MC^2$. На самом деле, она была опубликована Олином то де Претто в малоизвестном научном журнале в Италии за два года до того, как ее «открыл» Эйнштейн, пусть и утверждавший, что он выдумал это самостоятельно.

Роджер Шлафли доказывает, что Эйнштейн позаимствовал многие идеи у других, заявляя их как свои, включая идею постоянства скорости света и взаимопреобразования массы и энергии в специальной теории относительности (СТО). Он писал: «Понимание Эйнштейном специальной теории относительности... было вторичным по отношению к Пуанкаре. По всем принципиально важным аспектам этой теории Пуанкаре публиковал свои открытия за годы до Эйнштейна — и в более лаконичной форме».

Согласно Р.Шлафли, этапы становления и широта охвата открытий, предшествовавших работе Эйнштейна по СТО 1905 года, как минимум, свидетельствуют о гораздо более широком научном процессе того времени, чем об этом трактуется в банальных общепринятых источниках. Это объясняет и то, что Эйнштейн не получил за СТО Нобелевской премии — поскольку не им первым была выдвинута концепция, как и не им придуман был сам термин. А вот Хедрик А.Лоренц получил Нобелевскую премию за свою работу по теории относительности за три года до того, как в 1905 году появились первые работы Альберта Эйнштейна на эту тему.

И несмотря на эти очевидные факты, опубликованное им в 1905-м «открытие» почему-то принято считать «прорывным и революционным»... Кому и зачем выгодно внедрять эти убеждения? Вооружившись фактами и свидетельствами ученых, Роджер Шлафли доказывает, что ничего «революционного» в них не было. Напротив: «великий мудрец» систематически заимствовал чужие идеи, не воздавая должного их подлинным авторам.

И в этой связи важно подчеркнуть, что сам Шлафли, безусловно, отдает должное своим предшественникам — тем, кто первым стал раскрывать глаза на научные подвиги Альберта Эйнштейна. Речь, в частности, и об академике Анатолии Алексеевиче Логунове, в отношении которого либе-

ральными СМИ организован заговор молчания. А между тем этот талантливейший физик-теоретик очень много доброго сделал для науки и высшего образования: работал в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне, был директором Института физики высоких энергий и почти два десятка лет вплоть до 1992-го — ректором МГУ. Область его научных интересов включала квантовую теорию поля, физику высоких энергий и релятивистскую теорию гравитации. Логунов, в частности, считал общую теорию относительности несостоятельной в качестве физической теории из-за её несовместимости с фундаментальными законами сохранения энергии.

Прочитруем и характерное отношение академика Логунова к наследию Эйнштейна в части общей теории относительности (ОТО) — из статьи о Логунове в «Википедии»: «Таким образом, при более глубоком рассмотрении ОТО оказывается несовместной с фундаментальными законами природы — законами сохранения энергии, импульса и момента количества движения... Ни в макро-, ни в микромире пока нет ни одного экспериментального указания, прямо или косвенно ставящего под сомнение справедливость этих законов. Поэтому ОТО как теория, лишённая этих законов, с физической точки зрения не может считаться удовлетворительной... В силу сказанного выше это может означать лишь одно: отказ от ОТО как физической теории».

Анатолий Логунов считал, что главные ошибки Эйнштейна кроются в математических преобразованиях. Анализируя работу Эйнштейна 1920 года «Об общей и специальной теории относительности», и другие специалисты сходятся во мнении, что в ней много грубых ошибок.

Роджер Шлафли в своей критике Эйнштейна и возвращается к одному из своих источников — книге А.А.Логунова «Анри Пуанкаре и теория относительности», где доказывается, что теория относительности в гораздо большей мере создана не Эйнштейном, а другими. Шлафли показывает, что концепция движения и времени как «четвертого измерения» предшествовала «открытию» Эйнштейна более чем на десятилетие. Ведь Герберт Уэллс ввел и осмыслил это понятие в своем романе «Машина времени» еще в 1894 году. А всего год спустя Лоренц написал научную работу, в которой предложил идею «местного времени в движущемся объекте». Пуанкаре в 1898 году написал трактат, а через два года еще один, в которых исследовалась взаимосвязь между движением и временем...

Роджер Шлафли: «Мы знаем из опубликованных писем Эйнштейна, что он уклонился от признания значительной помощи, оказанной ему первой женой (тоже физиком) в подготовке СТО. Как не воздал должного и многим другим. И в последующем в его работах часто не было необходимых ссылок на источники и на предшественников, в то же время сам он всегда писал протестные жалобы, если не получал того, чего хотел. Он в большей мере, чем кто-либо из ученых того времени, пользовался СМИ для самопродвижения». Всю свою жизнь он продолжал игнорировать используемые им источники и вклад в науку других людей».

Таким образом, Шлафли доказывает, что знаменитый труд по теории относительности, который Эйнштейн написал в 1905 году, является самой переоцененной и перехваленной научной работой за всю историю физики. Это всего лишь искусно составленный плагиат. Монументальный образ ученого-творца и вселенского мудреца просто рассыпается в прах, является фикцией...

В своей книге «Как Эйнштейн разрушил физику» Роджер Шлафли не просто оспаривает научные достижения этого человека, но свидетельствует критическим посылом о том, что такой подход к «устранению конкурентов» вообще характеризует корпорацию подобных «великому мудрецу» людей. Сначала ты без зазрения совести ворует чужое, потом «столбишь» его как свое, а впоследствии, овладевая авторским правом, лицензией и производя необходимую накачку в СМИ, обеспечиваешь себе комфортную левитацию над обывательским сознанием.

Культ Альберта Эйнштейна, по мнению американского физика, негативно повлиял на современную науку. Это привело к практике революционного и никуда не ведущего теоретизирования, нацеленного на ниспровержение подлинных авторитетов.

Почти всю свою жизнь Эйнштейн работал над единой теорией поля, по мнению многих физиков, весьма несовершенной абстрактно-теоретической конструкцией, не соотносящейся с эмпирическими данными. К его методу чаще всего неприменим рациональный подход, основанный на продуктивной схеме «наблюдение — гипотеза — экспериментальная методология».

А между тем Эйнштейна очень часто называют «современным Аристотелем». Аристотель и был гением, давшим людям научную концепцию мира на многие века вперед, тогда как слава Эйнштейна, которого теперь превозносят выше Аристотеля, зиждется на творчестве других людей.

Нелепо, считают специалисты, и говорить о какой-либо вообще прикладной роли идеи тождества массы и энергии ($E=MC^2$) в создании атомной бомбы, а ведь Эйнштейна причисляют к ее создателям. Эта формула и не нужна была для бомбы — и даже намек не давала к тому, как расщепить атом. Да и саму идею атомной бомбы первым озвучил Герберт Уэллс.

Во времена постмодерна Альберт Эйнштейн становится самым известным в мире ученым. Он давно уже ушел из жизни, но его статус в обывательском сознании стараниями масс-медиа заметно вознесен со времени его кончины. Этот человек стал неприкасаемой иконой, а равно и монументальным символом чьего-то интеллектуального превосходства — теперь мы понимаем, мнимого.

От непонятных и нередко чуждых нам научных палестин давайте обратимся на секунду к нашим — внутривластным. О «старике Эйнштейне» мы довольно часто слышим лишь постольку, поскольку именно таков определяющий культурный тренд, навязываемый не только в России, но и в Америке. Иного культурного продукта от либеральных СМИ ждать и не приходится. От них вы не услышите ни о физике Анатолии Алексеевиче Логунове, ни о математике Игоре Ростиславовиче Шафаревиче...

Нас уверяют, что эпоха либерализма в родном отечестве дискредитировала себя и сменилась всевластием силовой олигархии. Да где же? Ничего подобного — и органы зрения нам застыт всё те же, и сообщается о них всё то же — исключительно в атрибутах величия, и сами мы по-прежнему должны огульно приходить в восторг от «культурного продукта», представляющего собой месиво из мнимых ценностей, откровенного безобразия и какого-то «суррогатного материнства» в области интеллектуального права...

Увы — «партия реформ» (или «партия перманентной модернизации») по-прежнему оказывает у нас критическое влияние на принятие решений равно и в сфере экономики, и в образовании — и в области организации науки, в частности. Она по-прежнему нацелена на растворение любых проявлений традиционализма как рациональности, системности и человеческого достоинства. Толстовская фраза о том, что Россия обьяелась реформами, не только не утратила актуальности — стократ подтвердилась, тогда как доверие к реформаторам во столько же раз упало со времен Толстого.

Шагнем чуть дальше Шлафли и Логунова. Не будем утврждать с пристрастием, но стоит допустить и мысль о том,

что доктрина относительности в формате физика Эйнштейна когда-то запустила и парадигму нравственного релятивизма, которой давно уже подчинены смыслы и поступки многих наших современников.

При этом стоит обратить внимание на вот какое обстоятельство (возможно, частично искупающее эйнштейновы прегрешения): он был убежденным пацифистом. Пусть оставаясь лицемером — человеком нескольких систем координат, он выступал всё же против войны. Большое дело. Однако порожденный им ценностный релятивизм как сверхидея в немалой степени способствовал деструкции самой социальной природы общества и человека в ряде стран настолько, что трансформировался в такое качество, когда уже начинает отрицать самого себя. Релятивизм, призванный по замыслу спасти человечество от фатальных коллизий мировых войн, оказался сомнительной панацеей. Увы, от дурного релятивизма в науке до нравственного релятивизма в жизни — всего-то шаг или два...

РАСКАЗЫ

МАМА, НЕ УМИРАЙ...

Автобус тащился по бесконечной хляби. То и дело его заносило, он становился поперёк дороги и походил на раненого зверя, что огрызается от погони.

— Угораздило же меня в такую грязюку... — Сидящий рядом с Дымовым мужчина, стряхивая с фуражки воду, чертыхнулся. Автобус только что застрял в колдобине, и все ходили толкать его. Вывозились в глине, вымокли, и каждый удивлялся — почему люди едут именно сейчас, в эту беспросветную непогоду.

А дождь всё лил и лил, густо и тяжело стуча по железной спине автобуса. От оконного стекла несло холодом, обдавало из щелей водяной пылью. Дымов дрожал всем телом и жалел, что в спешке забыл дома плащ. Неудачником, горемыкой видел он себя в эти часы-минуты: всё складывалось плохо, против него.

Автобус ударился обо что-то, осел и яростно, но бессильно задёргался

ПРОЗА

на месте. Дымов отвернулся к окну и неожиданно для себя заплакал. Слёзы нежным теплом окатили щёки, посолили губы; Дымов не вытирал слёз, остро ощущая их забытый вкус; всё вокруг — окна, одежда, лица — было мокро от дождя, и, наверно, никто не замечал, что он плачет. И кому было знать, что впереди, за толщей этих трудных километров, в осенней деревушке умирает мать Дымова и он торопится застать её в живых. Ему надо сказать ей, как непоправимо виноват он перед ней, как всегда хотел любить её, делать ей что-то доброе, хорошее, и всё недосуг было, руки не доходили — и вот уж поздно. С острой запоздалой болью и лаской он в мыслях обнимал её, сухонькую, старчески кроткую, целовал в маленькое родное лицо — ничего такого не будет теперь в жизни... И раньше он никогда не баловал мать вниманием, а она рядом была, суетливая, добрая, беззаветно любящая их, детей...

В памяти всплыли какие-то далёкие, бедные времена: сидят они — Коля, Витя, Нина, он, Павлик и самый старший из детей, тринадцатилетний Борис, — за столом, а мать ходит с кастрюлей по кругу и разливает жидкую лапшу. С половничек оставит себе. Но все, кроме Бориса, бессовестно просят добавки. И мать делит всё, что оставила себе.

Мысли Дымова тянулись дальше, возвращая его в грустное, голодное детство. Он глядел в окно, на мокрое слезящееся стекло, испорченное пучком трещин. «Видно, камнем ударили и не пробили».

...И вдруг увидел такую же паучью сетку под ногами, услышал хрустко, коленцами расходящийся треск, дикорадостные крики мальчишек. Вот они ватагой, тесно бегут по зеркалу пруда. Молодой тонкий лёд, искрясь трещинками, гнётся под ними зыбко, опасно, а они визжат от страха и отваги. Шарахаются по льду в жуткой удали, в сладостном риске — выдержит, не выдержит... Ледяная вода оглушила, ожгла, и он отчаянно заорал. Рядом тоже кричали и барахтались, обезумело лезли друг на друга. Хорошо помнит Дымов, как от крайних домов, с кручи метнулась к пруду женщина в одном платье, с непокрытой головой, протянула руки тонущим. А под ней обломилось, она ушла по плечи в воду, и он, Дымов, и остальные ребята бросились к ней, хватаясь за её голову и шею, чуть не задушили её, мать Дымова. Потом ему тепло, очень тепло было. Метался в жару, а мать горьким отваром да кипячёным молоком его поила. Не спала две ночи, а глаза её не были сонными, потому что как же ей спать, если ему плохо. И, глядя в её блестящие от слёз и бессонницы глаза, он клялся

себе, что, выздоровев, ответит матери нежной заботой, совершит ради неё несовершенное; станет слушаться её во всём и любить как никогда прежде.

Но после болезни всё пошло по-старому: с ленцой шёл он на зов матери, отлынивал, когда его просили сбежать в магазин, натереть корове сено, принести с погребка дров. Занятия эти были скучны и мелки. Желал он какого-то особого дела, случая, когда можно будет по-настоящему доказать матери свою любовь. Однако такого случая так и не подвернулось... Город, учёба в институте, женитьба вовсе отдалили его от матери. Навещал он её, вспоминал о ней всё реже, в часы одиночества или когда бывало особенно туго в жизни.

— Сволочь я, ну и сволочь же, — шептал Дымов, слушая надрывный визг буксующих колёс. С глухой смутной ненавистью вспоминал он братьев. Махнули в город братья. Только Нинка в селе придержалась, но с матерью не живёт — вышла замуж за механика соседнего совхоза. И у всех дети. Нарожать нарожали, а нянчить, растить — кто-нибудь бы. На лето к матери везут: займись, дескать, внучатами, не скучай. Как будто и вправду есть у неё время на скуку, хотя и пенсионерка. Тут и коровёнка, и овцы, куры, огород. И всё это опять же для них, деток своих: то ли в праздник, то ли к приезду угостить, поддержать их, в городе за всё деньги подавай, а тут — бери, ешь, вези — дармовое, своё... Хлопочет, крутится целыми днями, без отпусков и выходных. Трудится споро, любовно, без устали, робко мечтая переделать когда-нибудь все свои материнские дела и на недельку съездить в родные места, откуда прогнала война. Встретиться перед смертью с единственным уцелевшим старшим братом Григорием. И всё никак не выкроит время: дети росли — куда от них поедешь! Выросли — хлопот и тревог прибавилось. А тут внучат орава...

Автобус вырвался из лужи и поплыл вперёд, оставляя позади затихающий дождь. «Давай, родной, давай, — молил Дымов, чувствуя, как мотор набирает разгонную силу. — Только успеть... Увидеть её глаза. Мама! Подожди, не умирай! Я сделаю всё... Ты будешь жить. Я подниму на ноги всех врачей, всю область». К чёрту работу, городскую текучку! Он возьмёт отпуск, побудет с женой в деревне. Поживут, за хозяйством приглядят, пока мать съездит на родину, под Смоленск. Он купит ей билет в купе экспресса, проводит: «Поезжай, мама, вечная наша труженица и нянька, поезжай, милая!»

Представил и горько пожалел: такого не было, не получалось. Какой год уговариваются уважить мать. Но... зиму заняты, а нахлынет лето с отпусками, Дымовы кто куда. Однако успеют малышей к матери свезти, чтобы руки себе развязать. И нынче Дымов всё предусмотрел: загода куплены путёвки на сочинскую турбазу, отвезён в деревню Владик. «Мама, прости... Теперь ты не будешь нянчить, не будешь! Хочешь, вдвоём поедем на родную Смоленщину?»

Гул движения дробил мысли, они путались, их было много, трогательных и тревожных.

Дождь умаялся, стих. Небо посветлело, однако всё вокруг оставалось угрюмым, неуютным. Слышалось, как жидко, киселём раздавливалась под колёсами грязь. Тёмная сырая пашня. Тянувшаяся за окном, наткнулась на жаркорыжую рощицу старых берёз, за которой толпились нахотлившиеся от дождя домики с тесовыми и шиферными крышами.

Дымов взбежал на качнувшееся от ветхости крыльцо, увидел, как оно грязно и густо услежено. С упавшим сердцем приткнулся к двери, страшась открыть её. «Может, всё уже кончено...» — подумал он и рванул скобу. Тепло и сухо пахнуло в лицо натопленной избой, подовым духом русской печи и свежеиспечённого хлеба.

— Папа! — окликнул Дымова свесившийся с печки Владик.

За приоткрытой занавеской круглился ещё один детский затылок. Дымов не задержался, шагнул в горницу, увидел мать и сестру Нинку.

Мать лежала на кровати лицом к двери, глаза были закрыты. Одеяло на её груди то чуть приподнималось, то опадало: дышит!

— Тиш-ш-ш, — зашипела Нинка, оглядывая брата. — Сними ботинки-то, грязь какая за тобой...

Дымов вернулся в сенцы, трясущимися руками развязал скользкие шнурки, стащил ботинки и, радуясь и злясь будничности Нинкиного голоса, пошлёпал по полу и сел на сундук напротив сестры. Нинка плавно крутила ручку швейной машинки. Рядом лежало скомканное шитьё из какого-то старья. Сердце Дымова стиснули острый стыд и жалость. С ненавистью к себе, к сестре и братьям глядел он сейчас на ворох этих обносков, на раздобревшее в замужестве тело Нинки, на её круглые руки, ловко стригущие ножницами старое платье — ушивает для матери. Носи, мама, радуйся подаркам! И так из года в год. Слиняла скатерть, поветшала кофта, поизносилось платье — всё матери, в де-

ревне сойдёт, любому тряпью будет рада. С каким-то возмущённым изумлением глядел он сейчас на сестру: мыслимо ли вот так спокойно сидеть, уютно чиркать ножницами, быть глухо-беспечной, когда срочно надо что-то делать, как-то изменить жизнь!

— Брось ты это барахло! — едим шёпотом крикнул вдруг Дымов. — Как мама, что с ней? Говори же...

Нинка со страхом взглянула на бледное лицо Дымова, на мокрый, в грязных брызгах костюм, заговорила сбивчиво, виновато:

— Приступ. Позавчера ещё скрутил... а теперь вроде ничего. Вставать пробовала, но я не разрешила. Сама убралась тут, хлебы спекла, ребятишек накормила...

— Каких ребятишек?

— Наших. Чьих же? Владик, Мишутка мой...

— Наших! Детсад устроили. Почему твой Мишутка здесь? Что, дома места нет? Спроварила на шею матери. Ну? Или заработалась, заучилась? Разбедрилась вон как пышка...

— Господи, да что это? Как с цепи сорвался... Поглядите-ка, — глухо запричитала Нинка, готовая заплакать. — Видели: я спроварила... А ты? Твой-то где? И ещё скажу, братик, коли так. Нашего тут и не слышать, смиренный. А с вашим Владиком сладу нет, что ни шаг, то пакость: в колодец лезет, в розетку электрическую пальцы тычет... Какие нервы надо! Измучилась мать с ним, а тут хозяйство ещё, скотина, огород... и кругом одна разрывается. А вам плевать! Избаловались в городе. Но нас уж извините, мы пока в совхозе не обзавелись яслями, это в городе их не счесть... А сюда везёте.

— У меня же работа, диссертация, отпуск, — слабея голосом, сказал Дымов и уставился на свои босые ноги.

— У всех работа, — примирительно буркнула Нинка, встала со стула, вышла в переднюю. Вернулась, подала Дымову кружку, ломтик огурца. — Выпей с дороги. Посинел весь, сляжешь ещё.

Дымов выпил, захрупал огурцом.

— Папа! — донёсся из прихожей голос Владика.

Дымов не шелохнулся.

Он не заметил, как мать открыла глаза, и вздрогнул, услышав её голос:

— Павлуша... Как же... Озяб, Павлуша. Ах, батюшки! — тихо и радостно заволновалась она и задвигалась на постели, оглядывая и ошупывая себя.

Дымов метнулся к кровати, присел на корточки, не зная, что сказать, и заговорил горячо и нежно:

— Не тревожься, мама, лежи, мы всё сделаем, мама.

Ему хотелось говорить матери что-то утешительное, до сладкой боли хотелось произносить и произносить само слово «мама». Он глядел на её жалкое своей худощавостью и бледностью лицо, легонько сжимал её руку, чувствовал слабость её тела, видел себя виновником её слабости, болезни, и, как тогда, в детстве, душу его охватили жалость и любовь.

А мать уже приподнялась с подушки, обеспокоенно оглядывала избу и двор в окне, горевала, что кругом не прибрано, что три дня лежания отлучили её от домашних дел, и она не смогла встретить его как надо, как всегда. Она извинялась даже за то, что больна, что на улице дождь: весной речкой прольёт — капли не видно, осенью ситцем просеет — хоть ведром черпай. Потом вспомнила соседскую дочку Клавдию — почтальоншу, которая с испугу разослала всем Дымовым телеграммы: мать плоха, при смерти.

— Ну, егоза, людей-то как взбулгачила, — не то сожалея, не то радуясь, сказала мать и попросила у Нины платье. — Легче мне, ей-богу, вот взглянула на вас... Ну, давай, давай, доченька. Сама суди: стыд какой — гости в доме, а хозяйка лежит.

Нинка пробовала уговорить мать, потом достала ей тёплое платье, подошла к кровати, велела Дымову на время выйти из комнаты.

В сенях он надел на босу ногу тесные сухие калоши и шагнул во двор. Под навесом серыми валунами грудились овцы, а дальше, в приткнутом к избе сарайчике, стояла корова. Дверь сарая была открыта, и несло оттуда тёплым запахом навоза, мокрого сена. Бродили по вечернему тихие и осторожные куры, задумчиво вытягивая шеи, ступали в темноту сарая и искали насест. Калоши тонули в клейкой грязи, и некуда было шагнуть.

По короткой мокрой лесенке Дымов взобрался на низкий чердак. Здесь было сумрачно и сыро, горько пахло берёзовыми вениками, развешенными над головой, из всех углов веяло шорохами и страхами, сказками и детством. Дымов увидел лыжу, когда-то обитую им жостью от консервной банки. Рядом висели ржавое, без спиц колесо от велосипеда и крутой, словно коровьи рога, руль. Дымов подумал, что совсем недавно здесь текла его жизнь. Что-то он мастерил, переделывал, и эти теперь никому не нужные железки тогда ему оченьгодились. И оттого что они лежат так, как он оставил их, что можно посмотреть их, потрогать, в

душе у него с новой силой вспыхнуло горячее, светлое чувство к дому, к матери.

Он представил, как выглядит эта щелястая, прогнившая крыша под ударами осенних дождей и ветров, как длинны своим одиночеством зимние вечера и ночи матери, как тяжело это одиночество, разбавленное заботами об овцах, курах, корове...

Слезая с чердака, Дымов глянул на стожок сена, обложенный со всех сторон горбылями. «Накосили, привезли... Неужели сама? И навес кто-то починил», — подумал он и вспомнил прошлое лето, как они — Николай, Виктор и он, Павел, — с жёнами нагрянули сюда из города на два выходных дня. Отдохнуть и заодно помочь матери: навес, ворота, крышу починить. Как обычно, с момента их приезда жизнь в доме понеслась галопом... Мать, точно заводная, не отходила от печки: пекла пироги, оладьи, ватрушки, радостно гремела заслонкой, ухватом. Нина не вылазила из баньки, что дымила без продыха в огороде, и возвращалась красная, в поту, с фляжкой крепчайшего самогона. Два дня пролетели, не видя как: в сытных обедах, застольных шумных разговорах, плясках. Вдруг кто-то вспомнил про заборчик и крышу, и все азартно кинулись в чулан и сарай, искали гвозди, топоры, доски и шли во двор, хмельные, улыбочивые, умиленные всем происходящим. Жёны покрикивали вслед: «Переоденьтесь!» Но переодеться никто почему-то не хотел. Наслаждаясь белизной своих рубашек и городским видом, нежно и даже как-то жеманно брали они в руки топор или пилу, а садясь на доски, расстилали платочек, поминутно стряхивали с коленей опилки, и работа неожиданно превратилась в игру, которая на время отвлекла их от стола, дав возможность размяться, повеселиться в своё удовольствие. Не прошло и четверти часа, как из дома выбежала мать и, чуть не плача, призвала бросить всех работу, не позорить её перед людьми: раз в год собрались вместе — и ни посидеть, ни поговорить, работой, скажут, задавила. Да провались она, работа! До самой смерти будет работа! Все легко и охотно согласились с ней, потому что и вправду очень уж неловко было им, праздничным и нарядным, возиться с гнилыми досками, ковырять старую крышу. Их ждал по-крестьянски незатейливый, но богатый стол. И теперь починенный кем-то навес вызвал в Дымове чувство стыда и укора. Он вышел на крыльцо, присел на перила, вынул волглую пачку сигарет, спички, стал чиркать.

— Ай засырели, Павел Никитич! Что там... На-кось мои, — услышал Дымов за спиной знакомый голос и оглянулся.

Перед ним стоял дед Влас, извечный их сосед, — высокий, прямой старик без бороды и усов, в фуфайке и зимней шапке-ушанке.

— Здравствуй, бабушка! — оживился Дымов, принимая из мослатых иссиня-красноватых пальцев тёплый коробок. — Проходи, садись.

Тяжело и осторожно Влас поднялся по ступенькам, присел рядом.

— Ты, бабушка, поослаб, гляжу, побледнел. А?

— Что так, то так, — согласно мотнул головой Влас. — Куда же деваться? Выветрился. Это, поглядь, только земля всегда вон тёмная да небо голубое. А человек, он линяет, тускнеет...

Помолчали. Дымов мельком взглянул в серые, слезящиеся от старости глаза Власа, увидел в них крестики оконных рам и подумал, что когда-то в этих живых зеркальцах отражался и он, Дымов, сначала голозадым мальшом, затем подростком, после юношей-студентом, что глаза эти ежедневно видят жизнь матери и поэтому им много известно. Дымову хотелось спросить о чём-то важном, о матери, но с языка машинально сорвалось привычное:

— Ну, как тут живёте?

— А всё так же... Помаленьку. Хлебушек ныне вволю, — сказал Влас и запнулся, припоминая новости. — Прошлой осенью Степан Дубнов помер, председатель наш. Да ты знал его. Одногодок твоему батьке. Они с Никитой и на войну вместе уходили. Вашего подбили, а Степан вывернулся. И вон ещё до коих председательствовал! При нём и матери вашей всё полегче было. А теперича новый, молодой у нас председатель, чужая как бы для него наша деревня. И Анастасия ему — что пустое место. У него первый интерес — рабочая сила, а мать что? Отдала она своё, было время. А тут сердце... Вон как приступ гвозданул, индык я напужался, внучку послал вас оповестить... Как она сейчас, мать-то?

— Ничего, лучше, — тихо сказал Дымов.

— Авось полегчает... Так оно кругом. Обсмотришься: жизнь даёт один только Бог, а отымают всякая гадина. Жуть. Дружнее нам, людишкам, надоть друг за дружку цепляться. А мать у вас одна. Вы бы больше жалели её, — в раздумье, с лёгкой укоризной говорил Влас. — Ведь одна-а! А на свете, поглядь, всё купишь-достанешь, окромя отца-матери. Я вот и рад бы иной раз подмогнуть ей, да где тут... выветрился. Недели две, чай, навес налаживал. Скажи — куры нахохо-

чутся, а в молодости иль, скажем, тебе вот сейчас это дело трёх часов не займёт. Верно?

— Понижаю. Спасибо, — сказал Дымов, бросил окуроч и поник головой.

— Да оно бы ещё туда-сюда, будь матерьял под рукой, — продолжал Влас. — Сарайчик хотел Анастасии намедни починить, крыша-то — видел? — из камыша, затрухлявилась, дождь начисто прошивает. И всего-то шиферу надо, а поди ж — нету.

— Шифер будет! Завтра же всё сделаем, — твёрдо сказал Дымов.

Из проулка выскочил зелёный, ушлёпанный грязью вездеход, подрулил к Дымову. Открылась дверца. На дорогу прыгнул Виктор, высокий, длиннорукий, взглянул на дом и как-то слепо, неуверенно шагнул к крыльцу. Следом вышла жена Виктора Сашенька, толстая глазастая брюнетка, и младший Дымов — Николай, рослый, большеголовый, с бледным осунувшимся лицом. Они подошли к ступенькам и замерли, уставились на Дымова.

— Ничего, матери-то вашей легче, — кашлянув, буднично сказал дед Влас. — Сердце у неё...

— Мамочка! — воскликнула Сашенька, колыхнулась своим мощным телом и неуклюже зашлёпала по ступенькам. Топая и поскользываясь на грязных половицах, все шумно повалили в сени.

— Вот и говорю: сердце, — оставшись один, договаривал Влас. — Материно-то сердце в детках, а детское — в камне.

Он встал, сошёл с крыльца и зашагал к своему дому.

Часа через два Дымов потащил старика на семейный ужин.

— Нет, Павел Никитич, не пойду, — упрямылся Влас. — Люди вы молодые... Чего мне там? Буду торчать средь вас как пугало в горохе.

— Не обижай, дедунь... Ждут все. И на мать погляди. Встала, ходит мама! Она за тобой и послала.

— Коли так... К Анастасии я пойду, от её зова грешно отказать.

Дымов усадил Власа рядом с матерью, сам он за стол не сел. В клеёнчатом фартуке вертелся с Нинкой на кухне, с готовностью исполняя каждое её поручение: резал лук, мыл рюмки, лазил в погреб за соленьями, подкидывал в печь дровишки. Ему нравилась эта весёлая суета на виду у матери и родных, нравился их смех над его неопытностью в кухонных делах, он и сам улыбался всему, что видел и слышал. Пили с радости, что мама жива-невредима, пили с дороги, чтобы со-

греться, пили с устатку. Дымов ел мало, на бегу, чувствовал оглушающий жар в жилах и с наслаждением отмечал, как скоро и хорошо пьянеет. Лишь дед Влас и мать не замечали спиртного, сидели как святые, но лица их дышали счастьем. Дымов глядел на мать и всё выискивал, какие сказать ей слова, чтобы она и все сидящие поняли, как он любит её. Из какого-то трезвого кусочка его мозга прорывалась сквозь толкотню весело-пьяных мыслей нужная и верная, и Дымову хотелось дать ей ход, развить, запомнить. Эта мысль неслась в себе всё высшее, светлое, чем наполнилось растроганное сердце Дымова. Но хмель тупо тяжелил голову, не давал сделать эту мысль ясной, готовой для высказывания, и он без удержу торопил высказаться. Дымов оглядел стол, лица, высоко поднял рюмку и громко, очень торжественно воскликнул:

— Товарищи!

Все повернулись к нему, притихли.

— Товарищи, я счастлив видеть вас и нашу дорогую маму за этим семейным столом... Вот она, мама наша! Вспомните, как она в войну осталась с нами одна. На руках пятеро, мал мала меньше. Всех она вырастила, воспитала, не растеряла ни одного... И всё хорошее, что есть в нас теперь, за что нас, Дымовых, в обществе признают, — это всё от неё, от нашей мамы...

Голос Дымова становился тише, чётче. Слушая его, все задумчиво и отрезвело смотрели перед собой, мелькали в памяти картины прожитого. Мать глядела в лицо сыну, губы её мелко, нервно дрожали, тянулись скривиться, и она прикрывала их уголком косынки.

— Всю жизнь она для нас, а мы? — продолжал Дымов. — Увлёклись работой, рыбалками, жёнами. Да, да! А мама, единственная наша мама, — на задворках... Стыдно? Да, очень. Мама, прости нас! Береги себя, мама. Мы поможем, всегда будем... Сто лет счастья тебе, мама!

Дымов опрокинул рюмку, со стуком поставил её на стол. Кто-то захлопал в ладоши. Тинькнули стаканы. Все загалдели.

— Да, сынки, да! Мать — оно... Жена, поглядь, для совета, тёща для привета, а уж нет милей родимой матушки, — прослезившись, забормотал дед Влас и, притянув к себе голову Павла, шепнул: — А ты шиферок-то, смотри...

Дымов радостно сграбастал старика, поцеловал его, затем поднялся для новой речи. Хотелось сказать что-то приятное, объединяющее всех, кто сидел за столом. Говорил он о том, что чаще надо вот так встречаться, видеть родных

весёлыми и добрыми, «дружнее цепляться друг за друга», заботиться, помогать, потому что всё в жизни сложно, взаимоблагодарно: вот он, инженер, делает машины, на которых ездит Виктор и ещё тысячи Викторов, а Николай строит дома, и в них живут тоже тысячи. Борис возит грузы в самолётах. На первый взгляд у каждого своё дело, каждый работает себе ради зарплаты и не печётся о том, кому станет лучше, что когда-нибудь получит пользу от вынутого кубометра земли, уложенного в стену кирпича. А это вовсе не так. Каждый взмах руки кузнеца, каждое движение рабочего превращаются когда-нибудь в добро, в общее добро для всех. И если каждый из них, Дымовых, будет делать по чуть-чуть для матери, то ничего не потеряет, и всем станет хорошо.

И ещё он что-то говорил и видел, как его вежливо хотят остановить, потому что уж очень длинна и замысловата его речь. Всем хотелось сиюминутной простоты, ясности, веселья. Дымов чувствовал, как намечающаяся ценная мысль о доброте, о матери, идущая из самых его глубин, ускользает всё дальше, плавится в жарком тумане тела, в разговорном гуле сидящих за столом. Он слышал, как они ублажают мать, зовут её жить в город. Звал мать и Николай. «А этот врёт. Нажрался совсем, — подумал Дымов, слушая младшего брата. — У самого комната на троих. Куда же мать тянуть?»

— ...Газ, вода разная: один кран вертанул — кипятик, другой — ключевая. Хотишь, ванну напусти и плавай... Всё под рукой: и баня, и колодец, и печка. Вот жизнь, мама! Ни дров, ни угля — ничего, а только знай вентили включай, — продолжал Николай, и лицо его потно и густо краснело.

— Нет, Колька, ты сиди, — возражал Виктор, более трезвый на вид, по-шофёрски осмотрительный. — Живёшь ты, чёрт знает где. Словом, Черёмушки. А я — в центре, пуп города. Кинотеатры, базар, цирк — всё тут. И уж если решать...

Долго ещё спорили, советовались, как устроить всё лучшим образом, и только мать сидела совсем онемелая и улыбалась неведомо чему. За неё при надобности высказывался дед Влас, потому как «всё у них с Настасьей заодно, всюдыханию её он знает».

— Эт-то лучше б не затевать, — бурчал Влас, слышав о переезде матери в город. — Тут у неё хозяйство, свой угол. А там чего она? Птичкой в клетке будет. Ешшо на какую сношку наскочит... Э-эх, сладко ли на цыпочках да вприглядку в чужом углу-то жить? Наслухались мы.

Дымов поддержал Власа и даже привёл какую-то удачную поговорку насчёт родного уголка, куда они будут соколиками слетаться. Тогда стали говорить о помощи: чем и как облегчить одинокую старость матери. Дымов веско и деловито напомнил о шифере, который он привезёт завтра же. А чтобы у мамы больше оставалось времени для покоя и отдыха, Дымов увезёт своего хулиганистого Владика. Конечно, всё это аванс, в будущем он устроит матери что-то более значительное...

Потом выпили. Сашенька, разомлевшая и румяная, откинулась к спинке стула, прищурила чёрные лупастые глаза и робко запела о Бирюсинке. Все спохватились, что не пели ещё, разом оборвали разговор и подхватили песню.

А Дымов засыпал, глаза его совсем ничего не видели, в носу горчили слёзы, и, забываясь, он свалился на диван. Падая в лёгкую, затягивающую пустоту, он чувствовал на шее горячие, мягкие, точно блинчики, ладошки Владика и всё рвался проснуться и сказать ему что-нибудь ласковое...

Легли поздно и проспали до полудня. Дымов открыл глаза и испугался, что в окне дневное солнце и надо что-то навёрстывать. Он встал, вышел в кухню и попал в объятия Фёдора, рыжеватого низкорослого крепыша. Нинкин муж был уже под хмельком, так как с утра Нинка раздобыла где-то четверть самогона. Бутыль стояла посередь кухонного стола, грозная и величавая, и твёрдо обещала весёлый день. Фёдор приехал на тарантасе из соседнего села за Нинкой: без неё он как без рук.

Один за другим из горницы вышли Виктор, Николай, чуть погоды — Сашенька. Словно что-то припоминая, все конфузливо потряхивали головами, заспанно улыбались.

— Вот уж и повскакали. В городе бегом да бегом, а тут куда спешить, — суетилась мать, подавая каждому свежие рушники.

— А Борис, авиатор наш, что ж не приехал? Высоко летает, кучерявый. Его и телеграммой, видно, не сразу достанешь, — гоготал Фёдор, кружа по кухне и мешая всем. — Но молодцы... Дружно, по-военному. Тревога — и вот вы...

На загнетке сгрудились в два этажа сковородки, противни, чугуны. Пахло наваром молодой картошки, тушёной капусты. Как только горница освободилась, мать и Нинка мигом перетащили все паренья-жаренья из кухни на раздвинутый поперёк избы стол.

— Когда же успели всё это настряпать, мама?! — искренне подивился Дымов, вместе со всеми садясь за стол.

Мать совсем похорошела за ночь, худенькое лицо её налилось тонким румянцем, держалась она молодцевато. И тяжёлым сном вспомнился Дымову вчерашний день — дождь, автобус, дорога, острая тревога за мать. Теперь он тешился мыслью, что беда отступила, позади, что всё пройдёт, образуется, как вообще проходят и забываются в жизни всякие передраги. На душе была такая лёгкая радость, что хотелось бесконечно благодарить кого-то, любить. И уж очень к месту, к мыслям пришлась первая рюмка самогона и красный, ядрёно растаявший во рту солёный помидор. После второй совсем стало хорошо, захотелось курева, разговору. Тараша голубые и уже бестолково-пьяные глаза, через стол к Дымову тянулся Фёдор.

— С шурином-то ай не хошь? Городским заделался, да?

Дымов, сопротивляясь, взял из чьих-то рук гранёный стакан и с напускной брезгливостью уставился на него.

— По третьей, по третьей! — поддерживая мужа, призывала Нинка. — Закон: по третьей, а там кто как может... насиловать не станем.

Двумя ёмкими глотками Дымов осушил стакан и увидел перед собой частокол вилок с закусками, добродушную улыбку Фёдора, услышал его сочувствующий голос:

— Н-да, никак не идёт, зараза: ты её туда, а она ещё дальше...

Засмеялись, и Дымов подумал, что за этим весёлым крепышом Нинка никогда не пропадёт, она и толстеет, верно, от его шуток и доброты. И вообще, куда бы ни глядел Дымов, чего бы ни слушал, всё кругом казалось понятным, устроенным, ласкало слух и глаз. Мило и безобидно выглядел на коленях матери Владик, было что-то уютное, умиротворяющее в его приятно-картавом лопотанье, в детском толковании окружающего, во всём этом извечном, святом содружестве ребёнка и старого человека. Без внучка на руках мать представлялась обедневшей, лишённой чего-то: так шёл к её морщинкам, кротости и доброте внучек. И Дымова опять потянуло произнести тост, выплеснуть во всеуслышание радостный настрой души. Но вдруг его словно холодком окатило: он вспомнил, что надо ехать за шифером. Дымову стало скверно. Он враждебно посмотрел на стол, на краснощёкого Фёдора, ругнул себя: дурак, если бы не тот, последний стакан... Но кругом клубилось веселье, и Дымов принялся уговаривать себя: больше ни капли. И опять с упоением стал он глядеть на родных, ловить в голове новые мысли о матери, которая, может, занемогла в тоске по ним, детям, и сразу налилась жизнью, расцвела при виде их.

Короток октябрьский день. С востока вместе с ветром надвинулся вечер, постриг солнце, слизал и растворил в бордовом сумраке его лучи, и оно холодным малиновым шаром затонуло в синих, точно застывшие волны, далёких холмах.

Фёдор глянул в окно, встал из-за стола и пошёл запрыгать лошадь, велел Нинке поспешать собираться: ночью по такой грязюке несладко ползти. Заторопились и Дымовы: дотемна надо успеть выехать на большак. Пуще всех хлопотала мать. Она уговаривала детей заночевать, надеялась, что так и будет, но все были непреклонны, всех где-то ждала работа, строгий порядок. Тогда ринулась она в чулан, оттуда — в погребок, тащила отовсюду яйца, помидоры, капустные вилки, стеклянные банки с жёлтым коровьим маслом, белые пластины свиного сала, запорошенного солью и чесночной крошкой. Всё это она торопливо совала в мешочки, в какие-то старые сумки, кульки.

— Ну зачем же, мама? Ну что ты... — виновато и благодарно ворковали сыновья.

Перед выходом из дома столпились вокруг стола, махнули ещё по одной, допив остатки, — не пропадать же добру. Под ноги к Дымову подкатился откуда-то Владик, уцепился за штанину, захныкал:

— А ну собирайся... Где пальтишко? — заботливо и строго сказал Дымов. — Вот разбойник, чуть без тебя не уехали.

— Как хотите, а детей не дам, — вдруг с несвойственной ей твёрдостью сказала мать. — Куда их тащить, на ночь глядя? Сами, помогите Господи, доехали бы... Нет и нет!

— Не бойся, мама. Не такие мы пьяные. Вот я, например... и за рулём опять же я буду, — размахивал длинными руками Виктор, но его никто не слушал, и он потопал во двор заводить машину.

— Покрой голову, Витенька! Надует у окна-то... Не лето тебе. — Мать выбежала следом.

Басисто зафыркал мотор, нетерпеливо и резко прозвучали гудки, подстегнули, ускорили сборы. В последний раз оглядела мать сыновей и разом сникла, как-то уменьшилась вся и беззвучно закашляла в платочек. Все тянулись к ней, обнимали, утешали и пятились к вездеходу, залезали в его тёмное нутро.

И вот она, маленькая, плачущая, осталась на крыльце совсем одна. А за её спиной, расплющив носы о стекло, глазели из окна на отъезжающих Мишутка и Владик. И Дымова пронзила вдруг жестокая отрезвляющая жалость, хотел он что-то сделать в этот последний миг, но его мягко качнуло и понесло.

— Слезь с сумки, медведь! Там же помидоры, — сердилась на кого-то впотьмах Сашенька.

Не набрав скорости, машина вдруг тупо и резко стала, словно наткнулась на что-то. Дымов высунулся в окошечко и увидел Власа. Старик стоял без шапки, на его розовом черепе ветер трепал пучочки седых паутинок, забрасывал на лицо концы старого шарфа, которым была укутана его шея. Перемогая ветер и шум мотора, он кричал хрипло и слабо, давясь одышкой и кашлем:

— Шиферок-то, Павел Никитич! Шиферок-то как?

СЕНО-СОЛОМА

К вечеру Егор Никитич совсем приуныл и, намаявшись, решил лечь пораньше, уснуть, чтобы не думать о завтрашнем дне. Завтра надо вести на рынок корову. Решили продать.

Сон так и не пришёл настоящий. Егор Никитич слышал, как после третьих петухов зашаркала на кухне Фрося, жена, как по-утреннему густо промычала во дворе Белянка.

Он оделся и вышел на крыльцо.

Было воскресенье, город неохотно просыпался. По шоссе к кольцу, невидимые в тумане, изредка проезжали машины и мотоциклы. Дом Егора Никитича стоял на окраине, где смешались частные домишки и многоэтажные корпуса. По утрам, прежде чем ехать на завод, он кормил корову, кур, успевал кой-чего попилить, построгать. Выходя к автобусу, с усмешкой смотрел на горожан, спешащих к остановке, заспанных, только что от подушек: опаздывают начинать день, а потом до самого вечера суетятся...

Егор Никитич умылся, причесал белесый чубчик, заглянул в зеркальце, вмазанное в стенку около умывальника, и ухмыльнулся:

— Во, мать. Раньше, бывало, утром сполоснёшься, лицо кровью горит. А теперь чёрт-те чего. Серый, глянь-кось, как утопленник.

Перед тем как вести корову со двора, Егор Никитич жёсткой щёткой огладил ей бока, шею. Белянка была крупной, породистой, красивой: белая с жёлтыми подпалинами, тёмные лакированные рога, изогнутые, как ухват. Она ещё не стара, и молоко у неё бежит как из родничка — восемнадцать литров при средних кормах. В июле огулялась, значит, к весне жди приплода. Эх. Да чего там... Только дурак расстанется с таким кладом.

— Сколько же запросишь, отец? — Фрося настороженно заглянула в лицо мужа.

— Базар цену скажет. На что спрос, на то и цена, — ответил Егор Никитич, всё сильнее досадуя на себя. Вчера, после шумного разговора о продаже коровы, он махнул рукой: пусть будет по-вашему. Автомобиль Анатолий решил брать, а денег не хватает. Как не помочь сыну? Парень толковый, непьющий. Работает на стройке мастером, в институте вечерами занимается.

— Отец, прихватил бы сенца. Кто скажет, сколько там простои́те, — напомнила Фрося.

— А то не прихвачу, — буркнул Егор Никитич, взял мешок и по лестнице влез на крышу сарая. «Опять же, и сенцо заготовлено на зиму. Да каким трудом! Всё лето из осинника возил. А куда его теперь?..»

Мешок с сеном он вскинул на плечо и потащил корову за собой. В воротах Фрося перекрестила её и долго потом стояла у калитки. Егор Никитич изредка оглядывался, видел одиноко стоящую жену. А дети даже проститься не вышли. Дрыхнут... Из головы не шёл вчерашний разговор.

— Пап, и не надоело? Как на привязи около коровы... На старости отдохнули бы, по-людски пожили, без хозяйства обойдёмся, заработка нашего хватит, — уверял Анатолий.

Меньшой, Федя, тот был откровеннее:

— Копаются, как жуки в навозе...

— Ну, ты поговори у меня! — прикрикнул на него Егор Никитич. — Молоко пить любишь, а навоза, значит, стыдишься!

— В магазине молока сколько хочешь.

— Понимал бы. Там, знаешь, оно какое? А в нашем — жирности пять процентов. Это ж сливки, дурак.

— В магазине и сливки есть.

— В магазине много чего есть, а денег-то сколько зарабатываешь? Всё в магазин целят...

— Не упрекайте. Кончу школу, наработаюсь, — обиженно огрызнулся Федя.

— А меня в классе пастушкой прозвали. Летом все в пионерский лагерь едут, а я Белянку на задворках пасу, — затараторила тринадцатилетняя Мотя. — И вообще мы не современные, и имя мое некрасивое — Мотя, Мотря. Ребята поют: «Эй, Матрёна, подои Бурёну...»

— Имя у тебя, дочка, хорошее, — остановил её отец. — И наплевать, что поют. А помогать родителям надо. Мы с матерью для вас же стараемся, чтоб молоко свеженькое, мясо...

— Пусть лучше воздух во дворе свежим будет, — наступал Федя. — Стыдно ребят пригласить: корова мычит, поросята хрюкают, навозом несёт...

Ну это уж зря, напраслина. Двор Егор Никитич держал в чистоте, навоз аккуратно возил на окраину, в овражек. Осе-

нюю там его растаскивали дачники, а то прямо во двор к Рыбаковым заезжали. Выходит, и тут Белянка не провинилась.

...До рынка было километра три. Сперва Егор Никитич шёл по шоссе, потом свёл Белянку с высокого полотна на грунтовую: по асфальту шагать ей было непривычно.

Когда завиднелся жёлтый забор рынка, Егор Никитич остановился и обернулся к корове.

— Ну что, Белянка? — вздохнув, сказал он. Вдруг вспомнилось время, когда она была телёночком — лопоухим, беляненьким, с чёрными блестящими глазами...

С родных мест Егора Никитича столкнули письма Анатолия. Сын отслужил в армии, уехал в город, на окраине взял участок земли для дома, ссуду. Но строиться было некогда: работал, учился. Уговорил отца.

Дом поставили в одно лето. Целодневно Егор Никитич плотничал, столярничал, к вечеру валился с ног от сладкой усталости. Могли он мечтать о такой хорошине, живя в глухой деревне, в саманной хатенке? На Михайлов день, когда выпал первый снег, Рыбаковы перебрались из дощатой времянки в тёплый дом. После новоселья, оказавшись без дела, Егор Никитич поскуцнел, запросился на завод. Надо было покрывать расходы. Дом многое вытянул: каждый гвоздь, шпингалет покупные.

К новой работе привык, старался, премиями его не обделяли. Но — странное дело — дома Егор Никитич почти никогда не думал о заводе.

Особенно томился он по вёснам. От тёплых мартовских туманов и дождей чернел далёкий лес, из оседавшего снега выплывали тёмные тропинки и дороги, набухали овраги, на взлобышках дымились рыжие проталины. Затем дружно наваливались солнечные дни, всюду весело таяло и подсыхало... В такое время Егор Никитич частенько, привалясь спиной к потоньшавшему за зиму стожку сена, долго глядел в сторону нарядной чёрной пашни, где, попыхивая голубоватым дымком, стрекотали, кружились игрушечные издали трактора. Оттуда набегал мягкий свежий ветерок, знакомые запахи... Тогда что-то смутное теснило грудь Егора Никитича. Он слезал с сарая, как неприкаянный бродил по двору, тихонько бурчал под нос старую деревенскую прибаутку: «Эй-ка, выверни оглобли, закинь сани на поветь! Эй-ка, выверни...»

Тихими апрельскими ночами он нередко просыпался безо всякой причины и, заслышав глухое бормотание ручья под окнами, слабый стук капли с крыши, радовался: какая на дворе благодатная сырая ночь! Лежал с открытыми глазами, сожалел, прикидывал... Сырой апрель — к урожаю овса. Так, ка-жись? Легонько толкал Фросю. Та отворачивалась к стенке, но

уже не могла уснуть, слыша, как он вздыхает, ворочается. И начинали шептаться, вспоминать... Овёс? Сей его, когда босая нога на пашне не зябнет. Ерунда. Овёс воду, грязь любит... Воды нынче много? Это ещё полдела. В ту зиму снегу вон как привалило, а весь пригородный район засуха спалила. Отчего бы? Тут яснее ясного. Вспомни-ка, весной овражки заиграли, потом замёрзли. К тому же всю зиму теплынь вон какая держалась, земля не промёрзла, так с чего же она соку даст?

Вёснами Егор Никитич был замкнут, в разговоре и на работе рассеян.

Так и прожил он в городе шесть лет в ожидании неизвестно каких перемен. Думалось: а и впрямь не плюнуть ли на домашнее хозяйство? Зажить повольнее, в театрах, в цирке с Фросей потолкаться, на рыбалку с ребятами поездить. Такие мысли наседали на Егора Никитича особенно в дни поздней осени: моросили тусклые затяжные дожди, дул ледяной северяк, в закутке нудно повизгивал поросёнок, требуя тёплого поила и сухой подстилки. Томясь по воле и стаду, тревожно мычала в сарае Белянка. И какая бы ни была погода — лезь в сарай. Тереби сено, убирай навоз...

Но вот наступали весна, лето. Выщеганив у лесника зелёную полянку или влажную лощинку молодого разнотравья, Егор Никитич в выходные дни вёл туда всю семью. Как радостно было видеть у себя за плечами рослых сыновей, их раскрасневшиеся лица, дышать июньскими запахами! После полудня Анатолий и Федя, намахавшись литовками, с непривычки оглушённые усталостью, валились в зелёную прохладу и мигом засыпали в духовитой дремотной тиши просечки. В такие часы-минуты Егор Никитич сильнее, чем обычно, любил своих детей.

Теперь покосов не будет. Кому оно, сено-то?

У ворот Егор Никитич остановился и, подняв голову, прочитал: «Рынок для продажи поношенных вещей с рук». В народе же это место называлось толкучкой. В субботние и воскресные дни сюда съезжались не только из города, но и из дальних сёл.

Когда строили дом, Егор Никитич тут бывал, по вольной цене доставал всяческую утварь, какую — хоть расшибись — ни в одном магазине не сыщешь. Почти любой хозяйский интерес здесь удовлетворишь, имей только в кармане рубли. Но никогда не входил он в эти ворота как продавец, был лишь покупателем. А покупать всегда весело и приятно — будь то хоть горсть гвоздей. Сейчас Егор Никитич стоял в нерешительности, пропускал мимо себя в ворота рынка напористый поток людей — с кошёлками, узлами, тележками. Стоял и робел шагнуть в этот поток, боялся — потеряется в нём, Белянку потеряет...

— Гражданин с коровой, входите в другие ворота. Уйдите с дороги! — крикнула ему тучная женщина в белом халате, с красной повязкой на рукаве.

Через узкие ворота Егор Никитич вышел на пыльную площадку, где торговали скотом. Он привязал Белянку к деревянному буму и огляделся. Рядом стояла худенькая коровёнка неопределённой масти. Дальше по ряду пестрели ещё несколько бурёнок, бычков. Полуприкрыв глаза, они жевали серку и на взволнованное, приветственно-испуганное мычание Белянки не отзывались. Вскоре и Белянка утихла. Среди всех коров она выделялась: была крупнее, красивее, и покупатели азартно загомонили вокруг неё. Но Егор Никитич ломил такую цену, что люди, недолго торгуясь, проходили дальше. Кто-то сказал ему:

— Ты, дядя, в своём уме?

— В своём, — твердо ответил он и озлился на покупателей.

По рядам, среди коров, блеющих овец и коз, повизгивающих поросят, кружились два татарина. Один молодой, в кожаном плаще, хромовых сапогах, румяный. Другой — старик в чекмене, подвязанный верёвкой, в пыльных ичигах и потёртой фетровой шляпе, сухой, костистый, с аккуратной серой бородкой, сонными щёлками хитрых глаз. Он шагнул к Белянке и пошлёпал по её спине ладонью.

— Караша, караша.

Потом залопотал с парнем на своём языке. Старик присел, схватил Белянку за упругое вымя, нацедил в ладонь молоко и усердно растёр пальцами.

— Молоко неплохой. Кароший молоко... — заскрипел он и, легонько надавливая, повёл кулаком по спине коровы, по самой хребтине. Если яловая — прогнётся, а коли стельная — сколько ни дави — не шелохнётся. Старик татарин улынулся и опять сказал что-то напарнику. Егор Никитич радостно смекнул: этот старик на редкость опытный покупатель. Белянка ему насквозь видна, он-то уж оценит её! Меж тем татарин озабоченно мял подгрудник коровы, потом запустил руку в её рот. Он сделал это так ловко, что от природы гордая и недоступная для чужих Белянка даже не шевельнулась, спокойно дала пересчитать свои зубы, Егор Никитич тоже был спокоен: у Белянки девять зубов, нечётное число, а нечет — верная примета щедрого молока. Старик с завистью взглянул на Егора Никитича и задумался. Потом ещё раз обшарил корову хитрыми глазами и, всё ещё чему-то не веря, нежно, снизу вверх провёл ладонями по её лакированным тёмным рогам. Ну, дотошный, упрямый старикашка! Ничего не спрашивает, до всего сам доходит. Есть на рогах у коровы с виду незаметные кольца. Сколько колец — столько телят. Ну и мудрец, борода. Но муд-

ри не мудри, а худого в Белянке не отыскать, корова что надо: не стара и не чересчур молода, самый сок.

— Караша, караша, — лопотал старик. — И молоко караша, и мясо караша.

Когда хвалили Белянку за молоко, Егор Никитич гордился ею, и в то же время брала его острая зависть к покупателю. Он представлял, как в марте Белянка отелится, как одарит нового хозяина богатым молоком, как, окрепнув малость, зарезвится на лужайке теленочек...

Когда хвалили за мясо, его охватывала тревога. В скрипучем, едком голосе старика «мясо караша, мясо караша...» улавливал он что-то зловещее. В голову напал страх: бойня, рёв перепуганных коров, запах свежей крови... Совсем уж надо быть бессердечным, чтобы отдать Белянку каким-то живодёрам, угробить такую ведерницу.

Выходило, что хоть так, хоть эдак, а продавать Белянку нельзя. Но коли он стоял в торговом ряду, надо было вести и кончать дело. Когда же он назвал старику цену, тот замахал руками:

— Ай-я-яй. Плохой хозяин, плохой...

Но если б старик согласился с этой ценой, Егор Никитич тут же увеличил бы её.

Татары, чертыхаясь, ушли. Как пить дать, вернутся: зачем без толку по базару колесить, лучше Белянки им не найти, они сами это знают. Однако в Егоре Никитиче прояснились и другие мысли. Такой хитрюга, покупая, не станет хвалить товар при хозяине. Купит тот, кто хаёт. Татары вышли, верно, на разведку, а на следующий базар свою скотину приволокут. Егор Никитич глянул им вслед и ругнул себя: каждому, кому не лень, позволяет тискать, лапать Белянку.

А время шло. Подходили ещё покупатели, он для порядка перекидывался с ними какими-нибудь словами, изнемогая от безделья, от бесцельного стояния здесь, в торговом ряду.

— Дорого берёшь, хозяин. А дешевле?..

— То и дешёво, чего не надо, а что нужно, то дорого, — отвечал он бойкому рыжему мужичку. Тот егозливо хлопотал около коровы, заглянул в её лилово-чёрные глаза, поочередно дунул в них зачем-то, потом озабоченно стал дёргать её за хвост, будто проверяя, настоящий он или приклеенный.

— Стельная? — спросил он, не выпуская из рук хвоста.

Егор Никитич мрачно кивнул и ухмыльнулся: при чём тут хвост?

— А не врёшь? — Рябоватое лицо мужика по-петушиному навострилось. Егор Никитич промолчал. Тогда мужичок, норовя до всего дознаться самолично, кулаком ткнул Белянку в бок. Егор Никитич не стерпел.

— Эдакому дураку я и за миллион не отдам её... Проваливай, — сказал он и оттолкнул мужичка.

Понемногу отстранив покупателей, Егор Никитич дал Белянке охапку сена, сел рядом на мешок, вынул из кармана узелок со своим припасом. Белянка обдавала его шею тёплым дыханием. Живое, понятливое существо. И вот надо обменять его на деньги, а деньги завтра же вытекут из рук, как вода, и ничего не останется, будто и не было Белянки, не растил он её, не выходил из худенькой телушки.

Мысль о продаже коровы всё больше казалась глупой. А когда она была умной? Нынче утром, когда сквозь сон Егор Никитич услышал, как Фрося звякнула подойником, он хотел остановить её: неужто не знает, что выдоенную корову никто на базар не ведёт, — товар подачу любит. Но он не остановил жену, в нём ещё была упрямая вера: сборы на рынок — пустая затея. И сама Белянка как будто подкрепляла эту веру. Говорят, животные предчувствуют недоброе, но Белянка с самого утра вела себя спокойно, спокойнее, чем в тот раз, когда её на прививку водили. А сейчас похрупывает свежее сено и не знает, милая, что в любую минуту у неё может появиться новый хозяин, который решит, куда её — на молоко иль на мясо.

...Всё так же бестолково толпились вокруг покупателя. Мимо Егора Никитича два парня волокли крупного барана с гордо завитыми рогами. Налив кровью глаза, баран упирался ногами, бороздя копытами землю. Но парни были сильные, похохатывая, ломали его сопротивление. Егор Никитич прикрикнул на парней, но те не услышали, и он отвёл взгляд, чтобы не видеть озорников и насмерть перепуганного барана. Ясно вспомнился вдруг отцовский двор, курчавые — чистый каракуль! — ягнята, играющие на сухой мякине гумна.

Напротив торговали две тётки: одна — курами, другая — поросятами. И кур, и поросят разбирали споро. Поросята пронзительно визжали, когда их хватили за задние ноги и опускали в мешок. Но тревожились они напрасно. Их, ясно же, берут на зиму, впереди у них долгое лето, тёплые лужи, потом осенний обильный корм перед заколом. Целый год им ещё хрюкать. Иное дело — куры. Почти всех их ждала одна участь. И может, предчувствуя близкий конец, они, когда их брали за лапки, беспомощно и обречённо замирали, распустив крылья, и лишь немного кривили шею, норовя задрать голову и посмотреть, куда их несут...

— Что, сосед, плохи дела? — к Егору Никитичу подошёл хозяин тощей коровёнки. — Я-то думал, только мою старушку обходят, а гляжу, и на твою охотников мало. С моей-то морока одна: молока нету, а на мясо кому такая нужна? Разве что

на комбинат, хотя и там не шибко дадут. Коза козой. Корм коня дороже. А твоя, брат, если и молоко присохнет, мясом возьмёт. Четыре центнера небось чистого...

— Это почему же молоко присохнет? — насторожился Егор Никитич.

— Да я к примеру..

— Ну, примеряться иди вон к кому-нибудь...

Обескураженный, мужик отошёл. Был он высокий, кадыкастый, длинношей, костлявый; взгляд его казался недобрый. Коровёнка рядом с ним, дылдой, и впрямь выглядела козой. И Егору Никитичу подумалось, что она лет десять небось тянулась изо всех сил, но так и не могла насытить этого жадноглотта и стала ему не в милость, вот он и поносит её на людях.

Мужик не нравился ему ещё и тем, что свою жидкую коровёнку норовил равнять с Белянкой: вот-де, сосед, какие мы неудачливые — не берёт нашу скотинку покупатель. Но обида тут же ушла: рассудить — ничего плохого мужик ему не сказал. И хлопчет, толчётся он здесь с ясной целью: подвернись сговорчивый покупатель — мигом сплавит коровёнку. Не то что он, Рыбаков. Пришёл продавать, а сам на покупателей как на лютых врагов косится. И что он думает делать дальше?

А думал Егор Никитич о многом, обо всём сразу — о толкучке, о доме, о Белянке, об Анатолии и его ещё не купленном автомобиле, о сенокосах, о заводе. Мысли разбрелись в голове, как телята по луговине, но решить толком он так ничего и не мог.

К полудню ветерок разогнал на небе редкие облака, оно чисто и горячо засинело. Не поверишь, что сентябрь. Откуда-то налетела мошकारа. Коровы, распуская изо рта стеклянные нити, задёржали головами.

Шагах в пяти от Егора Никитича на поломанном фанерном ящике обедал кадыкастый мужик. Чую запах хлеба, тощая коровёнка его изворачивалась на привязи, выгибала шею, норовя языком лизнуть хозяина в спину, напомнить о себе, о своём голоде. Мужик наконец обернулся, ладонью ударил её по морде, затем отломил кусок мякиша и положил ей на язык. Коровёнка сжевала хлеб и, проглотив, стала ещё голоднее, ещё длиннее потекли слюни. Егор Никитич подошёл к ней и вытряхнул из мешка остатки сена.

— Хоть и не велика твоя коровка, а булкой её не накормишь, — сказал он.

— Спасибо, сосед, — поблагодарил кадыкастый. — Только зря... Мы, пожалуйста, скоро отчалим. Сколько можно на солнце калиться?

— Слушай-ка, ты не посмотришь тут, а? — попросил Егор Никитич. — Мне бы на минутку потолкаться, фуганок купить.

— Давай, давай. А чего? Постерегу, — охотно отозвался тот.

Егор Никитич перешагнул через низкий заборчик, отгораживающий скотный рынок от толкучки, и попал в пёструю шумную тесноту людских спин, голосов. От несметных запахов, звуков и горячего солнца воздух густел, в глазах рябило. Легонько, как от стопки вина, кружилась голова, в ней не задерживались никакие мысли, уходили вместе с проплывающими лицами и вещами, по которым Егор Никитич успевал скользнуть взглядом. Он проталкивался в тот угол, где обычно продают столярный и плотницкий инструмент. И оттого, что он шёл покупать, ему стало легче, свободнее. Он изредка поглядывал в сторону скотного рынка, отыскивал Белянку и шагал дальше.

Фуганок он нашёл у старухи. Она сидела на земле, на мешковине, и дремала. Перед ней был разложен целый набор инструментов. Егор Никитич взял фуганок, и тот словно влип в его ладони — такая ловкая удобная вещица. Фуганок был сделан из граба. Вековой инструмент! Рукоять ножовки, рубанок, отборник — всё из той же редкостной древесины. Какая нужда погнала сюда старуху?

— Зачем вы их продаёте? — присев на корточки, спросил он.

Старуха открыла мутные, голубовато-оловянные глаза, выставила из-под шали левое ухо. Егор Никитич крикнул погромче:

— Дед, говорю, не заругает вас?

Она не сразу нашлась что сказать: с таким вопросом к ней ещё не подходили. Потом зашепелявила. Верно, её старик не позволил бы нести на рынок такой инструмент — заветного не продают. Да совсем плох старый, а детей в доме нет. Разъехались. Бледное лицо её опять как бы застыло, глаза начали слипаться. Ничего ей больше не надо, кроме солнца, тёплой шали и покойной дремоты...

Егор Никитич отдал деньги и зашагал, на ходу поглаживая фуганок: сколько рук небось утешалось им в работе! А перед глазами всё мельтешила старуха и не давала власть порадоваться новой покупке.

Подходя к заборчику, он столкнулся с высоким парнем в цветном свитере, в светлой фуражке козырьком назад. На лбу пылезащитные очки.

— Митька? Томин? — Егор Никитич не верил своим глазам.

— Чего... А, дядя Егор! — Парень грубовато обнял его за плечи.

Растерявшись поначалу, они молча смотрели друг на друга.

— Тебя не узнать. Какой вымахал!.. Ну, давай отойдём, что ли. — Рыбаков взял парня за локоть и потащил из толпы к заборчику. — Ты шибко торопишься?

— Тороплюсь, дядь Егор. Я тут на мотоцикле с товарищем. Он уворот меня ждёт. Камеры купили и покрышки, а сейчас домой.

— Вы как же, прямо из Николаевки своим ходом?

— А чего? Три часа езды...

— Ну, молодцы. Далеко всё ж. И кого только на толкучке не встретишь!

Они уселись на скудную траву у заборчика напротив Белянки. Егор Никитич глядел на парня и дивился: лет семь-восемь назад Митька с рогаткой бегал за воробьями, в огород к ним, Рыбаковым, лазил за морковкой. Однажды Егор Никитич поймал его прямо на грядке и, как шкодливого козлёнка, секанул хворостиной... А теперь ишь ты какой! В отца, Павла Романовича, а светлые глаза и веснушки — от матери, Дарьи Томинихи...

— Ну, как вы там, Мить?.. Николаевка как?

— А мы, дядь Егор, теперь по-другому называемся: Каменкой. Верблюжью гору помните? Там строительный камень нашли, рвут гору, камнетёсные машины поставили. Целый карьер. Сейчас к нам со всего района за камнем едут. Сперва шутя прозывали: «Каменка», «Каменка», а потом прилипло...

— А отец? Павел Романович всё на комбайне?

Митька кивнул и, улыбаясь, спросил:

— Ну а тут как... городская житуха?

— Как?.. Вот корову продавать привёл. Видишь, стоит белая.

— Кормить нечем?

— Корм-то есть. — Егор Никитич вздохнул и вкратце рассказал о доме, о хозяйстве, об Анатолии...

— Вот и надо машину брать, — посоветовал Митька. — Зачем вам в городе корова?

— Да дело не в корове... — Егор Никитич нахмурился. Митьке трудно растолковать. Самого бы Павла Романовича встретить. — Выходит, хозяйство надо разогнать, двор, сарай метлой чистёхонько вымести, чтобы живой травинкой не пахло, и посиживать у телевизора после работы?..

Рыбаков с досады махнул рукой. Помолчали.

— У вас веселей, — заговорил Митька, окинув солнечные ряды многоэтажных домов. — А у нас там... до первого дождя. Как польёт, грязь по колено, ноги не вытащишь. Вся надежда на трактора.

— Что же это вы? Камень нашли, а дорогу забыть боитесь.

Митька смолчал, его круглое веснушчатое лицо совсем разомлело от жары, сидеть на солнцепёке в толстом свитере было неважно, он терпеливо поглядывал на часы, вертел головой, поправлял очки на красном лбу, в его сивых выгоревших бровях блестели капли пота. Егор Никитич понял, что Митька торопится. Сейчас уйдёт, а порасспросить хотелось бы о многом...

— Говоришь, Верблюжью гору рвут? А куда же кладбище? Оно ведь как раз по нижнему склону. — Егор Никитич вспомнил отца, мать, их могилки у старых низкорослых вязов. По вёснам, в пасхальное воскресенье, он приходил туда с лопатой и подравнивал, рыхлил затвердевшие бугорки, покрытые прошлогодней травой и жёлтыми листьями. Бугорки становились свежими, как в день похорон, — казалось, и похороны-то были совсем недавно.

— Кладбище на месте. Машины его стороной объезжают, — сказал Митька и встал. Решил, что спрашивать Егору Никитичу уже не о чём, вот и заговорил о кладбище. — Извини, дядя Егор, я поеду. Пока светло.

— Да, да, поезжай. — Егор Никитич поднялся. — Отцу передай от нас... Скажи, что живём неплохо. В гости пусть заезжает.

— Хорошо. — Митька заторопился, подал руку и, радуясь концу разговора, громко и весело добавил: — Тёте Фросе, Анатолию от меня привет!

Он втиснулся в толпу, его спина в нарядном свитере и светлая фуражка мелькнула разок, другой... Егор Никитич бросился за ним, догнал.

— Адресок-то, Мить, записал бы. В гости зову, а где живу, не сказал. Отец, может, когда заедет, да и ты не стесняйся...

Но бумаги не нашлось.

— А вы, дядя Егор, письмо напишите, — предложил Митька. — Заодно расспросите обо всём. Отец вам лучше меня расскажет...

На прощание Егору Никитичу хотелось ещё что-нибудь сказать.

— Провожу тебя до ворот. — Он уцепил Митьку за руку, чтобы толпа не разъединила их.

— А товарищ твой откуда, нашенский?

— Нет. Из райцентра парень.

— Ну, всё одно оттуда, нашенский, значит... Где ж он работает?

— Электриком в мехмастерской. А вы на заводе кем?

— Заливщиком.

— Чё это?

— А ни чё... Тебя месяц поучи — и начнёшь подшипники заливать. Дело нехитрое, всякий сумеет.

Митька попробовал посочувствовать:

— Ничего, дядь Егор, привыкните... А не то езжайте в деревню.

— Ишь ты. — Егор Никитич улыбнулся. Они остановились у ворот. — Легко сказать, Мить... У меня тут дом новый, дети к месту пристроены, огород, хозяйство...

— Тогда чем недовольны? Не пойму вас, дядь Егор. — Митька сощурил глаза и стал совсем похож на отца. На миг Егору Никитичу даже показалось, что перед ним Томин-старший.

— У меня, Мить, как в том анекдоте, — сказал он с грустной усмешкой. — Знаешь анекдот «Сено-солома»? Как мужик зелёные очки корове надевал? Пусть, мол, ест солому, а думает, что сено. Вот и я. Живу в городе, а вразумляю себя, будто бы в деревне, — порядочек старый завёл: хата, скотинка, навоз, куры... Вроде бы «сено», а разберись — «солома», едри её корень... Получается, сам себя хочу обхитрить. А?

Митька захохотал, сграбастал на прощание Рыбакова.

«Силён, стервец, не ровня моим городским модникам», — одобрительно подумал Егор Никитич и крикнул затрусившему к мотоциклу Митьке:

— Лёгкой дороги!

Когда он вернулся к Белянке, та встретила его тихим нежным мычанием. Застоялась на привязи. Да и молоко подошло, вымя набрякло.

— Я пошёл, сосед, — сказал кадыкастый, уводя свою коровёнку. — Сколько можно.

— Извини, задержался я. Земляка встретил... Спасибо, — спохватился Егор Никитич. В мыслях он был ещё с Митькой.

Он сел на пустой мешок и стал думать о том, что напишет в деревню и как примерно ответит ему старый дружок Павел Романович Томин.

Владимир ВОРОПАЕВ,
доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

НЕТ ДРУГОЙ ДВЕРИ...

(205 лет со дня рождения Н.В. Гоголя)

По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковно-славянском, латинском, греческом и английском языках. Он говорил: «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие». Ольга Васильевна Гоголь-Головня, сестра писателя, вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил».

Ежедневное чтение Евангелия — неременная обязанность христианина, как и домашние молитвы. У Гоголя оно сделалось потребностью с юных лет. В Нежине протоиерей Павел Волинский на уроках Закона Божия читал с гимназистами толкования святителя Иоанна Златоуста на святых евангелистов Матфея и Иоанна. Речь шла, конечно, не о простом чтении — недостаточно Евангелие читать, как любую иную книгу, оно есть тот высший закон, по которому христи-

СИМВОЛ ВЕРЫ

анин должен строить свою жизнь. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, — учит святитель Игнатий Брянчанинов, — старайся исполнять его заповедания, читай его делами. Это книга жизни, и надо читать ее жизнью».

Именно Евангелием проверял Гоголь все свои душевные движения. Евангельская любовь, считал Гоголь, должна лежать в основании отношений между людьми. «Истинно христианская помощь не в одном денежном подаянии, — получал он младшую сестру Ольгу в письме от 20 января 1847 года, — это еще небольшая помощь. Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее. Обратить преступного и грешника ко Господу — вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику. А для этого подвиги тебе предстоят на всяком шагу, обратись только вокруг себя. Много в вашем соседстве пребывает людей во пьянстве, буйстве, разврате всякого рода и пороках. Губят невозвратно свою душу — и нет человека, который подвинулся бы жалостью к ним, и нет человека, который бы так пожалел о душах их, как бы о собственной душе своей, и возгорелся бы хотя частицею той любви, которою горит к нам Божественный Спаситель наш. Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. Надобно сказать лучше, что нет прямой любви к человеку, оттого и слова бессильны: слово без любви только ожесточает, а не мирит или исцеляет».

Несомненно, что и сам Гоголь и в своем творчестве, и в жизни руководствовался этой Евангельской любовью к человеку. «Надобно любовью согреть сердца, — говорил он, — творить без любви нельзя». В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не высказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние...» О глубиной искренности этих слов свидетельствует и составленная Гоголем молитва, которая содержится в его записной книжке: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновением».

Эмилия Ковриго, сирота, воспитанница матери Гоголя, рассказывала, что в ее отроческие годы Николай Васильевич учил ее грамоте, и когда выучил, то первой книгой, которую она с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, — вспоминала она, — так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей».

По словам Ивана Михайловича Андреева, профессора Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле, «огромный дар словесного художественного творчества был ниспослан Гоголю свыше, с одной стороны, как евангельский талант, требующий умножения и роста, а с другой — как исключительное богатство, препятствующее достижению Царства Небесного». Гоголь стремился распорядиться своим богатством, то есть талантом, по-евангельски. «Способность созданья есть способность великая, — писал он своей приятельнице Александре Осиповне Смирновой в начале 1847 года, — если только она оживотворена благословеньем вышшим Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело».

Только в контексте всей жизни Гоголя и в свете Евангельских истин может быть понята и проблема второго тома «Мертвых душ». Гоголь, как и положено писателю, испытывал сомнения, отчасти проверяя впечатление от вновь написанных вещей на слушателях. Однако самым требовательным судьей был он для себя сам. И судил Гоголь свои произведения именно в свете Евангелия. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно, — говорил он в 1850 году. — Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель».

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения второго тома в 1845 году: «...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого». Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

Писатель в некоторых случаях имеет несчастье принести вред и после смерти. Автор умирает, а произведение остается и продолжает губить души человеческие. Это прекрасно понимал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню Крылова «Сочинитель и Разбойник». Мораль этой басни угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чужа исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...»

В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» Здесь слышится отзвук слов Спасителя: «*Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит*» (Мф. 18, 7). Святитель Филарет, митрополит Московский, толкуя это евангельское изречение, пишет: «Воистину плачевен грех и страшное, но соблазн более. Грех мой, при помощи благодати Твоя, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить».

Другой современник Гоголя, святитель Феофан Затворник говорит о том же: «Соблазн растет и увеличивает беду самого соблазнителя, а он того не чует и еще больше расширяется в соблазнах. Благо, что угроза Божия за соблазн здесь, на земле, почти не исполняется в чаянии исправления; это отложено до будущего суда и воздаяния; тогда только почувствуют соблазнители, сколь великое зло соблазн».

Без сомнения, боялся писать на соблазн ко греху и Гоголь. В последнее десятилетие своей жизни он мало ценил прежние свои сочинения, пересматривая их глазами христианина. В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Эти слова вызвали немало нареканий и побудили многих думать, что Гоголь отрекается от своих прежних произведений. Между тем совершенно очевидно, что о бесполезности своих сочинений он говорит в смысле религиозном, духовном, ибо, как пишет далее Гоголь, в письмах его, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, чем в его сочинениях.

Следует также иметь в виду, что свою книгу Гоголь адресовал в первую очередь людям неверующим, тем, кто не ходит в

церковь. «Мне кажется, — писал он священнику, отцу Матфею Константиновскому в мае 1847 года, — что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие». Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете Евангельского слова.

«Обращаться с словом нужно честно, — говорил Гоголь. — Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю... когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло».

Талант, данный ему Богом, Гоголь хотел направить для прославления Бога и на пользу людям. И чтобы достичь этого, он должен был очистить себя молитвой и истинно христианской жизнью. Преображение русского человека, о котором мечтал Гоголь, совершалось в нем самом. Жизнью своей он продолжил свои писания.

Зародыши тех страстей, которые довели его героев до их ничтожества и пошлости, Гоголь находил в себе. Отвечая на вопрос одного из своих друзей, отчего герои «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, Гоголь говорит: «...герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения — история моей собственной души». И далее замечает: «Не думай, однако же... чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и стораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог».

«В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальней взглядишься, — продолжает Гоголь. — Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь

силою в душу несколько добрых качеств, — мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды».

В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия Брянчанинова. В статье «Христианский пастырь и христианин-художник» он высказывает глубокую мысль: «Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкаю зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут... Когда усвоится таланту Евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято».

В своей жизни (особенно в последнее десятилетие) Гоголь исполнял, по сути, евангельский — монашеский — принцип нестяжания. «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет, — говорил он. — Но кого Бог удостоил отведавать его сладость и кто уже возлюбил свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира». Сестру Елизавету Васильевну, выходящую замуж, Гоголь наставляет: «Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат» (из письма от 14 июля 1851 года). Мария Ивановна Гоголь писала историку Михаилу Погодину спустя три месяца после кончины единственного сына: «...у него ничего не было в большом количестве, он говорил: блажен, кто все состояние свое имеет при себе — не боится ни огня, ни воров...»

О духовном устроении Гоголя середины 1840-х годов свидетельствует та часть его завещания, которая относится к семейным делам. В письме к матери и сестрам от 14 ноября (н. ст.) 1846 года из Рима он делает следующее распоряжение: «Завещаю доходы от изданий сочинений моих, какие ни выйдут по смерти моей, в собственность моей матери и сестрам моим на условии делиться с бедными пополам. Как бы ни нуждались они сами, но да помнят вечно, что есть на свете такие, которые нуждаются еще более их».

По рассказам нежинских соучеников, Гоголь еще в школьные годы никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, и если нечего было дать, то всегда говорил: «Извините». Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки. На ее слова: «Подайте Христа ради» он ответил: «Сочтите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой».

В том же письме к матери и сестрам 1846 года Гоголь указывает, что по кончине его «никто из них уже не имеет права принадлежать себе, но всем тоскующим, страждущим и претерпевающим какое-нибудь жизненное горе. Чтобы дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обиталище помещика; чтобы всякий, кто ни приезжал, был ими принят, как родной и сердцу близкий человек...»

В странноприимстве Гоголь следовал завету святого апостола Павла: *«Страннолюбия не забывают: тем бо не ведающецы странноприяша Ангелы»* (*«Страннолюбия не забывают: ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам»*; Евр. 13, 2). На полях принадлежавшей ему Библии Гоголь против этого стиха написал: *«Наставление, как быть со всеми»*.

Умирал Гоголь с четками в руках. Это указывает на то, что он внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню: *«Непрестанно молитесь»* (1 Фес. 5, 17). В своей Библии Гоголь на полях отметил этот и предшествующий стих («всегда радуйтесь и непрестанно молитесь»). По учению святых отцов Иисусова молитва есть Евангелие, сокращенное до восьми слов.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращение к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, предсмертные записи.

«Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою.

Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное.

Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неисповедимого Креста!

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай, иначе есть тать и разбойник.

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...»

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

О значении Гоголя в истории русской литературы говорилось немало. Может быть, точнее других сказал об этом протоиерей Павел Светлов, профессор богословия Киевского университета Св. Владимира: «Мысль Гоголя о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия, так настойчиво высказанная им в нашей литературе в первый раз, явилась тем добрым семенем, которое выросло в пышный плод позднейшей русской литературы в ее лучшем и доминирующем этическом направлении. Призыв обществу к обновлению началами христианства, хранимого в Православной Церкви, был и остается великою заслугою Гоголя перед отечеством и делом великого мужества для его времени, чаявшего спасения в принципах европейской культуры».

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

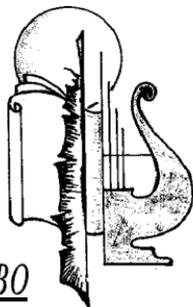
Илья Ефимович Репин (1844—1930)

Илья Ефимович Репин родился в городе Чугуеве Харьковской губернии в семье военного поселенца. Первоначально поселенцы были казаками, воевали против Наполеона, брали Париж, но на обратном пути на русской границе их встретили уланы, и из вольных людей они превратились в подневольных.

Мальчиком Илья видел не раз, как поселенцев наказывают шпицрутенами, гонят в колодках на каторгу. Часто их призывали на военные сборы, длившиеся годами, и тогда жены и дети оставались одни, хозяйства хирели. Так было и в семье Репина.

Склонность к рисованию у мальчика обнаружилась рано. В тринадцать лет он попросился учеником к иконописцу, а через три года его уже приглашали с артелью «богомазов» в соседние губернии расписывать церкви и писать образа. Заказчики ценили юного Репина за его мастерство и культурность и выделяли среди других артельщиков.

Получив довольно уверенные навыки владения кистью и карандашом, девятнадцати-

ИСКУССТВО

летний Илья Репин поехал в Петербург с надеждой поступить в Академию художеств. Не сразу, но поступил и был бесконечно счастлив, с восторгом описывая родным свой первый учебный год.

В Академии он делал стремительные успехи. Строгость репинских композиций, благородство цветовой гаммы, сдержанность движений и жестов поражали его сокурсников. Но в душе он чувствовал неудовлетворённость. Выполняя обязательные программные произведения на сюжеты, далекие от повседневной жизни, он стремился к совершенно иному: хотелось «угадать и воспроизвести идеал, который грезится разумному большинству людей»!

БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ

В 1868 году академист Репин уговорил художника Савицкого отправиться с ним на этюды. Они плыли на пароходе вверх по Неве в компании веселых офицеров, студентов и нарядных барышень. Внезапно Репин заметил вдали какое-то коричневое пятно.

— Что это ползёт на наше солнце? — пошутил он.

— А это бурлаки бечевой барку тянут, — ответил Савицкий.

Репин напрягся. О бурлаках он ничего не знал. Приблизилась. О, Боже! Какие грязные, оборванные! У одного почти оборвалась штанина, по земле волочится, и голое тело светит. Лица угрюмы, изредка глянут на цветастую толпу пассажира, исподлобья глянут, тяжело...

— Да что же это! — закричал Репин. — Люди вместо скота впряжены! Разве нельзя перевозить барки буксирными пароходами?

— Хм... — усмехнулся Савицкий. — Буксиры дороги. А главное, эти самые бурлаки и нагрузят, и разгрузят барку.

Репин остолбенел. К своим двадцати четырем годам он уже навидался разных житейских тягот, но бурлаки его поразили! Навсегда он запомнит этот день!

Через два года вместе с художником Васильевым Репин поехал на Волгу писать этюды. Альбом не вмещал неприличного кругозора — волжские просторы были необозримы! А какая чистота воздуха! Какие люди! — красивые, дородные, никакого подхалимства, никаких замашек услужить господам.

В местечке Ширяево Репин уходил по утрам к Волге: там он мог видеть бурлаков, о которых задумал написать картину. Поднимался высоко по каменистому берегу, поджидал

барку. Здесь на одной из отмелей бурлаки складывали ляжки и ложились в сладкой неге на палубу. Репину видно было сверху как на ладони.

Однажды он спустился к барке. Команда её состояла из одиннадцати бурлаков с подростком-мальчиком, уполномоченным от хозяина доставить известь из Царевщины в Симбирск. Поравнявшись с одним из бурлаков, Репин замер: «Глаза-то, глаза! А лоб! Это не простак...» Голова бурлака была повязана тряпицей, волосы курчавились к шее, в выражении лица было что-то восточное, древнее.

— Можно с тебя портрет списать? — спросил Репин.

Бурлак обиделся:

— Чего с меня писать? Я в волостном правлении прописан, я не беспаспортный какой...

Ватага растянула бечеву вдоль берега. Быстро, приспособленными узлами, закладывали свою упряжь — потемневшую от пота кожаную петлю-хомут. Илья Ефимович пошёл рядом с Каниным — заинтересовавшим его бурлаком, любуясь каждой его чёрточкой, всяким оттенком его кожи и посконной рубахи.

— Так что же, можно будет написать с тебя портрет? — возобновил свой вопрос. Типичнее этого бурлака, казалось, ничего не могло быть для избранного сюжета.

Один из бурлаков сказал Канину:

— Он с тебя «каликатуру» спишет, просит-то недаром.

— Ха-ха-ха! Быть тебе в каликатуре! — артельщики принялись допекать Канина. Он молчал, ни с кем не связывался и казался Репину величайшей загадкой.

В конце концов, художник уломал его. Вслед за Каниным удалось уговорить и других бурлаков. За работой Репин спрашивал каждого из них, кто он и откуда. Были среди них бывшие солдаты, был дурачок, был поп-расстрига, были и такие, о которых поэт Никитин писал:

*Запросилась душа на широкий простор,
Взял я паспорт, подушные отдал
И пошел в бурлаки...*

— А ведь вы, баят, пригоняете, — вдруг сказал Репину один из бурлаков.

— Куда пригоняете? — не понял художник.

— К антихристу, баят, пригоняете.

— Вот вздор! — загорячился Репин.

— Ладно, брат, мы всё знаем. Теперь ты с меня спишешь за двугривенный, а через год придут с цепью за моей душев-

кой и закуют, и погонят её, рабу Божию, к антихристу... Ты бы хоть по двадцать рублей нам давал.

Возвратившись в Петербург, Илья Ефимович сделал набросок «Бурлаков на Волге». К самой же картине долго не мог приступить, обдумывал. В это время его мастерскую посетил вице-премьер Академии художеств великий князь Владимир Александрович. Осмотрев работы, он сразу указал Репину на «Бурлаков»:

— Вот это сейчас же начинайте обрабатывать для меня.

Илью Ефимовича поразило: как великий князь сразу остановился на «Бурлаках», которые «были ещё так плохи и на таком ничтожном картончике»? Но, очевидно, Владимир Александрович смог увидеть мысленным взором тот окончательный вариант картины, который так сильно встряхнул российскую общественность и принёс художнику мировую славу.

Чудна ширь и раздолье Волги. Где-то далеко впереди летит суденышко, размахивая, как крылом, белым парусом. Направо, в такой же дали, несётся пароход, протянув в воздухе струйки дыма. А прямо, впереди, идут в ногу по мокрому песку, отпечатывая в нём ступни своих дырявых лаптей, одиннадцать бурлаков: с голой грудью, обожженными солнцем руками, натягивая лямку и таща барку.

Когда Репин представил картину на выставке, министр путей сообщения напал на него:

— Ну, скажите, ради бога, какая нелегкая вас дёрнула писать эту нелепую картину? Вы, должно быть, поляк?.. Ну, как не стыдно — русский!.. Да ведь этот допотопный способ транспортов мною уже сведён к нулю и скоро о нём не будет и помину! А вы, наверно, мечтаете найти глупца, который приобретёт себе этих горилл?

Репин, конечно, не мог ему сказать о визите великого князя, не мог сказать, что картина «Бурлаки на Волге» задолго до выставки была куплена и висела в бильярдной комнате княжеского дворца. Великий князь Владимир Александрович потом не раз жаловался Репину:

— Стена вечно пустует: картину просят на разные европейские выставки.

«Бурлаки на Волге» — одна из самых замечательных картин русской школы, а как картина на национальный сюжет — она решительно первая из всех у нас, — писал критик Стасов. — Ни одна другая не может сравниться с нею по глубине содержания, по историческим взглядам и по силе правдивости.

Некоторые зрители считали, что «Бурлаков» Репин писал как иллюстрацию к стихотворению Некрасова:

*Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великую русскую рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевою.*

Но Илья Ефимович, когда впервые увидел бурлаков и когда писал о них большое гражданское полотно, не знал этого стихотворения. «Стыдно признаться, но я прочитал эти некрасовские строки года через два только после поездки на Волгу». И критиковал Некрасова: «Разве может бурлак петь на ходу под лямкой? Ведь лямка тянет назад, того и гляди, оступишься или на корни споткнёшься. А главное, у них всегда лица злые, бледные: его глаз не выдержишь, отвернёшься — никакого расположения петь я у них не встречал, даже вечером перед кострами с котелком угрюмость и злоба заедали их».

Репин был живописец больших психологических достижений, он передавал характеры с необыкновенной яркостью. Его персонажи предстают живыми, неотразимо впечатляющими. От чистого сердца он хотел своей кистью помочь людям и обличить несправедливость.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫН ИВАН

Появление «Грозного» на выставке ошеломило столицу. Волнение охватило всех: сановников, студентов, мастеровых... «Это всероссийская сенсация! Петербург взволнован, можно сказать, потрясен, все разговоры около «Грозного», около Репина. Восторги, негодование, лекции, доклады. Тысячи посетителей, попавших и не могущих попасть на выставку. Конный наряд жандармов», — вспоминал художник Нестеров.

На картине — страшное злодеяние обезумевшего царя. Царь и отец убил сына. Ужас охватывал зрителей: событие совершалось, как будто въявь. Потоки крови, коей художник залил картину, вызывали патологическое ощущение истерики.

«Иван Грозный и его сын Иван» — это якобы событие 16 ноября 1581 года. По легенде, в жарко натопленных кремлевских палатах ходили не менее чем в трех рубахах — так было заведено издревле. Беременная жена царевича Ивана задыхалась и, сняв с себя рубахи, кроме одной, находилась в своей светлице, когда вошел царь. При виде ее зазорного вида, он с гневом обрушился на бедную женщину, и она от страха лишилась чувств.

Царевич вступился за жену. В диком порыве отец проломил ему голову скипетром.

Репин увидел в этом трагическом событии* царя-ханжу, которому не смей перечить никто, даже собственный сын. Вот он, опомнился перед окровавленным сыном, не знает, что делать, держит трясущимися руками голову умирающего, и безумная жалость к родному сыну, отчаяние, раскаяние сотрясают его!

«Работая усердно над картиной и будучи страшно разбит нервами и расстроен, я заперся в своей мастерской, приказав никого не принимать, я сделался невидимкой для петербургского общества. А между тем слухи о моей картине проникли уже туда, и многие желали ее видеть, я же принял меры, чтобы раньше времени праздные зеваки не могли удовлетворить своего любопытства и мешать мне работать, — рассказывал Репин. — Я работал как замороженный. Мне минутами становилось страшно. Я отворачивался от этой картины, прятал ее. На моих друзей она производила то же впечатление. Но что-то гнало меня к этой картине, и я опять работал над нею».

Когда картина была выставлена, Лев Николаевич Толстой сказал:

— Грозный — самый плюгавый и жалкий убийца, какими они и должны быть, — и красивая смертная красота сына. Хорошо, очень хорошо! Художник сказал вполне ясно. Кроме того, так мастерки, что не видать мастерства.

Критик Стасов тоже увидел в сцене убийства неограниченное тиранство Грозного, увидел, что Репин противопоставил неистовому царю его сына — любящего, кроткого, умирающего без малейшей ненависти к отцу.

Однако же многие зрители картину не приняли. Считали, что Грозный не был плюгавым царем, он был — Грозным! Он присоединил к России Урал и Поволжье, Казанское и Астраханское ханства, и никогда не унижал побежденный народ. При Грозном Ермак присоединил к России Сибирь. Был создан первый Стоглавый Собор, основан Архангельский порт, появились впервые на Руси — типография, регулярное стрелцкое войско и артиллерия. Грозный создал государство, с которым вынуждена была считаться вся Европа!

Репин понял свой промах. Пытался оправдаться: «Я выступаю здесь как живописец по мере сил своих. Полагаю, что меня надо не ругать, а благодарить». Но ему отвечали, что картина оскорбляет русское достоинство. Кроме того, неко-

* Данное «событие» — миф, распространенный европейскими историками. — Ред.

торые историки заявляли, что Грозный никогда не убивал своего сына, что это злобная выдумка. Выступил против Репина и обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев: «Эту картину нельзя назвать исторической, так как этот момент... чисто фантастический».

Волна протеста поднялась и против Стасова, и против Толстого. Кое-кто пытался примирить враждующие стороны: «Грозный» — картина многоплановая; здесь не только осуждение жестокости, но и раскрытие душевных переживаний царя-преступника: позднее раскаяние, страх, боль, беззвучный крик отчаяния...»

И все же картину увезли в Москву в галерею Третьякова. Павел Михайлович рассудил так: история историей, а живопись живописью — в «Грозном» полет чисто художественный.

По распоряжению царя московский полицмейстер взял с Третьякова подписку, что он не повесит ее в галерее. «Она будет спрятана в одной из жилых комнат моего дома, — написал Павел Михайлович Репину. — Потом сделаю специальную для нее пристройку к галерее».

Но особой комнаты не потребовалось, было получено разрешение на показ картины.

В городе на «Грозного» тоже ополчились. В 1913 году молодой иконописец, старообрядец, сын крупного мебельного фабриканта Абрам Балашов бросился на картину и исполосовал ее сапожным ножом. Узнав об этом, поэт Максимилиан Волошин сказал: «Жаль, что ее совсем не изрезали». Удары были так сильны, что повредили и центральную перекладину подрамника.

Репин был совершенно раздавлен свалившейся на него страшной бедой!

— Будто по телу ножом! — Он был уверен, что картина истреблена безнадежно.

Попечитель Третьяковской галереи, известный живописец Игорь Грабарь поставил перед собой задачу восстановить полотно в прежнем виде. Это казалось невыполнимым, так огромны были раны. Но талантливый специалист реставратор при участии Грабаря применил особые, строго научные методы, и картина возродилась к новой жизни.

ПРИЕМ ВОЛОСТНЫХ СТАРШИН ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ III

Летом 1884 года Илья Ефимович Репин получил заказ от министерства Императорского Двора написать парадную картину «Приём волостных старшин императором Алексан-

дром III во дворе Петровского дворца», посвященную событиям коронации нового императора. Встреча царя с волостными старшинами, представлявшими все губернии России, состоялась в мае 1883 года в рамках коронационных торжеств, происходивших в Москве как духовной столице Российской империи.

Для подготовки к написанию картины художник выехал в Москву.

Петровский дворец на Тверском тракте являлся одной из жемчужин московской архитектуры. Задумывался он Екатериной II как место отдыха членов царской фамилии, приезжающих в Москву из столичного Петербурга. Репин сделал эскизы двора, окрестностей, самого дворца, не представляя еще, какою будет картина и как он на ней расположит императора и массу народа. Затем поехал в Петергоф — срисовывать царские костюмы и делать этюды на воздухе. Сообщал П.М. Третьякову: «Вы желаете знать, что я делаю? Эта новая тема довольно богата, и мне она нравится, особенно с пластической стороны. Сколько разнообразия типов, выражений, лиц, контрастов, самых неожиданных, художественных!»

Александр III вступил на престол на следующий день после похорон своего отца, императора Александра II, убитого 1 марта 1881 года народовольцами. Однако официальная коронация в Успенском соборе Московского Кремля состоялась лишь спустя два года. Первые месяцы молодой император оставался в Гатчине, опасаясь покушения. По настоянию К.П. Победоносцева он издал манифест «О незыблемости самодержавия». Придворная группировка либералов была отправлена в отставку, либеральная пресса закрыта, ужесточены меры за пропаганду революционных идей, усилен жандармский корпус.

Константин Петрович Победоносцев имел на Александра большое влияние: с юношеских лет будущий монарх усвоил от своего учителя и наставника мысль о том, что царь — заступник своего народа, его отец и покровитель. Большое влияние имел и Федор Михайлович Достоевский, выступавший за сильную государственную власть. Журнал «Гражданин», редактируемый Достоевским, откликался на все волнующие общество вопросы внутренней и внешней политики России. В 1873 году философ, правовед, писатель, историк Церкви К.П. Победоносцев стал помощником Достоевского в редакции журнала.

Цесаревич хорошо знал романы Достоевского. После выхода в свет «Братьев Карамазовых» Федор Михайлович написал ему большое письмо, излагая свой взгляд на револю-

ционное движение в России, направленное против самодержавия. Он заявил, что это — следствие оторванности русского просвещения от самобытных начал русской жизни, «ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими». Развивая мысль, утверждал, что русские, стыдясь перед Европой своей якобы отсталости, нахватываются чужого и забывают о *своих* способностях, которые могут принести новый свет миру, как это было со всеми великими нациями, которые неуклонно оставались самостоятельными, и только тем пригодились миру, внося в него, каждая, по лучу света.

Александр не забывал этих строк Достоевского. «Россия — для русских и по-русски», — объявил он, придя во власть. И основательно прижал проповедников западного счастья.

После коронации в Москве в мае 1883 г. Александр III выступил перед крестьянскими старшинами, прибывшими со всех концов государства:

«Я очень рад видеть вас; душевно благодарю за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем мое сердечное спасибо, следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья».

Короткая речь Александра III подкрепляла целый ряд законов, которые были приняты по его инициативе с момента восшествия на престол. С 1 января 1883 года крестьяне получали землю на правах собственников, отменялась остаточная зависимость землепашцев от помещиков, уменьшались размеры недоимок.

Освещая этот момент русской истории, Репину предстояло показать не просто царя, окруженного народом, но *государя*, ответственного за будущее России. Он изобразил его властным. Жесткий взгляд Александра пытается охватить как будто всю Россию. Царица с детьми и придворная знать стоят в отдалении, и это говорит о том, что государь не намерен прислушиваться к их мнениям.

Художник чутьем угадал, каким будет царствование Александра III. За тринадцать лет своего правления Александр смог увеличить бюджет страны в девять раз. В короткие сроки был осуществлен фантастический проект императора: постройка Транссибирской магистрали — самой протяжен-

ной железной дороги в мире. А главное, Россия не приняла участия ни в одном международном военном конфликте.

— Во всем свете у нас только два верных союзника, — заявлял Александр, — наши армия и флот!

Попытка Англии отхватить кусок российской территории в Средней Азии была пресечена мгновенно. Австрия, недовольная влиянием России на Балканах, угрожавшая выставить против России три армейских корпуса, получила укорот: за большим обедом в Зимнем дворце царь согнул вилку петлей и кинул к прибору австрийского посла:

— Вот что я сделаю с вашими корпусами.

Царь был громадного роста и столь же громадной физической силы. Художник В.М. Васнецов изобразил его в картине «Богатыри» Ильей Муромцем.

Европа стала смотреть на Россию другими глазами. Молодой русский монарх оказался правителем, с которым приходилось серьезно считаться.

По строю мышления Александр III был «самым русским» из всех российских царей. Неслучайно одним из первых его указов Сенату был указ о приведении к присяге крестьян. Впервые крестьянин рассматривался как полноправный гражданин России.

Все достижения, все блага в представлении русского общества связывались теперь только с Россией. В стране пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа. Появилась русская опера, было подготовлено создание русского национального театра во главе с драматургом А.Н. Островским, состоялось открытие Императорского Исторического музея. Державной волей было учреждено Русское Императорское Палестинское общество, воздвигнуто множество православных храмов в России, а также в Копенгагене, Иерусалиме, Женеве, Ницце и даже в Аргентине.

Александр III не был ни либералом, ни реакционером, он был честный, благородный, прямой человек. Хотел видеть Россию богатой и могущественной. Наказывал в своем завещании сыну, будущему императору Николаю II:

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его 13 лет тому назад от истекавшего кровью отца. В тот трагический день встал передо мною вопрос, какую дорогой идти, той ли, на которую меня толкало так называемое передовое общество, зараженное либеральными идеями, или той, которую подсказывало мне мое соб-

ственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал свой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внешний и внутренний мир, чтобы государство могло спокойно развиваться, крепнуть, богатеть и благоденствовать.

Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц.

Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед престолом Всевышнего. Вера в Бога и святость твоего царского долга да будут для тебя основой твоей жизни. В политике внешней держись независимой позиции. Помни, у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней прежде всего покровительствуй церкви, она не раз спасала Россию в минуту бед.

Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Работал Александр III очень много — не щадя себя. Подорвал здоровье, но отнёсся к этому без должного внимания. Смерть наступила 20 октября 1894 года. Александру было сорок девять лет.

Репин окончил парадную картину блестяще, справившись с колоссальной задачей разместить на полотне свыше семидесяти фигур с ясно выраженными характеристиками. К каждой он отнёсся объективно, отводя ей определенную роль в общей симфонии образов. В центре картины — император, суровая внешность которого заставляла трепетать многих видных государственных деятелей. На втором плане, за спиной императора — его супруга императрица Мария Федоровна и пятеро их детей. В одеждах волостных старшин, представляющих все губернии России, отражены особенности традиционных национальных одеяний многочисленных народов Российской империи.

Для картины была изготовлена специальная рама, сама по себе являвшаяся шедевром. Золоченая, украшенная орнаментом; по бокам гербы тех волостей, которые участвовали в большом сходе в Москве 21 мая 1883 года. В центре рамы — герб Российской империи и особая вставка, в которой воспроизведена речь Александра III перед волостными старшинами. Этой единственной политической речи русского государя суждено было сделать реальный поворот в жизни России.

Картина и рама, являя собой целостное художественное произведение, стали украшением парадного зала Кремлевского дворца. В 1953 году картина была передана в Третьяковскую галерею, однако в советские годы из-за несоответствия «идейно-политического содержания» не выставлялась. В настоящее время её можно увидеть в Репинском зале галереи.

ЗАПОРОЖЦЫ СОЧИНЯЮТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ

«Тяжелый XV век. Полукочующий угол Европы, который князья южной первобытной России уже совершенно оставили. Этот угол был опустошен, выжжен дотла неукротимыми набегами монгольских хищников. Но, лишившись дома и кровли, человек стал отважен. На пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, он селился и привыкал глядеть врагу прямо в глаза. Здесь бранным пламенем обьялеть мирный славянский дух и завелось казачество — широкая, разгульная замашка русской природы. Вместо прежних уделов, городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников.

Их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших её опрокинуть. Поляки, очутившиеся наместо прежних русских князей, поняли значение казаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под отдаленною властью Польши, гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско, но в случае войны в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получая один только червонец платы от польского короля, — и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончался поход — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный казак». — Так писал в своей повести «Тарас Бульба» Николай Васильевич Гоголь.

Когда Илья Ефимович задумал написать «Запорожцев», он побывал на Украине, Кубани, на острове Хортица. Сделал живописный эскиз «Запорожцев». Эскиз этот дорабатывался и частично изменялся в процессе работы над картиной. Репин очень заботился о верности обстановки и костюмов. «Шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и

со сборами. Казакин алого цвета. Чеканные турецкие пистолеты, задвинутые за пояс. Сабля брякала по ногам. Высокие бараньи шапки с золотым верхом».

Вольной казачьей республикой рисовалась Репину Запорожская Сечь. Рожденный на Украине, он с детского возраста слышал рассказы своих земляков о казаках, о многих их подвигах. Знал и то, что завладевшие Крымом татары и турки безжалостно грабили население юга Руси, толпами гнали невольников на богатые рынки Турции, Крыма, на Ближний Восток. Знал Репин и письмо турецкого султана к запорожцам, — списки его широко ходили по Украине

Свою картину Илья Ефимович сопроводил подробным названием: «На высокопарную грозную грамоту султана Магомета IV кошевой Иван Дмитриевич Серко с товарищами отвечает насмешками».

За столом — атаманы запорожского войска. Только что вслух была зачитана грамота султана. Желая избавиться от своего опасного соседа, он предлагал запорожцам сдаться без сопротивления. Чтобы устроить казаков, привёл в начале письма все свои звания: «Я, султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник божий, владетель царств — Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властелин над властелинами...»

Вдоволь нахохотавшись над надеждами султана, запорожцы, не раз громившие в Крыму султанские крепости и спасшие многие сотни русских пленных, пишут едкий ответ:

«Шайтан турецкий, повар вавилонский, трепло македонское, александрийский козел, всего света шут, а для нашего Бога — дурак! Не годен ты и свиной христианских пасти. Не будешь ты, сукин сын, сыновей христианских под собой иметь, твоего войска мы не боимся, на земле и в воде будем биться с тобой, свинячья ты морда, мясникова собака...»

Этот исторический эпизод и взял Репин для своей картины. Пёстрая, весёлая Сечь! Чертовский народ! Во всю жизнь Запорожье осталось свободным и никому не подчинилось. Склонившись, писарь строчит под диктовку. Он едва успевает записывать взлетающие фейерверком острые, полные издевательств реплики. Каждый казак вставляет своё язвительное словцо, которое сопровождается громовым хохотом.

Репин писал «Запорожцев» как одержимый. Он смешивал краски, даже не глядя на них. Полубродяжки вольные герои! За выдвинутыми на первый план фигурами — фон военного лагеря, дымы костров, огней, начинающих светиться в сумерках... Каждый персонаж — тип, а все вместе они олицет-

воряют силу и мощь, которые никто не может преодолеть. Они отреклись от житейских благ и основали равноправное братство на защиту лучших своих принципов веры православно и личностно человеческой. И вот эта горсть удалцов, эта «интеллигенция» своего времени, поскольку они большей частью получали образование, не только защищает всю Европу от восточных хищников, но даже грозит этим хищникам, от души смеясь над их восточным высокомерием!

Репин писал картину, целиком отдавшись идее — показать героизм, силу и мужество народа, спеть гимн во славу свободных людей. Но Репин не был бы Репиным, если бы живопись не доставляла ему эстетического наслаждения. Ещё когда был ребенком, мать говорила ему: «Ну что это за срам, я со стыда сгорела в церкви: все люди как люди стоят, молятся, а ты, как дурак, разинул рот, поворачиваешься даже к иконостасу задом и всё зеваешь по стенам!»

Илье Ефимовичу в его творчестве было необходимо увлечение сюжетом. Весь мир забыть, ничего не видеть, кроме живых форм! И всё же он знал, что, совершенствуя форму, художник не должен растерять по дороге драгоценнейшее качество художника — сердце. Вот почему на произведения Репина всегда был усиленный спрос. Каждому самому мелкому коллекционеру хотелось иметь у себя что-нибудь «репинское». Ловкие торговцы пускали в продажу несметное количество подделок. Популярность его была так велика, что ему приписывали даже те картины, которых он не писал. Так однажды на банкете, какой-то адвокат произнес:

— Да здравствует Репин, автор гениальной картины «Боярыня Морозова»!

— Присоединяюсь к вам всем сердцем, — отозвался Илья Ефимович. — Я тоже считаю «Боярыню Морозову» гениальной картиной, и был бы горд, если бы написал её я, а не Суриков.

Всё, что вкладывал в свои произведения Репин — скорбь, гражданский протест, юмор — непосредственно передавалось зрителям. Передавалось как искорки большого сердца художника, как бесхитростный ответ на его откровенность. И не было ничего удивительного в том, что огромная масса русского народа знала творчество Репина и высоко ценила его.

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

В далёком-далёком детстве мне необычайно сильно хотелось выучиться играть на гармонии. И не просто играть, а исполнять — что бы вы думали? — ни много ни мало знаменитый «Полонез Огинского»...

Я жил в небольшом селе Мостовском, что привольно раскинулось в цветущей долине предгорий Северного Кавказа, между двух быстрых речек — Лабой и Ходзем.

Гармони в кубанских хуторах и станицах издавна были непременным атрибутом весёлых свадеб, людных вечеринок, раздольных казачьих гуляний и прочих важных празднеств.

В городах в то послевоенное время звучали патефоны, уже были в моде радиолы, кое-кто обладал даже телевизором — роскошь по тем временам невероятно редкая. А русская деревня, как ей на роду написано, всегда «отставала» от высот цивилизации и довольствовалась живой, естественной музыкой: балалайками, гитарами, мандолинами и кое-где духовыми оркестрами.

Но особым почётом и горячей народной любовью пользовалась обыкновен-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ная русская двухрядка. Звонкоголосая, заливиная, она без устали звучала, волнует и тревожит сердца влюблённых, до самой глубокой ночи, а то и до утра. И, конечно же, первыми парнями на деревне традиционно считались гармонисты...

Не случайно гармонь воспета в одной из самых популярных песен того времени:

*Снова замерло всё до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь...*

О покупке музыкального инструмента мне приходилось только мечтать. По тем временам это было слишком дорогое удовольствие. И хотя отец мой работал учётчиком в бригаде — должность в колхозе довольно высокая — за трудодни ему выдавали в основном кормовое зерно для домашних животных и птиц, овощи, иногда дрова для отопления печки — то есть «натуру», денег платили крайне мало.

Нынче наступили другие времена, иные нравы, явились новые песни. Но давняя музыка, иронично именуемая «ретро», в моём сознании нисколько не тускнеет. Порой так жгуче и нестерпимо она берedit душу, что хочется, забыв обо всём на свете, безоглядно лететь на крыльях туда, в далёкое босоное детство, в родное кубанское предгорье, где мальчишками мы дни напролёт стремительно носились по лугам и полям, забирались в глухие, непроходимые ущелья за первыми подснежниками для своих милых подруг, прохладной ранней весной бесстрашно ныряли в стылую, кипящую бурной пеной Лабу. А, повзрослев, переживали доселе неведомый, таинственный трепет первой влюблённости...

...День моего рождения. Мне исполнилось 12. Я ещё нежусь под тёплым стёганым одеялом, укрытый руками заботливой бабушки, млею в сладкой полудрёме. Чувствую, что уже проснулся, но глаз не открываю в предвкушении чего-то необычного, таинственного, светлого.

Окончательно пробуждаюсь от лёгкого скрипа входной двери в хату. Приоткрываю глаза и вижу, как на пороге в густом облаке морозного пара вырастает высокая, чуть сутулая фигура моего отца. В руках у него какой-то большой серый коробок. Отец загадочно улыбается и медленно, стараясь меня не разбудить, тихо-тихо приближается, а заметив, что я уже не сплю, убыстряет шаги. Осторожно опускает коробок на пол. «Для порядка» треплет меня за уши тёплыми

шершавыми пальцами, целует в щеку стылыми от январского мороза губами и протягивает коробок:

— Вот, сын, держи!

— А что там, пап? — спрашиваю отца и нетерпеливо впи-
ваюсь глазами в загадочный подарок. Чувствую, как замер-
ло, а потом вдруг сладко-сладко заколотилось сердце.

— Держи, говорю, крепче. Играй!

Последние остатки сна вмиг улетучились. Сознание мол-
нией обжигает догадка: «Неужели гармонь?!»

Как одержимый, вскакиваю, торопливо раскрываю кар-
тонный коробок. О, чудо! — перед глазами моя давняя, каза-
лось, несбыточная мечта — новёхонькая двухрядка в черно-
смолистом лакированном корпусе, с ярко-белыми перламут-
ровыми пуговками-голосами...

Я задыхаюсь от счастья! Кружусь и прыгаю, как заиграв-
шийся щенок. В упоительном восторге повисаю у отца на
шее, целую его худые, щетинистые щёки. Довольный, отец
широко улыбается. А рядом, будто о чём-то своём, грустит,
горестно скрестив руки, моя бабушка. Она улыбается, но
почему-то украдкой утирает платком глаза, наверное, по-осо-
бому, по-женски радуется. Все трое счастливы!..

Не откладывая свою мечту в долгий ящик, я в тот же день
начал пытаться разучивать музыкальное произведение, для на-
чинающего явно непосильное, — «Полонез Огинского». Разу-
меется, без нот, на слух, без помощи опытных музыкантов.

Чем меня пленила эта волшебная, загадочная музыка,
впервые услышанная в концерте «По заявкам радиослу-
шателей» из большой, чёрной, висевшей на стене тарелки-
репродуктора, — тогда я не понимал. Пленила — и всё тут.
Что-то таилось в мелодических переливах полонеза маги-
ческого, тоскливо-загадочное, какая-то непостижимая кол-
довская сила скрывалась в нём и больно, и сладко к себе
манила, бередила мою ранимую детскую душу. Да так
сильно, что хотелось плакать... С той поры всемирно зна-
менитый полонез Огинского проник в моё сознание на всю
жизнь.

Изрядно мучился я довольно долго, что-то больше месяца.
Почти без отдыха, забросив школьные уроки, отказавшись
от общения с товарищами, сутками напролёт разучивал свой
любимый полонез. От моего непрерывного неумелого пили-
канья, наверное, устали и бабушка, и соседи, и прохожие на
улице.

— Ты бы отдохнул, поел да погулял, — притворно строго
ворчала бабушка. Но я видел: ей было приятно, что внук
занимается «умным делом», не повесничает. И упорно, с

упоеанием продолжал захватившее меня занятие. Закрывшись в комнате, бережно брал в руки двухрядку, нежно прижимался щекой к её прохладному лакированному корпусу, сладостно вдыхал исходящий от него свежий древесный запах и старательно выводил манящую, покорившую меня мелодию.

С улыбкой вспоминаю, как вытянулись от изумления лица моих сверстников-друзей, когда с неспешной солидностью, продлевая горделивое удовольствие, я взял в руки гармонь и довольно сносно исполнил «Полонез Огинского».

...В 50 — 60-е годы в мостовском Доме культуры был большой самодеятельный духовой оркестр, снискавший в районе немалую популярность и добрую славу. Руководил им замечательный приезжий музыкант и подлинный энтузиаст своего дела Максим Максимович Крайник — Максимыч, как по-товарищески запросто называли его и стар и млад, на что тот не обижался, хотя был строг, сдержан в общении и фамильярности не допускал.

Духовой оркестр состоял из подростков и юношей постарше, возглавлял праздничные демонстрации 1 Мая и 7 ноября, будил ранним утром селян бравурными маршами в дни выборных кампаний, поднимая им настроение и призывая поскорей отдать свои «голоса» за народных кандидатов, веселил публику в парке и на стадионе, в праздничные дни открывал собрания сельского актива торжественным Гимном Советского Союза, нередко выступал на сцене Дома культуры, исполняя марши, классические произведения, разъезжал с концертами по району.

Многие мальчишки мечтали стать «духачами», но не каждому везло: при отборе будущих музыкантов Максимыч был требователен и неподкупен. Если замечал озорство шаловливых мальчишек, завидев у кого-то папиросу в зубах или — упаси Бог! — заслышав произнесенное грязное словцо, — пощады не жди: отчислял провинившегося в тот же час и к двери музыкалки больше не подпускал.

Судьба распорядилась так, что М.М. Крайник проживал по улице Калинина, неподалёку от нашей хаты. Однажды, услышав, как я долго и мучительно что-то пытаюсь воспроизвести на гармошке, он окликнул меня и без лишних слов коротко спросил:

— Хочешь по-настоящему учиться музыке? Приходи в духовой оркестр.

Обрадованный свалившимся на меня счастьем, я часто-часто согласно закивал.

— Да он же ещё ребёнок! — попыталась воспрепятствовать бабушка. — Вы дудите на своих трубах по вечерам. Ему страшно будет возвращаться домой.

— Решим так, — деловито сказал Максим Максимович. — Я буду увозить и привозить Володьку на велосипеде. Он же вон какой рослый, настоящий казак! Смотри, как наяривает на своей гармошке! Чего ж ему темноты бояться?..

Так и повелось: Максимыч целый год, пока я не осмелел и не стал без сопровождения ходить на занятия, каждый вечер подвозил меня в «духачку» и домой. Кажется, видя мои старания, ему нравилось, доставляло даже удовольствие возиться со мной, долгими зимними вечерами обучать нелёгкой игре на баритоне. Может, потому, что у Максимыча в семье не было сына, а Бог дал ему двух дочерей, которые почему-то не пожелали учиться игре в духовом оркестре...

Так, азы музыкальной грамоты и, главное, всепоглощающую любовь к музыке я, как и мои сверстники, впервые познал в мостовском духовом оркестре, обучаясь играть, естественно, бесплатно.

Скоро случилось в жизни нашего оркестра событие незаурядное. Наблюдая своими зоркими глазами, с какой страстью я разучиваю полонез Огинского на баритоне, не без труда пытаюсь извлечь из него богатейшие нюансы этого трепетного, вместе с тем мужественно звучащего произведения, и, по всему, не меньше меня очарованный музыкой замечательного польского композитора, Максимыч неожиданно поставил перед оркестрантами ответственную задачу:

— Будем выступать с полонезом на майском концерте. — И строго добавил: — Садитесь и занимайтесь.

Сначала дело у юных музыкантов не клеилось: сказывалась их недостаточная профессиональная подготовка. Но — прошла неделя, другая, третья — мы, старательно освоив музыкальные партии полонеза, хорошо сыгрались и теплым весенним вечером решительно шагнули на концертную эстраду.

Волнение, помню, переживали огромное: чуть ли не всё село явилось в Дом культуры слушать нас!..

И вот духовой оркестр на сцене. Конферансье громко объявляет наш номер. Максимыч быстро встаёт, поворачивается спиной к залу, приподнимает правой рукой свой поблескивающий огненными искорками корнет, одновременно служащий ему дирижёрской палочкой. Музыканты мгновенно прижимают к губам мундштуки инструментов — и чарующая мелодия полонеза полилась трепетными волнами в неведомую даль...

Всё было как в тумане. Наконец стихла, отозвавшись робким эхом в конце зала, заключительная нота. Секунду-другую зал молчал, а потом, восхищённый божественной музыкой композитора и, конечно же, нашим неподдельным исполнителем старанием, взорвался бурной овацией. Радости зрителей и музыкантов не было предела.

Но, странно, лицо Максимыча не выражало никакого восторга. Вдруг я увидел, как по его щеке скатилась маленькая, чуть заметная слезинка, которую он тут же быстро смахнул.

...С тех пор прошло много лет. «Давно мы стали взрослыми», как поётся в хорошей лирической песне. Судьба разбросала нас по разным городам и весям. Всё меньше нас, и реже встречаемся мы — друзья — «духачи» в родном посёлке. Но когда садимся вместе за общий праздничный стол, достаём, как в былые времена, старенькую грампластинку и чутко слушаем «Полонез Огинского», ставший гимном нашего послевоенного детства — времени трудного и вместе с тем духовно светлого, счастливого, когда не замечалось ни голода ни холода, было много яркого солнца, души грело сердечное людское тепло, великодушие, благодаря чему, думаю, моё поколение выросло нравственно чистым и физически крепким.

Никогда не забыть нам безвозвратно ушедшей романтической юности. Вдыхая полной грудью знакомый с детства, сладостно-пьянящий аромат цветущих лип, акаций и терпкого жасмина в тенистом парке родного посёлка, мы вспоминаем свою любимую «духачку» и, конечно же, дорогого, всеми нами любимого руководителя оркестра, скромного фронтовика, настоящего воспитателя, сумевшего привить нам бесконечную любовь к великому искусству музыки, — Максима Максимовича Крайника. Ныне он покоится на поселковом кладбище...

Стать профессиональным музыкантом мне не пришлось. Но и сегодня, спустя многие годы, взволнованно вслушиваюсь я в знакомую, щемящую до боли мелодию полонеза Огинского — по радио, в концертном зале филармонии или в одиноком исполнении нищего баяниста на улице Трёхсвятской в г. Твери, у ног которого сиротливо лежит старенькая, затёртая шапка с несколькими медяками. Приостанавливаю шаг, чувствую, как замирает душа, а сердце начинает биться всё чаще и чаще...

Снова и снова, будто в нескончаемом сне, перед глазами возникает незабываемая картина. День моего рождения. Мне исполнилось 12... Будто оживший, тихо открывает скрипу-

чую дверь старенькой бабушкиной хаты отец и протягивает мне большой коробок:

— Держи, сын. Играй!

А стоящая рядом бабушка почему-то утирает глаза платком...

...Много позже я узнал трагическую историю появления на свет музыкального шедевра, называемого ещё «Прощанием с родиной».

В этом году исполняется 220 лет со дня создания «Полонеза Огинского», а в будущем, 2015-м мировая культурная общественность отметит 250-летие со дня рождения выдающегося сына польского народа Михаила Клеофаса Огинского (1765—1833).

Польский посол в Англии и Голландии, участник восстания под руководством Т. Костюшко, сенатор Российской империи, граф, который имел право на польский престол, но предпочёл называть себя гражданином и солдатом революции. Таков Михаил Клеофас Огинский. Наряду с этим он — блестящий музыкант и композитор, сочинявший военно-патриотические марши, менуэты, вальсы, романсы, фортепьянные пьесы. Но более всего он прославился своими полонезами, их около двадцати. А один — «Прощание с родиной» завоевал весь свет.

Когда в 1794 году в Кракове вспыхнуло восстание за независимость Польши, граф Огинский примыкает к восстанию, формирует на свои деньги воинскую часть и сам участвует в сражениях. После подавления восстания тысячи патриотов, и Огинский тоже, покидают Польшу. Именно тогда, в ночь перед окончательным расставанием с Отчиной, родился у композитора трагически-скорбный, пронзительный и вместе с тем величественно-страстный полонез «Прощание с родиной», которому суждена долгая жизнь и всенародная любовь. Эта чарующая, тревожная, отзывающаяся в самой глубине сердца неизмеримой тоской, музыка помнится нам как «Полонез Огинского».

...Почему так крепко запала мне в душу именно эта восхитительная мелодия — разве мало на свете других, не менее прекрасных, музыкальных произведений?.. До сих пор понять не могу. Может, потому, что навевает она незабываемые, драматические страницы былой истории нашей родины-России... Заставляет не только проникновенно чувствовать, но и глубоко размышлять. Или потому, что мне когда-то пришлось надолго покинуть свою любимую малую родину — Кубань. И тосковать о ней с каждым днём всё сильнее и сильнее, а

лирически щемящая мелодия полонеза, как ничто другое, живо воскрешает в памяти незабываемые картинки такого далёкого и вместе с тем близкого детства...

Тоска по родине, известно, чувство неизбывное, всепоглощающее, неискоренимое. Ведь не случайно же, каждый раз слушая «Полонез Огинского», я снова и снова мысленно возвращаюсь в родные места, восхищенно люблюсь необозримыми кубанскими просторами, будто воочию вижу устремлённые в заоблачную высь гордые, белоснежные вершины гор Кавказа, откуда берут своё начало тонкие, извилистые ленточки чистых, как слеза, речек Лабы и Ходзя. И неизменно в памяти всплывают дивно-ностальгические поэтические строки великого Есенина: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла!..»